

947.0841

M235a

П.В. МАКАРОВ

**АДЪЮТАНТ
ГЕНЕРАЛА
МАЙ-МАЕВСКОГО**

»ПРИБОЙ«

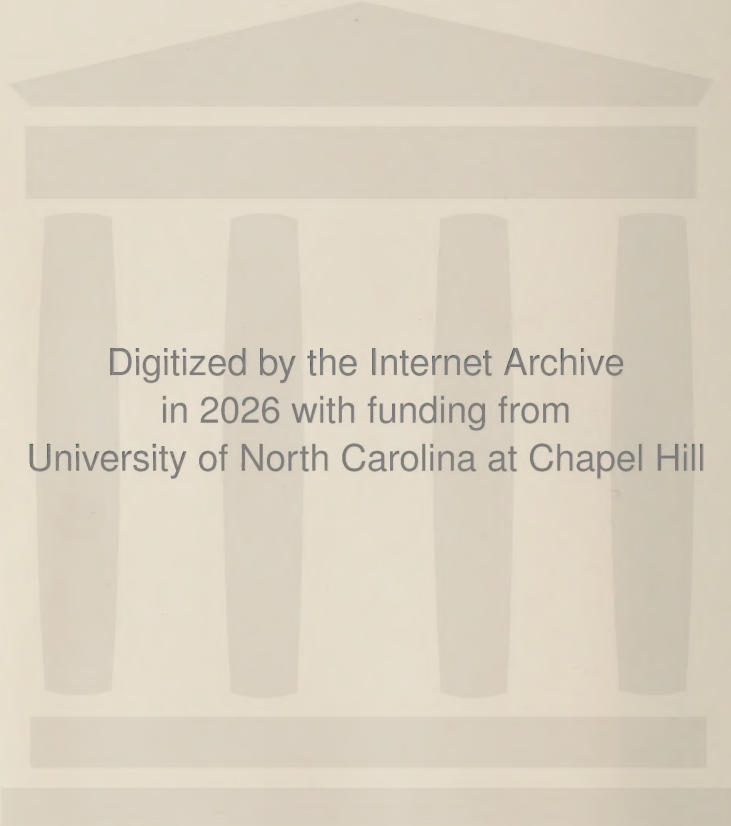
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

947.0841
M235a

[illegible]

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

83/8

Евдокимов

П. В. МАКАРОВ

окт 213-58

АДЪЮТАНТ ГЕНЕРАЛА МАЙ-МАЕВСКОГО

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
НАЧАЛЬНИКА ОТРЯДА
КРАСНЫХ ПАРТИЗАНОВ
В КРЫМУ

С 10-ю рис. и картой

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ».
ЛЕНИНГРАД

ОТ АВТОРА.

Всякого рода перепечатки и заимствования из этой книги (для пьес, сценариев и т. д.) без особого на то разрешения автора воспрещается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Павел Васильевич Макаров родился в крестьянской семье в городе Скопине, Рязанской губ. Вследствие безземелья, отец его вынужден был заниматься ремеслом сапожника; впоследствии служил на Сызрано-Вяземской ж. д. кондуктором. Уже в раннем детстве Макаров потерял отца, потерпевшего при крушении поезда. Восьми лет Павел Васильевич был отдан в мальчики в бакалейную лавку.

Через некоторое время, благодаря содействию бывшего матроса Гацукова, только-что отбывшего за революционную деятельность 3 года дисциплинарного батальона, Павел Васильевич устроился в гор. Балашове мальчиком в кровельно-малярной мастерской. За кусок хлеба мальчик Макаров лазил по крышам больших зданий и по куполу Покровского монастыря при поселке «Япония», подавая ведра с краской.

Жизненный перелом начался с того времени, когда брат Владимир Васильевич Макаров вызвал его в Севастополь. Там Павел Васильевич стал помогать брату в переплетной. Гладуна переплетать книги. Скоро работы не стало в переплетной, и Макаров переехал в Симферополь, где долгое время не мог найти никакой работы: мешала неграмотность, едва читал по складам. В конце-концов, удалось стать газетчиком по продаже «Южного Слова». Под бляхой № 22 начал свою деятельность газетчика т. Макаров в самый разгар империалистической войны. Но долго торговать не пришлось. Через несколько месяцев газетчику № 22 была

947.0841
M 235 a

оказана честь: за ним приехала крытая карета с жандармами; арестовали и повезли к военному цензору, полковнику фон-Плато. Тот начал разговор с удара по физиономии. Газетчику № 22 инкриминировалось распространение среди солдат 32-го и 34-го запасных пехотных полков непропущенных цензурой телеграмм о положении на фронте.

Так начался жизненный путь и так произошло первое столкновение т. Макарова со старым режимом в лице жандармского полковника. Частый путь многих наших революционных товарищей. Но особенность пути т. Макарова в том, что он, сын крестьянина-сапожника, мальчик-маляр и газетчик № 22, сделал совершенно необычайную карьеру: капитан и личный адъютант генерала Май-Маевского, командующего всеми белыми армиями, подходившими к самому сердцу Советской России и остановленными только гигантскими усилиями всего рабочего класса.

И что поразительнее всего: блестящий адъютант генерала Май-Маевского через некоторое время становится командиром 3-го Повстанческого Симферопольского полка и помощником командующего Повстанческой армией, дезорганизовавшей тыл «верховного правителя» барона Врангеля. Вся эта сказочная перемена произошла в течение всего нескольких лет...

После газетчиков т. Макаров некоторое время служил кондуктором Севастопольского трамвая. За 9 рублей в месяц в свободные часы Павел Васильевич обучился книжной премудрости и держал экзамен за 4 класса при Севастопольском реальном училище. Когда наступило время призыва, был зачислен в 10-ую роту 34-го запасного полка, квартировавшую в гор. Симферополе в Эскадронских казармах. Отсюда был направлен в Тифлисскую 2-ю школу прапорщиков. По окончании в 1917 г. школы был произведен в прапорщики, был назначен в 32-й запасный полк в 16-ю роту в гор. Симферополь. 10-го апреля 1917 г. выступил с первыми революционными ротами на Ру-

мынский фронт. На фронте был назначен младшим офицером в 5-ю роту 134-го Феодосийского полка. Во время боя был контужен и отравлен газами. Тут впервые зародилась у т. Макарова мысль: ради чего идет бойня. Попад снова в полосу боев, в конце 1917 года принял всяческое участие в братании. Распустил свою роту по домам и отдался служению революции под лозунгом: «Без аннексий и контрибуций». В форме румынского гусарского офицера бежал с фронта. Пробрался в Рени, потом в гор. Никополь, где впервые установил связь с революционной организацией. Оттуда с эшелоном матросов направился в Симферополь. В начале 1918 г. был назначен организатором и агитатором Красной армии при Севастопольском областном революционном штабе. Организовывал отряды в Евпаторийском уезде. По делам организации Красной армии попал в Мелитополь в тот момент, когда Советская власть эвакуировалась из города. И вот тут-то началась блистательная карьера, с точки зрения белогвардейского чиновничества: из захудалых прапорщиков в капитаны и в личные адъютанты командующего. Началось, прежде всего, благодаря находчивости. Будучи окружен дроздовцами и будучи спрошен знаменитым Туркулом о чине и звании, присвоил себе чин несоответственный, как говорится, «на арапа». И правильно сделал. Колчаки, Деникины и Врангели, как то обнаружилось в результате разгрома, учиненного им Красной армией, тоже не по чину присвоили себе наименование «Правителей всея России». Зло посмеялась революция над этими верховными правителями. Сброшенные историей уже в 1917 г. коронованные особы и генерал-адъютанты потоками крови пытались повернуть вспять колесо истории. И были им же раздавлены. Среди этих исторических самозванцев на своем месте был блестящий адъютант главноначальствующего 6-тью губерниями и командующего всей добровольческой армией генерала Май-Маевского.

Вероятно, кое-кого из читателей интригует, как удалось бывшему маляру и кондуктору играть роль старшего адъютанта среди «ослепительной» своры бывших флигель-адъютантов, бывших князей, графов и баронов, бывших кавалергардов и разных иных бывших и бывших. Тов. Макаров чистосердечно признается, что ему пришлось немало потрудиться, чтобы усвоить «тонкий, любезный навык вращаться в свете», как пишет он в памятной своей записке. Но смелость и усердие города берут. Через некоторое время он уже освоился с обезьяньим искусством вежливости буржуазного общества и довольно бойко предупреждал на французском языке, что он весьма плохо объясняется именно по-французски. Но избегал он многословия не только на французском диалекте, но и на русском. Из опасения «сорваться» отличался большой сдержанностью, больше молчал и слушал, что говорят другие. Погоны капитана и аксельбанты адъютанта говорили лучше всяких слов. В своей памятной записке т. Макаров пишет:

«Я наблюдал, как прыгали все графы, князья, генералы и вся аристократия, боясь диктатора Май-Маевского. Боялись даже его адъютанта. Вот пример. Прохожу по Сумской улице в Харькове. Вдруг окликает какой-то генерал:

«— Прапорщик, почему вы не отдаете честь?

«Я остановился и проговорил:

«— Прежде всего я не прапорщик, разрешите доложить — я капитан. Вас я не заметил, ваше превосходительство.

«Генерал повышенным тоном буркнул:

«— Солдатская отговорка, следуйте за мной в комендатуру.

«Обращаясь к генералу, я сказал:

«— Ваше превосходительство, зачем нам итти пешком, сию минуту, прошу проехать.

«Генерал недоуменно оглядывался по сторонам, бурча:

«— Как поехать, на чем поехать?

«Я крикнул:

«— Поручик, дайте машину.

«Я всегда ездил на машине; если мне приходилось итти пешком, машина шла вслед за мной.

«Каково было удивление генерала, когда он увидел лучшую машину «Покард» с двумя флагами: добровольческим и георгиевским. Генерал растерялся в присутствии публики и смущенно пробормотал:

«— Позвольте, капитан, это машина командующего войсками?

«— Да, а я старший и личный адъютант командующего. Пожалуйста, садитесь.

«Поручик открыл дверцу автомобиля, а генерал пролепетал:

«— Нет, нет, господин капитан, прошу извинить, здесь недоразумение».

В обстановке палачества подхалимство и лизоблюдство свили прочные корни. Аксельбанты адъютанта действовали магически. Подхалимничали не только перед «самим», но и перед адъютантом. «Многие лица из ученого круга и некоторые профессора, — добродушно вспоминает т. Макаров, — любезно дарили мне свои научные произведения с надписью „от автора“».

Тов. Макаров не раз задумывался в те времена: вряд ли дарили бы ему книги эти ученые и профессора, если бы только знали, кто такой на самом деле адъютант командующего капитан Макаров. В самом деле, многие и многие, весьма благосклонно относившиеся к капитану Макарову, узнав, что он член подпольной организации РКП(б) и попал в крепость, проклинали его изо всех сил и готовы были повесить его собственными руками.

И еще больше удивились и возмутились, когда бывший капитан Макаров, адъютант генерала Май-Маевского стал во главе красных партизанов Крыма и помогал товарищу Мокроусову в руководстве операциями по дезорганизации тыла Врангеля.

Воспоминания т. Макарова представляют особый интерес отнюдь не только по тем удивительным личным обстоятельствам, которые живо даны в его книге. Теперь, когда мы подводим итог первого десятилетия нашей борьбы за диктатуру пролетариата, весьма кстати вспомнить подвиги и борьбу многих славных товарищей, боровшихся с врагами рабочего класса в эпоху гражданской войны. Рабочий класс многим обязан беззаветной храбрости и героизму тт., которые в совершенно исключительных условиях боролись под красным знаменем. Многие из нас, несмотря на всю тяжесть борьбы, были сравнительно в гораздо лучших условиях, находясь в рядах Красной армии. Во-первых, нас были миллионы бойцов, мы были в родственном окружении своих же товарищей рабочих и трудового крестьянства; во-вторых, мы все время имели руководство гениального стратега пролетарской борьбы т. Ленина и его великой партии.

Но поистине удивительна беспримерная храбрость и выдержка товарищей партизанов. Окруженные со всех сторон злейшими непримиримыми врагами, травимые в лесах и в горах как волки, они не складывали оружия и смело наносили свои удары. Из книги т. Макарова каждый молодой рабочий, не переживший непосредственно великих боевых дней 1919—1920 годов, увидит, как иногда буквально крохотная горсть партизанов бросалась в бой с целыми воинскими частями белогвардейцев. Против нескольких сот партизанов барону Врангелю и его главному помощнику генералу Слащеву приходилось снимать с фронта целые дивизии. И все-таки до самого конца партизаны, со всех сторон окруженные врангелевцами, почти вовсе лишенные помощи и поддержки, не были уничтожены. Враг не увидел их конца, не насладился их поражением. Наоборот, именно красные партизаны Крыма довершили последние сокрушительные удары Красной армии по врангелевцам. Когда армия Врангеля, сломленная на Перекопских перешейках, дрогнула и перешла в отступление,

партизаны вышли из ущелий крымских гор и врезались в ряды отступающих. При отступлении на Карасубазар красные партизаны бросились на кавалерию белых, которая шла в составе 7 000 сабель. В этом бою конница генерала Барбовича потерпела от партизанов полный разгром. Такие и подобные удары по отступающему противнику довершили полное и безусловное его поражение. В сборнике «Антанта и Врангель» дана правильная оценка значения операций красных партизан во время ликвидации врангелевщины в Крыму: «Значительная часть трофеев и богатств, доставшихся Красной армии, не была вывезена белыми только потому, что повстанческие части, ударившие отступающим частям в затылок, создали обстановку общей растерянности и ужаса, при которой врангелевцам было уже не до ценностей» (упом. сб., ст. С. Ингулова «Крымское подполье»).

В истории войн классическим примером действий партизан считаются операции Давыдова, Фигнера и Сеславина в так называемой отечественной войне, когда партизаны оказали содействие русским войскам во время преследования армий Наполеона. Опыт наших красных партизанов дает еще более богатый материал, в особенности всякому изучающему гражданскую войну. На опыте тех же крымских партизанов можно убедиться, какую поддержку в деле внутреннего подкапывания тыла противника, создания условий его необеспеченности, положения связанных рук, играет партизанщина. До сих пор недостаточно были изучены причины и условия внутренней слабости белогвардейщины. Мы сравнительно даже мало знаем самые факты социального и военного разложения белогвардейщины. Между тем, стоило бы этому посвятить особое исследование: разложение частей противника, дезорганизация его тыла партизанщиной создавали благоприятные условия, содействовали успешному развитию операций регулярной Красной армии. Разложение тыла противника должно войти в состав тактики РККА.

И в этом смысле книга Макарова для будущего историка гражданской войны послужит превосходным материалом.

Всякий, кто прочтет книгу т. Макарова, увидит, какую большую помощь оказали рабочему классу нашего Союза героизм и великие жертвы красных партизанов Крыма. Дети пролетариата должны будут со временем оценить подвиги красных партизанов ради той высокой цели, которая ими руководила: помочь в борьбе рабочего класса за свое освобождение.

Враги, прочтя книгу т. Макарова, еще раз будут недовольны. Тысячи и тысячи их скопилось тогда в Крыму и после разгрома бежало в Константинополь. Еще тогда, в 1920 году, они с ненавистью произносили всем им известное имя капитана Макарова, которое постоянно клеймилось ими в приказах военного командования, в постановлениях военно-полевого суда и в других свидетельствах белогвардейского свирепства. Уже тогда им пришлось испытать удары партизанов, среди которых одним из первых бойцов был бывший адъютант командующего добровольческой армией капитан Макаров. Врагам напоминает, что партизаны на-чеку. Книга Макарова напоминает, что, когда вспыхнут новые бои по отражению похода, который буржуазия готовит против СССР, бывшие красные партизаны займут не последнее место в наших боевых рядах. Враги, бежавшие тогда осенью 1920 года через Крым с территории Советского Союза, и другие враги, которые придут с ними, еще раз испытают железную руку красных бойцов.

Ив. Егоров.

ОТ РЕДАКЦИИ

Все факты, сообщаемые в книге т. Макарова, проверены Истпартотделом ОК ВКП (б) Крыма и рядом партийных работников, работавших в крымском подполье.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Из организатора Красной армии в адъютанты белого командарма

В 1918 году, в апреле, меня, организатора Красной армии при областном ревштабе Севастополя, командировали в район Евпатории, Перекоп и Федоровку. Моей задачей было организовывать Красную армию на местах и втягивать в ее ряды красногвардейские отряды. Отрядов было много, и каждый из них жил «на свой образец»; контрибуция в их быту играла первые роли...

В Мелитополе я попал в плен к дроздовцам. Помню, меня обступили конный отряд и пехота. Штабс-капитан грозно спросил:

— Кто вы такой?

Колебаться было некогда:

— Штабс-капитан, представленный в капитаны по румынскому фронту.

— Кто командир полка? Какой полк?

Вопросы частили, как из пулемета. Не отстал и я:

— 134 Феодосийский полк. Командир полка Шервердин. Полк стоял по реке Серет.

— Правильно!

Штабс-капитан поверил, расцвел предупредительностью. Я узнал, что его фамилия Туркул, и немедленно меня зачислили в 3-ью роту.

Дроздовский отряд, выйдя из Румынии, именовался «авангардом офицерского корпуса генерала Щербачева». Я не знал, как отнестись к этому утверждению, пока мы не дошли до станицы Мечетинской. Здесь

дроздовцев встретил генерал Алексеев, стоявший вместе с Деникиным во главе жалких остатков от «Ледяного похода» корниловцев.

— Я думал, что мы одни отрезаны от всего мира, — сказал ген. Алексеев в приветственном слове. — Но нет! Где-то далеко, в глухой Румынии, сохранилась от большой армии горсть храбрых русских людей. В них бьется такое же горячее сердце за великую единую Русь.

Конечно, целый корпус генерал не назвал бы «горстью». Позже, по всем действиям дроздовцев, сделалось понятным, что офицерский корпус существует лишь в воображении белых генералов — для поощрения и устрашения жителей.

Бежать было бы не так уж трудно, но во мне созрело решение — проникнуть в штаб дроздовцев и связаться с подпольной большевистской организацией.

Я удачно симулировал болезненное состояние — результат тяжелой контузии и ранения (я, действительно, был контужен). К счастью, мне было знакомо шифровальное дело, и полковник Дроздовский прикомандировал меня штабным офицером в шифровально-вербовочный отдел.

Штаб стоял в Ставрополе. Сюда прибыл и генерал Май-Маевский. Он прославился редкой храбростью еще в империалистическую войну. Генштабист по образованию, Май-Маевский командовал первым гвардейским корпусом, был награжден Анной, Владимиром, Станиславом I степени, имел золотое оружие и георгиевские кресты 3-ей и 4-ой степени. В керенщину, под Тарнополем, Май-Маевский первым вышел из окопов навстречу врагу, увлекая за собой солдат. За это генерал получил солдатского Георгия с веточкой. Убежденный монархист, Май-Маевский был тверд, не любил заниматься интригами. В добровольческую армию вступил на Кубани. Предполагалось, что, по взятии Москвы добровольцами, Май-Маевский получит пост военного и морского министра.

Когда полковник Дроздовский выбыл из строя из-за ранения, Деникин назначил Май-Маевского врид начдива.

Дроздовцы встретили нового начальника враждебно. Май-Маевский не участвовал в «Ледяном походе», не сражался в рядах Дроздовского.

— Генерал прибыл на готовое и хочет окопаться! — ворчали офицеры. В штабе, не стесняясь, высказывались:

— Уж лучше бы назначили Витковского (участника дроздовских походов).

Даже солдатский Георгий трактовался как подлизывание к солдатским массам и вызывал насмешки.

Я решил использовать настроение офицеров для моих личных целей.

С новым назначением мне угрожал перевод из штаба — сердца белогвардейщины — в строй. Чтобы этого избежать, надо было войти в доверие к новому начдиву. Осторожно, постепенно я начал передавать генералу офицерские «разговорчики». Ясно, что я не стеснялся в преувеличивании нелестных отзывов. Май-Маевский все охотнее меня выслушивал, обещая:

— Спасибо вам! Я вас не забуду!

Штабные офицеры обедали вместе с начдивом. Я использовал и эти часы, много рассказывая о боевой жизни фокшанского и окненского направлений. Часто генерал одобрительно вставлял:

— Геройски! Молодцевато!

Он скоро начал выделять меня из офицеров.

Полковник Дроздовский умер, и Май-Маевский сделался начдивом. Он сразу вызвал меня в кабинет и подробно расспросил о моем происхождении. Пришлось отлить пулю, что мой отец — начальник Сызрано-Вяземской железной дороги, что у Скопина расположено наше большое имение.

И совсем неожиданно для меня Май-Маевский спросил:

— Хотите быть моим личным адъютантом?

Я скромно ответил:

— Ваше превосходительство, я польщен вашим вниманием, но ведь есть участники корниловского похода...

Май-Маевский перебил:

— Я имею право кого угодно назначить. Вы будете моим адъютантом. Сегодня я отдам в приказе.

На другой день я приступил к исполнению своих новых обязанностей. А вскоре генерал Май-Маевский принял корпус и армию, и я сделался адъютантом командарма. Карьера головокружительная для простенького прапорщика из газетчиков!..

Организационный вопрос улажен как нельзя лучше

Адъютантская работа не представляла для меня ничего сложного. Я лишь боялся, что меня выдаст малограмотность.

Май-Маевский часто диктовал мне приказы и распоряжения. Иногда он брал у меня из рук лист, качал головой и укоризненно восклицал:

— Капитан! Почему вы так безграмотно пишете?! Будьте же внимательнее!

Я довольно несвязно ссылаясь на тяжелую жизнь и контузию.

Однажды в приказании начальнику штаба я написал «сурьёзно». Начальник штаба генерал Ефимов старательно переправил «у» на «ю».

— «Сюръёзно!», — прочитал удивленно Май-Маевский. — А кто же так поправил? — поинтересовался он, смеясь.

— Начальник штаба, ваше превосходительство.

И, воспользовавшись удобным случаем, «обелил» свою малограмотность:

— Ваше превосходительство! Я полагаю, мне простительно. Имение разграблено, все время на фронте. Не до книг и культуры. Генерал Ефимов и тот делает ошибки!

После этого случая Май-Маевский примирился с моей «грамматикой».

Отныне у меня была одна забота — связаться с подпольной большевистской организацией.

Белые генералы

Штаб ген. Май-Маевского находился в сердце Донбаса — в Юзовке. Генерал старался удержать в своей власти угольный район и, не считая средств и жертв, вырывал с корнем, как он выражался, «пролетарский дух». За малейшую симпатию к советской власти людей расстреливали и вешали. Контр-разведка раскинула густую сеть по всей территории, занятой Добрармией. Горнопромышленники, вернувшиеся к своим заводам и шахтам, с особенной кровожадностью издевались над рабочими. Под угрозой смертной казни, за ничтожные гроши их заставляли работать с утра до поздней ночи в шахтах, на заводах и на транспорте. Отказ работать рассматривался Май-Маевским как призыв к восстанию; участь таких несчастных решала пуля или петля. На кровавом фоне белогвардейщины вырисовывалась грузная, высокая фигура генерала Май-Маевского.

Он сидел в кабинете и смотрел из окна на горизонт, откуда доносился гул орудийной канонады.

— На пепле развалин строится новая единая, неделимая Россия, — убежденно сказал он, вставая с кресла, и долго разглядывал цветные флажки, расположенные кольцеобразно на оперативной карте. Затем отдал распоряжение своему штабу перейти на станцию Криничную.

Май-Маевский поставил дело крепко: стоило ему нажать клавиши правления, как под мастерскую игру генерала плясали и правые и левые. Уезжая на ст. Криничную, генерал был спокоен за тыл.

Шли непрерывные бои, железнодорожные станции переходили из рук в руки. У Май-Маевского было не-

много войск. Но, перебрасывая их из одного участка на другой, генерал вводил в заблуждение красных. Одним и тем же частям белых войск в течение дня приходилось участвовать во многих боях и разных направлениях; для этой цели был хорошо приспособлен подвижной состав транспорта. Такая тактика и удары по узловым станциям были признаны английским и французским командованием новой замечательной стратегией. Кроме того, Май-Маевский в течение недели четыре-пять раз выезжал на фронт, поднимая своим присутствием стойкость бойцов. Войска его уважали, называя вторым Кутузовым (по фигуре генерал был похож на знаменитого полководца).

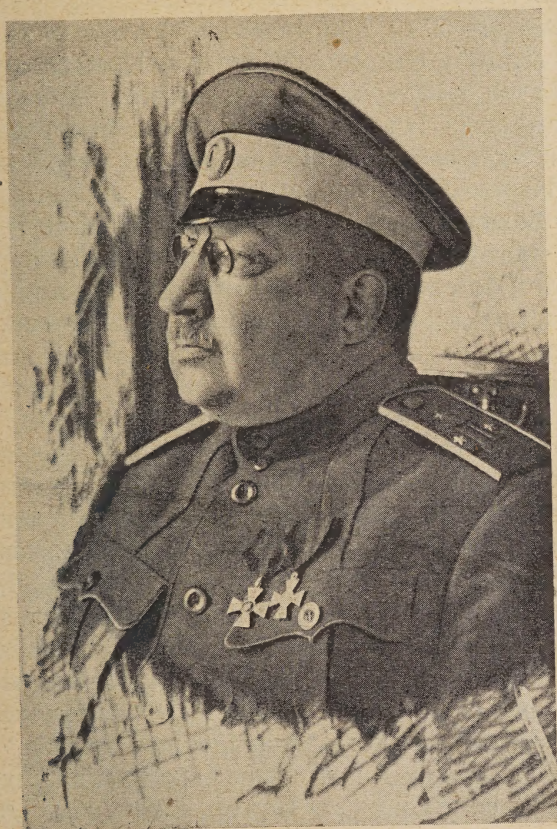
Главную роль в успехе Добрармии играло обилие обмундирования, значительное количество артиллерии, пулеметов, снарядов и патронов, присылаемых союзниками. Конечно, союзники давали не даром; за один транспорт снарядов они увозили восемь транспортов сырья, к тому же бесконтрольно пользовались нефтяными промыслами. Деникин не только не чинил союзникам препятствий, но даже помогал грабить народное достояние, так как он всецело зависел от иностранного капитала.

Буржуазная пресса признавала, и справедливо, Май-Маевского талантливым полководцем, героически ведущим борьбу.

Но как ни старался Май-Маевский через буржуазных писак «Освага» ввести в заблуждение население, что белые не монархисты, а борцы за благо родины и народа, — каждый шаг Добрармии вперед отражался на населении кошмаром. В занятых местностях назначались прежние губернаторы. Помещики, под крылышком Добрармии, творили всяческие насилия.

Со станции Криничной штаб генерала Май-Маевского продвинулся на станцию Иловайскую. Здесь генерал, проделав ряд успешных операций, получил телеграмму из ставки Деникина о выезде его в Иловайское.

Отдав распоряжение приготовиться, Май-Маевский грузно подошел к окну вагона и задумался, глядя в широко расстилавшуюся степь. Ему исполнилось 52 года. На белокурой коротко-остриженной голове блестела

Владимир Зенонович Май-Маевский.

лысина. Голубые глаза смотрели через пенсне пронизательно и прямо.

Вошел князь Адамов, начальник конвоя:

— Ваше превосходительство, поезд главнокомандующего вышел с последней станции.

Генерал глубоко вздохнул и, повернув ко мне крупное лицо, сказал:

— Капитан Макаров! Сейчас поезд подойдет, позовите ко мне Прокопова и поставьте в известность начальника штаба.

Когда я вернулся, Май-Маевский стоял посреди комнаты в парадной форме. Ординарец Прокопов расправлял складки мундира, образовавшиеся от сильно затянутого пояса. В этот момент шумно пролетели мимо окон вагона два огромных паровоза с вереницей вагонов. Паровозы остановились, тяжело дыша, отплываваясь белым паром. Май-Маевский вышел к стоящему на платформе почетному караулу. Одновременно с генералом со ступенек одного из вагонов прибывшего состава сошел Деникин, сопровождаемый генералами Романовским, Врангелем, своим адъютантом, полковником Колташевым и другими штаб-офицерами свиты. Оркестр грянул встречный марш.

Генерал-лейтенанту Деникину, главному сподвижнику генерала Корнилова, было 54 года. Выше среднего роста, шатен, с карими глазами, с большими усами, небольшой бородкой, коренастый. На вид зажиточный помещик. Окончив академию генштаба, Деникин командовал в империалистическую войну железной дивизией на Карпатах, имел много наград. Он был храбр, но слабохарактерен и честолюбив. После смерти генерала Алексеева Деникин всецело находился под влиянием Романовского, начальника штаба, и генерала Лукомского, который играл решающую роль в особом совещании. После женитьбы Деникин ушел в семью и, в общем, мало интересовался фронтом.

Ген. Романовский, крайне несимпатичный, с быстрыми лукавыми глазами, держал себя вызывающе не только с рядовым офицерством, но и с высшими начальниками. Он создал целую сеть интриг вокруг ставки; главным сподвижником его на этом поприще был ген. Лукомский, которому симпатизировала бур-

жуазия за работу в особом совещании, особенно, по аграрному вопросу.

Генерал-лейтенант барон Врангель, высокого роста, худощавый, хранил суровый вид. По происхождению немец, он был крупный собственник. Академию генерального штаба не окончил, в империалистическую войну находился в гвардейских частях, расположенных ближе к ставке, и мало участвовал в боях. Но Врангель был храбр, тверд и весьма тщеславен. В погоне за местом Деникина не брезговал интригами. В Добровольческой армии он находился еще в бытность Корнилова. Деникин назначил Врангеля командующим Кубанской армией. По взятии Москвы белыми барон предназначался в инспекторы кавалерии.

Не доходя трех шагов до Деникина, Май-Маевский остановился и отрапортовал:

— Ваше превосходительство, незначительный бой идет в районе Харцызска. В остальных направлениях без перемен.

Деникин пожал руку Май-Маевскому и поздоровался с почетным караулом. Затем пригласил Май-Маевского, начальника штаба и меня к себе обедать. Вагон Деникина состоял из двух небольших комнат, комфортабельно обставленных: мягкая мебель, дорогие ковры. В одной из комнат по стенам были развешаны оперативные карты и различные схемы, в другой же стояли два небольшие стола, покрытые белоснежной скатерью. Среди обилия изысканных закусок выделялись графины с водкой, настоянной на лимонах. Деникин пригласил садиться за стол. Когда все расселись, он встал с бокалом в руках и обратился к Май-Маевскому:

— Дорогой Владимир Зенонович! Я очень рад поздравить вас с новым высоким назначением. Знаю вашу доблесть, честность и твердость характера, всю героическую борьбу, которую вам пришлось вести в течение нескольких месяцев по удержанию Донецкого бассейна. Родина повелевает назначить вас на пост

командующего армиями. Я уверен, вы с честью выполните возложенные на вас задачи; так же твердо, как и раньше, поведете и выведете ваши доблестные части из Донецкого бассейна на широкую московскую дорогу. По русскому обычаю я поднимаю бокал и пью ваше здоровье. Ура! Ура! Ура!

Деникин опрокинул бокал до дна и расцеловался с Май-Маевским.

— Да здравствует единая, неделимая великая Россия и ее верные сыны. Ура, ура, ура! — ответил мой начальник.

— Ура! — подхватили мы.

Несколько бокалов развязали языки: начались оживленные разговоры. После длинного обеда подали и ликеры.

— Антон Иванович, — сказал Май-Маевский, — положение на фронте в данное время не завидное: красные оказывают сопротивление, обмундирования не хватает, пополнение поступает слабо.

— Полно вам, дорогой, беспокоиться, — перебил Деникин: — на этих днях прибывают несколько транспортов с обмундированием, снаряжением и, главное, с танками. Наше счастье, если эти танки окажутся пригодными в боевой обстановке, тогда успех обеспечен. Я их лично не видел, но, по словам союзников, танки производят колоссальнейшее моральное действие на противника. Под прикрытием их мы вышлем конницу Шкуро.

— Кто же будет управлять этими танками? Ведь у нас нет инструкторов, — спросил Май-Маевский.

— Мы условились! Первое время в боях будут участвовать англичане. А потом, когда наши подучатся управлять танками, мы их сменим.

Все заулыбались. Только Май-Маевский оставался задумчивым.

— Я хотел сказать относительно решения аграрного и рабочего вопроса. По мере продвижения, мы обязательно столкнемся с этим явлением.

Сидевший рядом с Деникиным Врангель с злорадной улыбкой ответил:

— Я думаю, пока мы не дойдем до седых стен святого Кремля и не услышим колокола Ивана Великого, эти вопросы решать не будем.

Май-Маевский перебил:

— Необходимо учесть, что большевистская зараза разнуздала мужика и засела в голове рабочего. Это наблюдается в занятых нами местностях.

Врангеля точно передернуло от слов Май-Маевского. Он ответил:

— На случай, если эта сволочь, темная масса, взбунтуется, у нас есть молодая гвардия (молодой гвардией назывались части корниловцев, марковцев и дроздовцев). Пушки, пулеметы и снаряды пришлют союзники.

Видя, что разговор между Врангелем и Май-Маевским может обостриться, генерал Романовский вмешался:

— Владимир Зенонович, Антон Иванович разрешил вам формировать Белозерский полк, но без ущерба для остальных частей. Необходимо подтянуть Шкуро, ограничить его самостоятельность.

Май-Маевский утвердительно кивнул головой; Деникин встал с кресла.

— Но довольно об этом, поедemте на фронт, посмотрим, что там делается, — предложил Деникин.

— Антон Иванович, зная, что вы поедете на позицию, я приготовил паровоз и два вагона. Всем поездом ехать не рекомендуется: не вполне исправные вагоны, — доложил Май-Маевский.

Через несколько минут паровоз с двумя вагонами двинулся на фронт, на станцию Харцызск.

На фронте было затишье, изредка слышалась ружейная перестрелка. Генералы прошли вдоль фронта редкой цепи лежавших рядами бойцов. Появление целой группы золотопогонников привлекло внимание красных. Вспыхнула густая перестрелка, затрещали пулеметы. Один из свиты Деникина был убит наповал,

смертельно ранило стрелка из цепи; хватаясь руками за раненый живот, он бессмысленно смотрел на Деникина, бормоча бессвязные слова. Генералы, не взглянув на раненого, продолжали обход фронта. Только Май-Маевский сказал одному из штаб-офицеров:

— Плохо, когда нет достаточной медицинской помощи. Красные не на шутку обстреливают нас, мы служим для них хорошей мишенью, но, с другой стороны, наш обход даст много стойкости бойцам.

— Рискованно, ваше превосходительство: может случиться несчастье. Пуля не разбирает никого. Не лучше ли пойти к бронепоезду? Оттуда хорошо наблюдать.

В этот момент Деникин отдал распоряжение наступать.

Врангель заорал протяжно:

— Кор-ни-лов-цы, впе-ред, бей-те крас-ную сволочь!

Редкие цепи встали и ускоренными шагами пошли вперед. Деникин крикнул:

— Да здравствует единая, неделимая Россия!

— Ура, ура, ура! — пронеслось по фронту. Пулеметы затрепали сильнее.

— Антон Иванович, смотрите, смотрите: на левом фланге красные бегут, — сказал Май-Маевский.

— Отступают по всему фронту. Около будки еще держатся. Скажите, чтобы бронепоезд продвинулся вперед и фланкировал огнем будку, — кидал отрывисто Деникин, осматривая в бинокль общее положение фронта.

Бронепоезд обстреливал из пулеметов и легких орудий будку. Красные не выдержали сильного огня и отошли.

— Ну, теперь нам делать нечего. Мы свое сделали, поедемте, — сказал Деникин.

Вблизи вокзала, в садике, офицеры снялись, с Деникиным в центре. Затем поезд под звуки оркестра двинулся в Ростов.

Генерал-бандит и танки

На станции Иловайской в вагон к Май-Маевскому вошел генерал Шкуро.

— Отец! Ты с своей стратегией не ... (крепкое ругательство). Мои терцы и кубанцы — не твои солдатики, которых ты бросаешь туда-сюда!

— Успокойся, Андрюша, в чем дело? — перебил его Май-Маевский.

— Я туда не поеду, куда ты посылаешь. Ты знаешь отлично, если кубанцы и терцы не пограбят, так и воевать не будут. Мне нужны винные заводы, поместья, а на чорта сдались красные голодранцы!

Май-Маевский начал успокаивать генерала, а я исподтишка рассматривал этого бандита.

Генерал-лейтенант Шкуро, среднего роста, блондин, с голубыми хитрыми глазами, курнос, 31 года. В империалистическую войну служил есаулом. Настоящая фамилия его — Шкура; для благозвучности сменил «а» на «о». Шкуро оказывал огромное влияние на Раду, заставил ее произвести себя в полковники, а потом в генералы. Любил оргии и обладал ярко-бандитскими наклонностями. По взятии Москвы, Деникин предполагал разжаловать Шкуро и предать суду за грабежи и самовластие.

Шкуро, небрежно выслушав ряд доводов, объясняющих значение операции, сказал:

— Ну ладно. Посмотрим на эти танки. Отец, хочешь обедать? Поедем. Девочки есть, цымис. Проведем хорошо время.

— Нет, Андрюша, мне немного нездоровится. В следующий раз, как-нибудь, — протягивая руку, уклонился Май-Маевский.

— Как хочешь. Поедешь — не пожалеешь, — ответил Шкуро, уходя из вагона.

— Прибыли танки! — весело сообщали добровольцы друг другу, толпясь у прибывшего поезда, состоявшего

из нескольких пульмановских платформ. Грозно смотрели стальные чудовища, четыре больших, остальные поменьше. Рядом с танками стояли англичане и инструктора. Надменно, с сознанием собственного превосходства они смотрели на толпу любопытных. Железнодорожники и рабочие стояли небольшими безмолвными группами: на их лицах лежал отпечаток скорби.

По приказанию Май-Маевского танки двинули на станцию Ханженково куда одновременно пошел и поезд Шкуро. С Ханженкова должно было начаться общее наступление, под прикрытием танков.

Поезд генерала Шкуро состоял из нескольких хороших вагонов, гремели два оркестра музыки: симфонический и духовой. В вагоне, где помещался Шкуро с Май-Маевским, находилась целая свора разодетых шансонеток; с утра до вечера у Шкуро шла оргия. Шкуро полулежал на диване; не обращая внимания на Май-Маевского, который одиноко сидел за небольшим столиком и пил водку, бандит запел свою любимую песенку:

Со своею ватагой я разграблю сто городов..
Лейся да лейся белое вино,
Ты на радость нам дано...

— Владимир Зенонович, ай-да молодец, прибыл к нам прибыл, наконец, — подхватывали шансонетки, держа бокалы, а остальные офицеры пело:

У нас теперь одно желание —
Скорей добраться до Москвы,
Увидеть вновь коронование,
Спеть у Кремля — Алла Верды...

Поезд подошел к платформе под песни пьяной ватаги. Здесь собралась толпа запыленных, грязных шахтеров, молча слушавших песни пьяных генералов-строителей «единой, неделимой России». Шкуро, стоя у открытого окна, поднял высоко бокал с шампанским и пьяно крикнул:

— Рабочие и крестьяне! Да здравствует великая Россия, пью за ваше здоровье, ура!

Выпив бокал до дна, генерал бросил его на платформу. Рабочие угрюмо молчали, а волчья сотня генерала Шкуро вопила: ура, ура, ура!

Май-Маевский вышел из вагона и долго разговаривал с англичанами по-французски. Спустя несколько часов, управляемые англичанами танки шли на фронт, а за ними вслед двигалась орда кубанцев и терцев под начальством Шкуро. Он ехал во главе своей волчьей сотни и громко, пьяно кричал:

— Доблестные мои кубанцы и терцы! За мной, вперед!

И лава кавалерии шла вперед, уничтожая всех, кто попадался навстречу, грабя не только отдельных граждан, но целые деревни и поместья. Всякое сопротивление пресекалось поголовным расстрелом, виселицами, поджогами нередко целой деревни. Генерал Шкуро любил сам наблюдать за поркой рабочего, неизменно приговаривая:

— В назидание потомству всыпь ему еще двадцать пять!

С Шкуро почти всегда ездил кинооператор и снимал картины расстрелов, повешений пленных китайцев... Такие снимки имелись в «Осваге» и просматривались только офицерами.

Благодаря мощной поддержке англичан, наступление белых развивалось успешно. Каждодневно Красная армия оставляла пункт за пунктом, а белые, опьяненные победой, перли вперед. Май-Маевский переехал в Ростов, откуда стал управлять армией. В Ростове состоялся и парад кубанцам. Шкуро принимал парад, а сливки высшего общества преподнесли генералу серебряный поднос: в цветах пестрела кипа донских денег.

Шкуро небрежно взглянул на деньги, подозвал рукой одного из казаков, стоявших в строю, и, передавая ему кипу, сказал:

— На тебе, сходишь к б...

Потом прохватил буржуазию:

— Что это вы вздумали преподносить мне несчастные гроши?! Я вам обеспечиваю покой, проливая кровь. Разве столько нужно денег?!

Ростовской буржуазии пришлось раскошелиться: десять миллионов рублей получил Шкуро на нужды корпуса!

Появляясь у Май-Маевского, Шкуро вел себя дерзко и вызывающе, несмотря на подчиненное положение. Не для Шкуро писались приказы!

На одном из секретных заседаний, в присутствии всего генералитета, Романовский обратился к Деникину:

— Антон Иванович, в корпусе генерала Шкуро идут грабежи, пьянство, неподчинение, полнейшая вакханалия. Нужно обратить внимание, так дальше продолжаться не может!

— Андруша, пора бы покончить с расхлябанностью и восстановить порядок, — мягко сказал Деникин.

Шкуро, стоявший возле небольшого столика, быстро прошелся несколько раз по комнате, нервно похлопывая хлыстом по сапогам, остановился, смеря присутствующих угрожающим взглядом, и дерзко произнес:

— Я знаю, что делаю! Хотите, завтра не будет ни Деникина, ни Ленина, ни Троцкого, а только батько Махно и батько Шкуро?!

Угроза генерала напугала собрание. Около генерала Шкуро находилась безотлучно волчья сотня, а весь корпус, сильно расположенный к Шкуро, по первому его требованию стал бы делать все, что заблагорассудится бандиту. Зная его характер, Деникин, Май-Маевский и Романовский долго уговаривали Шкуро, что все сказанное в отношении корпуса не серьезно. Еле-еле удалось умиловить Шкуро! Но впоследствии, пылая ненавистью к ставке Деникина, Шкуро действительно писал Махно, предлагая совместные дей-

ствия. Махно дал ответ через газету «Набат»: он ругал Шкуро и указал, что с генералами ничего общего не имеет.

Немножко о Махно

В те дни Махно причинял большой вред войскам Май-Маевского. Командующий боялся Махно больше, чем красных: Махно появлялся всегда неожиданно и, тем самым, мешал Май-Маевскому развивать наступление. Генерал выделил для борьбы с махновцами специальные части войск под начальством генерала Ревшина. Его штаб стоял на станции Волноваха, куда не раз приезжал Май-Маевский. Генерал Ревшин был старателен и энергичен, но справиться с Махно ему удалось только мысленно.

— Ну, как дела? — спрашивал Май-Маевский.

— Борьба идет успешно. Скоро поймаю Махно и представлю его в ваше распоряжение, — неизменно отвечал Ревшин.

Май-Маевский улыбался:

— Я не сомневаюсь в ваших способностях, но поймать Махно вряд ли вам удастся. Я слежу за его действиями и не прочь бы иметь на своей стороне такого опытного начальника.

— Ваше превосходительство, как я узнал, Махно оперирует исключительно среди малоземельных крестьян, привлекая дезертиров грабительскими действиями. Он мне напоминает Пугачева. Мое мнение — надо сжечь его резиденцию, Гуляй-Поле.

— Нет, нет, дорогой! Такие меры не годятся, вы воздержитесь от них. С крестьянством надо считаться и быть осторожным, — советовал Май-Маевский и, помолчав, добавлял:

— Повесить или расстрелять кого нужно — я против ничего не имею.

Генерал Ревшин показывал полное удовлетворение.

Дни белых побед

Добровольческая армия с каждым днем продвигалась вперед, занимая пункт за пунктом. Был взят Екатеринослав, Полтава... Харьков красные защищали упорно; на подступах города в течение месяца шла непрерывная орудийная канонада, трещали пулеметы, заглушая стоны и крики раненых. Дроздовцы неоднократно переходили в наступление, но Харьков держался. В конце концов, красные, под натиском превосходящих сил и техники, отступили. Ликование дроздовцев вылилось в жестокую расправу над рабочими. Расстрелы были обыденным явлением.

Харьковская буржуазия устроила Май-Маевскому торжественную встречу. Генерал здесь и остался, сюда же перешел штаб армии.

Как-то Деникин с Май-Маевским собрались в Екатеринослав. Железнодорожный мост был взорван, и генералам предоставили легкие катера.

— Хорошая прогулка по Днепру! Посмотрим, как они нас встретят, — говорил Деникин Май-Маевскому.

— Чудная местность! Взгляните на эти отлогие берега, — восхищался Май-Маевский.

— Да, исторический край. Когда-то здесь были запорожцы, — вспоминал Деникин.

— Антон Иванович, что делает теперь Скоропадский? ¹. Не мечтает ли он опять занять Украину?

— Что вы, Владимир Зенонович, немцы достаточно пограбили Украину. К тому же у них внутри не спокойно. Что касается Петлюры, то этот мерзавец претендует на пост гетмана. Мы ему скоро охоту отобьем, — пообещал смеясь Деникин.

Катер подошел к берегу. Здесь находился почетный караул, а у специально выстроенной к приезду Де-

¹ Скоропадский — немецкий ставленник; заняв Украину, немцы назначили его гетманом.

никина арки из зелени собралась вся городская буржуазия, приветствуя своего освободителя. После парада и блестящего банкета, Деникин вернулся в ставку.

Через некоторое время, Деникин с Май-Маевским посетили Полтаву. Деникин любил посещать взятые города, «пожинал лавры», как выражался генерал Май-Маевский.

— Сегодня будет Деникин, необходимо приготовить торжественную встречу. Проезд — по Екатерининской улице, — говорил Май-Маевский губернатору Щетинину.

— Ваше превосходительство, по этой улице ехать не рекомендуется. Лучше объявить, что поедете по Екатерининской, но следовать по другой. Гораздо безопаснее. Что касается встречи, то я приложу все меры, — ответил Щетинин.

— После приезда и парада состоится банкет, пригласите духовенство, — добавил Май-Маевский, протягивая руку Щетинину и давая этим понять, что тот может идти.

Деникина буржуазия встретила восторженно, на Екатерининской улице ему бросали под машину цветы. У собора, из-за скопления публики, машина двигалась медленно, и вся дорога перед автомобилем буквально была усыпана цветами. Когда букеты стали попадать в автомобиль, Деникин сказал вполголоса:

— Владимир Зенонович, смотрите, как бы нам вместо цветов не бросили бомбу.

— Да, это можно ожидать... — согласился Май-Маевский.

Автомобиль остановился. Деникин, сопровождаемый свитой, поздоровался с войсками. Громовое «ура» войск и буржуазии слилось с перезвоном колоколов. Из собора вышло духовенство в полном торжественном облачении, во главе с епископом, который осенил Деникина крестным знамением, — так встречали раньше монархов. После долгого моления о даровании победы над красными, Деникин пропустил войска и по-

ехал на банкет. Шампанское лилось рекой, провозглашались бесконечные тосты. Деникин разговаривал с Май-Маевским:

— Как ни говорите, Антон Иванович, нам приходится считаться с силой красных. Недавно я просматривал в «Осваге» картину «Выпуск красных курсантов», где Подвойский перед выпуском говорил напутственную речь. Представьте, какая образцовая дисциплина! Это не то, что было раньше: настоящие юнкера!

«Откуда у Троцкого такой талант в военном деле?! Надо отдать справедливость, у него организаторские способности», — сказал Май-Маевский.

Деникин тупо посмотрел на бутылки с шампанским, потом, слегка повернувшись и качнув головой, с озлоблением ответил:

— Да, эта жидовская морда имеет большую голову! Если бы он попался в плен, я не иначе, как в Москве, произвел бы его в генералы и повесил на площади. — И, помолчав, добавил:

— Два заправилы — Ленин и Троцкий. Один управляет, другой уговаривает тыл.

Генералы смолкли.

— Ну их ко всем чертям, давайте выпьем за скорейшее прибытие в Москву, — предложил Деникин и чокнулся с Май-Маевским.

Прощаясь, Деникин озабоченно распорядился:

— Вы все-таки, Владимир Зенонович, не очень-то двигайте ваши доблестные части. Колчак подходит к Вятке, перейдет Волгу, займет Нижний-Новгород, а там и Москва. Мы можем остаться за бортом; пусть его немного осадят. А Москву мы всегда успеем взять.

Шкуро производит себя в генерал-лейтенанты

Когда генерала Покровского произвели в генерал-лейтенанты, Шкуро пришел к Май-Маевскому в кабинет и закричал еще с порога:

— Отец, что это значит?! Покровский произведен, а я что, хуже его что ли? Завтра к девяти часам произвести меня в генерал-лейтенанты! Иначе, сам знаешь, что может получиться. Потом я тебе заявляю, пусть ставка... (тут он скверно выругался); они меня доведут, что я с корпусом вместо фронта поеду в Екатеринбург и кого надо повешу.

— Успокойся, успокойся! Что с тобой, Андрюша? Ты был представлен вместе с Покровским, но почему-то его произвели раньше тебя. Я сегодня буду говорить по прямому проводу о положении на фронте и, в частности, справлюсь о твоём производстве.

Шкуро мрачно молчал.

— Андрюша, я и забыл сказать... слышал такую чушь про тебя, — никак не могу поверить. Говорят: ты производишь в офицеры по своему усмотрению, помимо ставки. Правда ли это? — спросил Май-Маевский.

— Отец, а что если — не чушь, а действительность? Как ты на это смотришь? — засмеялся Шкуро.

— Я считаю, что такое явление в армии недопустимо. Представь картину, если комкоры начнут производить самостоятельно в своих частях. Получится такая неразбериха, всякие награды и чины потеряют вес! — уже зло объяснял Май-Маевский.

— Отец, какое имеет право Деникин производить? Я хуже его, что ли? Я так же могу производить, как и он. И в этом не вижу ничего плохого. Цель оправдывает средства, — сказал Шкуро.

— Но позволь! Почему же ты настаиваешь на своём производстве через ставку? Ты мог бы надеть погоны какие тебе нравятся, и все дело.

— Нет, отец, ты меня не понимаешь. Мы в трех соснах заблудились. Старшинство необходимо. Я же не произвожу в генералы, — это дело ставки. Но произвести в хорунжие и есаулы — это другое дело. Тут уже ничего не поделаешь: нужно, и делу конец, — твердо сказал Шкуро.

— Нет, нет! Я с тобой не согласен. Ты меня прости, это — произвол. Зачем нужны формальности твоего производства? — раздражался все больше Май-Маевский.

— Ха-ха-ха, я не хочу разговорчиков: Шкуро произвел себя в генералы. Когда по моему положению мне нужно было быть полковником и генералом, я, будучи на Кубани, сказал раде: произвести меня! И моментально был генерал-майором. Хотя и артачились немного, но это не важно. Никто не может сказать, что я сам себя произвел. Меня произвела рада.

— Другими словами, ты, пользуясь давлением на раду, сам себя произвел, — засмеялся Май-Маевский.

Шкуро встал с кресла, самодовольно улыбаясь:

— Оставим эти ненужные разговорчики. Повторяю: цель оправдывает средства. Лучше скажи, где думаешь провести сегодня время? Не поедешь ли ты к добрым армянам? (крупные богачи в Ростове), — сказал Шкуро.

— А тебя, что, приглашали? — иронически спросил Май-Маевский.

— На что?! — смеясь, ответил Шкуро. — Чудишь ты, отец. Те времена прошли. А на что у меня Федька? Встал я сегодня утром и думаю, где бы хорошо время провести? Крикнул: Федька, бери машину, поезжай к армянам и скажи, что генерал Шкуро в три часа приедет в гости. Вот и дело. А ты думаешь, отец, не приготовят ликерчики? О все на ять будет: музыка, девочки. Что-то особенное!

— С удовольствием бы, Андрюша, поехал, но у меня много оперативных дел.

Шкуро перебил:

— Брось, отец! У тебя вечно операция и операция. Не торопись: в Москву всегда сумеем попасть. Ты знаешь, отец, если хочешь, я сразу буду в Москве. Твой Мамонтов против меня ничего не стоит.

— Что ты, Андрюша, шутики что ли шутишь?! Ну, прорвешь фронт, я в этом не сомневаюсь, пойдешь впе-

ред, даже славируешь, так что попадешь в Москву, ну а потом?

— А потом три дня по пьянствую, повешу кого надо, и пулю в лоб.

— Но ведь это безумие! Сам погибнешь и корпус погубишь.

— А для чего мы живем?! За такие минуты удовольствия я всегда готов жизнь отдать. Но мы с тобой заговорились долго. Если хочешь, то я Федьку пришлю. Он тебя отвезет на вечер.

— Нет уж, Андрюша, поезжай ты. А я, сказал тебе, очень занят. В следующий раз с удовольствием.

Выйдя из кабинета, Шкуро крикнул:

— Федька, машина готова?

— Есть!

Я посмотрел в окно. Кубанцы подняли шашки на подвес. Шкуро садился в автомобиль и наказывал своему адъютанту:

— Федька, ты такой же караул ставь всегда и везде, где я останавливаюсь.

Машина тронулась. Шкуро полулежал на мягких подушках авто, шинель распахнулась, бандит выставлял напоказ красную подкладку мундира.

После ухода Шкуро, Май-Маевский впал в раздумье, выкуривая папиросу за папиросой. Встав, прошелся по комнате, обернулся ко мне:

— Скажите машину подать и позовите ко мне Прокопова. Мы сейчас поедem в штаб.

В штабе Май-Маевский подошел к прямому проводу.

— У аппарата Деникин.

— У аппарата Май-Маевский.

— Здравия желаю, ваше превосходительство. Я только что говорил со Шкуро: его необходимо по телеграфу произвести в генерал-лейтенанты. Я ему сказал, что он с Покровским представлен одновременно. Я думаю, Антон Иванович, производство роли не играет. Вы поймете меня. Дела на киевском напра-

влении очень успешны. Падение Киева — вопрос ближайших дней, необходимо поторопиться с обмундированием. По взятии Киева, я выеду туда.

— Владимир Зенонович, вам направляется обмундирование. Я уверен твердо: с падением Киева последует падение и ряда других городов. Относительно Шкуро, я сейчас же отдам распоряжение произвести его в генерал-лейтенанты. Велю передать это распоряжение по телеграфу. Желаю вам полнейшего успеха. Деникин.

Спустя несколько часов штаб армии получил телеграмму Деникина о производстве генерала Шкуро в генерал-лейтенанты. Эта телеграмма была немедленно передана Шкуро. Самовластный бандит надел приготовленные заранее погоны с тремя звездочками и отдал распоряжение своему корпусу праздновать три дня. Адъютант Федька объехал кое-кого из генералов, приглашая на «торжество по случаю назначения».

В гостинице «Метрополь» собрались все артистические знаменитости. И с приездом генерала Май-Маевского открылся банкет. Раскаты нескольких оркестров духовой музыки сливались с пьяными выкриками, шумом моторов и резкими рожками автомобилей сирен в фантастический концерт, от которого уставали ушные перепонки. Шкуро сидел на большом диване. На его коленях уютно устроились две юных женщины с бокалами в руках. Шею бандита обвили руки известной певицы Плевицкой. Шкуро полупьяно сказал:

— Надюша, легче! Задушишь...

Плевицкая, смеясь, отвечала:

— Я тебя люблю больше всех!

И осыпала Шкуро горячими поцелуями.

В момент полного разгара этого «пира во время чумы», на улице против «Метрополя» собралась большая толпа граждан.

В атмосфере, насыщенной алкоголем, на балконе второго этажа гостиницы появился генерал Май-Маевский. Он произнес короткую речь, кончив ее словами:

— Россия создается кровью добровольческой армии и будет опять великая, неделимая. Ура!

Вышел и Шкуро. Покачиваясь, крикнул:

— За великую Россию! Ура!

После его речи стали выступать по очереди пьяные ораторы. Толпа харьковской буржуазии, не давая окончить речь оратору, кричала беспрерывно в неопишемом энтузиазме:

— Ура! Ура! Ура!

А в это время корпус терцев и кубанцев генерала Шкуро пьянствовал и дебоширил. Начальство не обращало никакого внимания на их безобразие. Пьяные терцы и кубанцы с гордостью заявляли:

— Мы обмываем третью звездочку нашего батько Шкуро!

В «освобожденном» Киеве

Через три дня Май-Маевский поехал на скачки. Здесь собралась вся ростовская буржуазия, которая устроила шумную оvation генералу. В этот момент Май-Маевский получил телеграмму о взятии Киева. Обращаясь к буржуазии, он сказал:

— Граждане, Киев взят. Да здравствует единая великая Россия!

Прогремело в ответ многотысячное, несмолкаемое «ура». В ложу, где сидел Май-Маевский, принесли несколько роскошных букетов.

В Киеве буржуазия устроила Май-Маевскому блестящую встречу. На параде генерал произнес длинную речь, закончив словами:

— На пепле развалин строится новая великая Россия.

После парада мы поехали в Киево-Печерскую лавру. Нас встретили монахи и повели в пещеры лавры. В узких подземных коридорах, в боковых стенных выемках хранились мощи, разодетые в парчевые, дорогие ткани. Здесь почивали Варфоломий, Илья Муромец и

двенадцать братьев под стеклом в небольшом ящике... Все они творили чудеса! Май-Маевский остановился и спросил:

— Когда были большевики, неужели они оставили все в порядке, не трогая мощей?

Митрополит, указывая на одни из мощей, рассказал:

— Ваше превосходительство, мощи по закону нельзя раскрывать, но вы являетесь правителем России. И его императорское величество, посещая лавру, тоже поинтересовался мощами. Вот перед нами мощи, — при этом монах показал на один из великолепных гробов, где лежало нечто человеко-подобное, в светлых пеленах.

— Когда прибыли большевики, то в пещеру вошли два матроса и хотели вскрыть мощи. Едва они коснулись святыни — случилось чудо: руки у них парализовались, уста онемели. Мы перевезли грешников в общежитие монахов, где, после двух недель мучения, они умерли. Мы похоронили несчастных за оградой у входа на кладбище.

Май-Маевский внимательно слушал, и чуть заметная улыбка играла на губах. А монах разливался соловьем:

— Под воскресенье Христово приходит сюда отец Абрамий и говорит: «Христос воскрес», а ему в ответ отвечают: — «Воистину воскрес».

Май-Маевский попросил вскрыть мощи. Монах долго молился, прося всевышнего отпустить ему грех, который сейчас совершит, потом взял ножницы и осторожно разрезал нитки покрывала лица. Взорам присутствующих представился череп черного цвета, как бы обтянутый кожей, или выкрашенный черной краской. Черны были и руки; кисти рук мне показались очень тонкими и неодинаковыми.

В узком проходе монах обратил наше внимание на углубление в медной плите. В углублении дрожала вода, а возле стояла небольшая миска, тоже наполнен-

П. В. Макаров в вагоне ген. Май-Маевского.

ная водою. Митрополит зачерпнул серебряной ложечкой и поднес Май-Маевскому:

— Это целительная вода от всех болезней. Выпейте одну ложечку, ваше превосходительство.

Генерал, не желая скомпрометировать монахов своим отказом, раскрыл рот и принял, как противное лекарство. Митрополит рассказывал о происхождении «святой водички», а Май-Маевский незаметно отвернулся и выплюнул остатки воды на мощи.

Обход продолжался около часа, после чего нас всех пригласили к митрополиту на «скромную трапезу». По обыкновению полились рекою вина всех сортов, кончая шампанским и ликерами. Не умолкали тосты в честь великой России. За красивыми словами пряталась личная заинтересованность. Интриги господствовали и в высших сферах и среди рядового офицерства, которое старалось перещеголять друг друга чинами. Подхалимства почти не стеснялись.

После обеда Май-Маевский принял у себя генерала Бредова, который высказал свой взгляд на петлюровцев и большевиков:

— Они нам не страшны, поскольку мы имеем общую цель борьбы с красной заразой. Но повадки петлюровцам не следует давать, так как они нарушают принципы строительства единой России. С большевиками я борюсь решительно, пощады им не даю. С падением ближайших к Киеву городов, большевики сами по себе утихомирятся.

Май-Маевский предупредил:

— Гвардейские части поют открыто гимн, что считаю преждевременным. Необходимо пресечь это пение в целях приближения победы.

— Понимаю, ваше превосходительство, постараюсь предпринять меры в этом направлении. А теперь, не желаете ли поехать в государственный театр? Ставят «Фауста».

Театр был переполнен. Появление Май-Маевского в ложе, где когда-то сидел Николай II, вызвало бурю

восторгов. Аристократия не уставала посылать в ложу генерала цветы. Май-Маевский крикнул:

— Граждане города Киева! Приветствую вас с освобождением Киева от красной нечисти. Недалек тот день, когда многострадалица Россия опять будет великой и неделимой.

Раздался взрыв рукоплесканий, и загремело «ура». Когда возбуждение несколько стихло, Май-Маевский приказал начинать представление.

Артисты почтительно поклонились Май-Маевскому; так же они кланялись когда-то Николаю II. Май-Маевский мало слушал оперу; он вспоминал с генералом Ефимовым убийство Столыпина, указывая при этом на кресло, где сидел министр, и направление выстрела Багрова. Когда разговор коснулся жертв чрезвычайной комиссии, Май-Маевский распорядился:

— Отдайте распоряжение «Осваге» путем широкой агитации оповестить население о зверствах большевиков. Можно разукрасить события. Это необходимо сделать как можно скорее, потому что вызовет озлобление населения против красных.

— Я завтра утром все сделаю, — ответил генерал Ефимов.

На следующий день Май-Маевский принимал представителей дворянства. После приема был дан блестящий банкет.

Установление связи со своими

По возвращении в Харьков, я нашел письмо на мое имя от старшего брата Владимира из Севастополя.

Военные действия надолго прервали нашу переписку. Я несказанно обрадовался письму и, забыв все окружающее, углубился в чтение.

Брат убедительно просил приехать к нему на несколько дней по очень важному, неотложному делу. Брат состоял членом РКП (б), и я не сомневался в серьезности дела. Не теряя времени, я отпросился

у генерала на две недели, под предлогом болезни матери. Через сутки я радостно здоровался с братом.

Владимир с удивлением посмотрел на мой мундир. Насмешливо улыбнувшись, поинтересовался:

— Каким образом ты — капитан?

Я, смеясь, ответил:

— Это надо уметь: из газетчика сделаться прапорщиком. Быть организатором Красной армии, попасть в плен к белым и стать капитаном и адъютантом Май-Маевского. Я рассказал мои похождения и о том, как тщетны были мои усилия связаться с ростовскими большевиками.

Брат облегченно вздохнул:

— Павлуша, а я думал вначале, что ты изменил нашему делу; продался за блеск «мишуры». Счастлив, что ошибся. Тебе необходимо установить связь с нашими. Тогда можно работать. Ты не догадываешься, зачем я вызвал тебя?

— Ясное дело! Знаю хорошо, что приехал к тебе не для радости свидания.

Брат рассказал, что ему не удалось уехать с отступающими товарищами, в виду поломки машины на шоссе, в 15 верстах от Севастополя. Нельзя было итти ни вперед ни назад; пришлось несколько дней скрываться в пещерах инкерманских скал. Возвратясь в город, он заметил, что за ним началась слежка; два раза немцы делали у него безрезультатный обыск.

— Положение создалось критическое,—продолжал брат:— я не могу работать, потому что каждый мой шаг известен. И не могу бездействовать, когда так нужна наша работа. Я должен ехать с тобой в Харьков. Ты устроишь меня в штаб, и мы будем вместе работать.

После долгой беседы, наметив план действий, мы поехали в Харьков. На харьковском вокзале я увидел Май-Маевского. Он, по обыкновению, участвовал в каком-то торжестве.

— Капитан, как здоровье вашей мамы?

— Поправляется, ваше превосходительство.

На лице Май-Маевского лежал отпечаток плохого настроения. Нужно было выбрать удачный момент. Вечером брат отдыхал, а мы с генералом поехали в гости к известным харьковским богачам Жмудским.

На следующий день, разобрав оперативные сводки, я вышел в приемную Май-Маевского. Меня обступили золотопогонники и штатские. Почтительно, на перебой, просители сообщали свое звание, фамилию, дело, просьбы доложить командующему армией. Не глядя на все эти заискивающие, ожидающие лица, я бросил привычное:

— Подождите, доложу!

Прошел в кабинет Май-Маевского. Генерал сидел, развалившись в кожаном кресле. Он опирался на левую руку и бессмысленно глядел на папки с докладами.

— Капитан, скажите там, что сегодня приема нет: генерал занят оперативными делами.

— Ваше превосходительство, среди ожидающих — губернатор Щетинин. Просит принять по неотложным делам, — отпрапортовал я.

Генерал сделал кислую гримасу и с досадой сказал:

— Ну его к чорту! У него вечно «неспокойно в губернии». Дрожит за свою шкуру. Начнет пискливым голосом: «то там, то тут назревает опасность». А сам мер принять не может. Пусть придет завтра.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Еще просит принять по личному делу княгиня Осланова.

— Пусть войдет. После этого я буду завтракать.

Осланова пришла просить о переводе мужа в другую часть. Генерал очень любезно ее принял, а меня попросил выйти. Спустя полчаса раскрасневшаяся княгиня с опущенной головой вышла из кабинета. Я спросил ее:

— Генерал сделал для вас что-нибудь?

Она прошептала:

— Да, я очень благодарна, — и ушла.

В это время раздался звонок. В кабинете генерала не было, через открытую дверь я увидел его в спальне, он сидел за маленьким столиком и пил водку.

— Принесите и прочтите сводки, — приказал генерал.

— За одни сутки белые потеряли шесть тысяч людей.

Генерал буркнул:

— Не важно, пополнятся!

Я продолжал читать:

— Корниловцы успешно продвигаются в орловском направлении. Занят ряд селений. Красные не выдерживают натиска, поспешно отступают, но местами оказывают упорное сопротивление...

Генерал, как бы не слыша, углубился в размышления, устремив свой взор на постель и допивая водку.

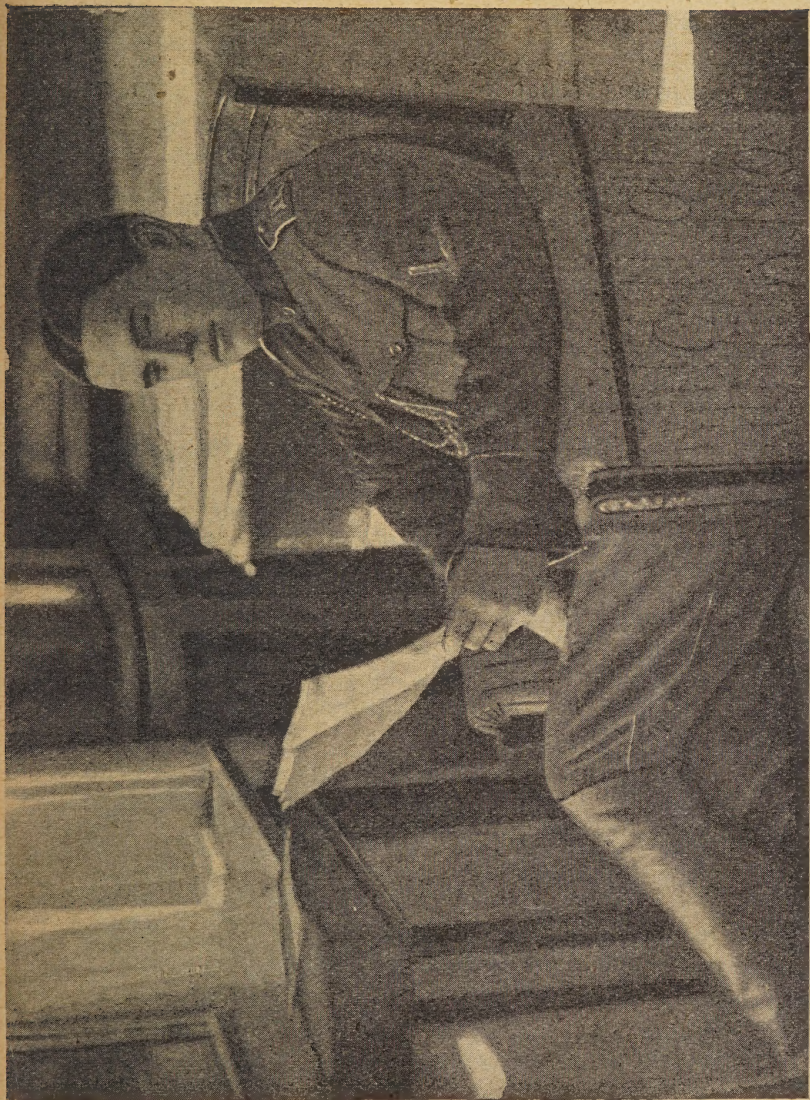
— Довольно читать, — оборвал он меня: — я и без сводок знаю все, что делается... А вы заметили, капитан? вчера вечером Аня души не чаяла... Я сильно был пьян и ничего не помню, как уехал. Благополучно все?

— Так точно, ваше превосходительство. Князь Адамов и сам Жмудский помогли усадить вас в автомобиль. А Анна Петровна, по-моему, вас очень любит. Доказательство — целый ряд примеров. Она ревнует к каждой женщине. Когда вы уезжали, просила передать: сегодня вечером быть у нее.

— Хорошо, вечером поедем. Я сейчас лягу спать. Если придет начальник штаба, скажи ему, пусть придет завтра.

— Слушаюсь.

Генерал позвонил, вошедший ординарец Франчук стал раздевать и укладывать генерала в постель. В приемной дежурный офицер по штаб-квартире доложил, что меня ожидает брат. Мы с братом заперлись в моей комнате и долго совещались о наших планах. Играть роль поручика Владимир наотрез отказался, ссылаясь на незнание офицерской среды. Тогда я предложил ему числиться младшим унтер-офицером из вольно-

Адъютант ген. Май-Маевского за «работой» (снято в особняке Жмудских, у оперативной карты).

определяющихся, на что брат согласился. Мы прошли в оперативную комнату и по карте, усеянной разноцветными флажками, долго рассматривали общее положение фронта. Задребезжал телефон:

— Квартира генерала Май-Маевского. Адъютант командующего слушает.

— Павел Васильевич, говорит начальник штаба. Генерал может меня принять?

— Ваше превосходительство, генералу нездоровится. У вас что-нибудь важное?

— Да... Когда генерал проснется, скажите ему, что я разработал новую операцию. Необходимо ехать сегодня в киевском направлении.

— Слушаюсь, доложу. О результате сообщу по телефону.

Повесив трубку, я вызвал по городскому телефону квартиру Жмудских. К телефону подошла Катя Жмудская. Эта немного легкомысленная девушка относилась ко мне благосклонно. А Май-Маевский ухаживал за Анной Петровной, приемной дочерью Жмудских. Через Катю Жмудскую я имел большое влияние на Анну Петровну, а последняя заставляла Май-Маевского исполнять все ее прихоти. Мы условились с Катей, чтобы Анна Петровна пригласила Май-Маевского по телефону вечером к себе.

Кончив разговор, я напомнил брату:

— При появлении Май-Маевского вытянись по-военному, отвечай: «так точно», «никак нет». Не проговоришься: «да», «хорошо».

Генерал сидел у стола за Диккенсом, когда я почти тельно вошел в кабинет:

— Как ваше самочувствие, ваше превосходительство?

— Немного голова болит. Настроение паршивое.

— Ваше превосходительство, ко мне приехал мой брат Владимир. Он не успел кончить военное училище, вследствие революции, так и остался младшим унтер-офицером из вольноопределяющихся. Разре-

1 — «Младш. унт.-офицер из вольноопределяющихся»
В. В. Макаров. 2 — Франчук и 3 — Прокопов — ординарцы. 4 — Понасенко — офицер конвоя.

шите зачислить его на службу в конвой или охранную роту.

— Чудак вы этакий! Скажите дежурному генералу, чтобы он его зачислил в ординарцы для личного сопровождения меня. — Где ваш брат? Позовите его.

— Благодарю, слушаюсь.

Генерал протянул руку Владимиру и пригласил его сесть. Расспрашивал, отчего он до сих пор не офицер. Брат, подготовленный мною, рассказал генералу свои похождения из тысячи одной ночи.

Телефон прервал приятную беседу.

— А, это ты, проказница... так, так... конечно... обязательно... даю слово... в шесть обязательно...

Генерал, улыбаясь, повесил трубку.

— Ваше превосходительство! Начальник штаба передавал по прямому проводу о новом плане операций. Вам нужно выехать на фронт киевского направления сегодня же.

— Скажите ему, капитан, что я сам знаю, когда проводить новую операцию и когда выезжать. Пусть придет с докладом завтра. Позовите Франчука и прикажите через полчаса подать машину.

Затем Май-Маевский приветливо сказал брату:

— Вы сегодня зачисляетесь моим личным ординарцем. Приступите к исполнению своих обязанностей. Инструкции не сложны, спросите у брата.

Вставая, добавил:

— Капитан, возьмите брата с собой к Жмудской.

Мы вышли, а генерал пошел одеваться. Я подошел к аппарату и передал начальнику штаба распоряжение генерала.

Генерал в компании и на работе

Спустя десять минут мы приехали к Жмудской. На встречу вышли: сам Жмудский, Катя, Анна Петровна и молодой инженер, муж одной из хозяйских дочерей. Стол был уже накрыт. Май-Маевский не любил долго

засиживаться за пустыми разговорами. Он жмурился, неохотно и несвязно отвечал на вопросы, а за едой был весел, любезен, остроумен, неизменно овладевал вниманием всего общества. Жмудские хорошо знали эту манеру генерала. Не успел Май-Маевский раздеться, — к нему подошел хозяин и, взяв под руку, повел к столу. Зазвенели бокалы, вспыхнул легкий разговор, смех. Бесконечно чокались, много раз сменялись кушанья, вина. Часы летели незаметно, и, когда часовая стрелка показывала два ночи, генерал был уже сильно пьян. Он сидел, покачиваясь, в кресле и весело смотрел на свою «обожаемую Аню», сидевшую против. Замечая, что генерал начинает терять рассудок, я предложил князю Адамову и брату увезти генерала. С большим трудом мы втиснули грузное тело в автомобиль.

Генерал проснулся в 11 утра. Приемная была переполнена важными персонами. Я вошел к генералу. Он сидел одетый на постели. Подойдя к зеркалу, генерал пробурчал:

— Ну и вид же у меня, точно я десять ночей не спал!

— Так точно, ваше превосходительство. Вам необходимо выпить стаканчик, тогда вы придете в нормальное состояние.

— Ты прав, скажи Прокопчику, чтобы принес стаканчик водки и чего-нибудь острого. Много меня ожидают?

— Так точно, много, но все по ерундовским делам.

— Ох, как они мне надоели! Пошли их ко всем чертям! Начальник штаба здесь?

— Так точно.

Прокопчик принес водку, маслины и сыр. Генерал выпил несколько глотков, закусил маслиной.

— Проси начальника штаба.

Генерал Ефимов доложил о положении на фронте и сообщил, что в Харьков едет глава Великобританской миссии по делам России, генерал Брикс.

Май-Маевский отдал распоряжение выставить для встречи Брикса почетный караул из корниловцев. Об операции Ефимова Май-Маевский не хотел слушать.

— Это не так важно. Можно после, а сейчас будем встречать Брикса. Что-то он нам скажет хорошего?

По уходе начальника штаба, я доложил:

— Просят принять: губернатор Щетинин и полковник Щукин ¹.

— Щетинину скажи, что главноначальствующий ² приказал городу быть в образцовом порядке, в виду приезда генерала Брикса. Полковника Щукина проси. Для остальных приема нет.

Я вышел в приемную; графы, князья и привилегированная аристократия кинулись навстречу, прося доложить генералу. Я не мог отказать себе в удовольствии окинуть их небрежным взглядом и вызывающе сказать:

— Генерал занят, приема не будет, за исключением губернатора Щетинина и полковника Щукина.

Щетинину я передал приказание генерала в одной из смежных комнат, а полковника Щукина провел в кабинет.

— Здравия желаю, ваше превосходительство, я к вам по важному делу. — Щукин мигнул на меня Май-Маевскому, но генерал сказал:

— Ничего, можете говорить при адъютанте.

— Разрешите доложить, у нас в штабе армии работают, повидимому, коммунисты. Об этом говорят почти на всех перекрестках Харькова, несмотря на принятые меры. Исчезают оперативные сводки, распускаются разнообразные слухи, ведется усиленная агитация. Кто-то старается подорвать ваш авторитет.

¹ Полковник Щукин занимал пост начальника контр-разведки штаба армии.

² Май-Маевский, помимо поста командующего Добровольческой армией, занимал должность главноначальствующего 6-ти губерний; Харьковской, Киевской, Полтавской, Курской, Екатеринославской и Черниговской. Все губернаторы находились у него в подчинении.

Генерал, молча выслушав полковника Щукина, твердо сказал:

— Полковник, о моем авторитете вы меньше всего беспокойтесь. Больше уделяйте внимания войсковым частям. Да будет вам известно, в настоящее время армия состоит из восьмидесяти процентов пленных, что является постоянной угрозой: при малейшей неудаче армия может лопнуть, как мыльный пузырь. Вот там-то ищите, искореняйте заразу разложения. Остальное — ерунда!

— Ваше превосходительство, подпишите смертные приговоры уличенным в большевизме.

Генерал, не рассматривая, подписал: «Утверждаю. Май-Маевский».

Мое сердце закипело. Когда полковник Щукин ушел, я не удержался:

— Ваше превосходительство! Как же вы подписываете, не читая? Ведь из-за личных счетов могут подсунуть любой смертный приговор. У меня о Щукине плохие слухи.

— Что вы мне ересь говорите, капитан! Я ему верю, а красной сволочи пощады быть не может. Позовите лучше Франчука. Я позавтракаю, а потом поеду встречать Брикса.

Я успел перемолвиться с братом о сообщениях Щукина. Оперативные сводки мы в то время еще не уничтожали; повидимому, в штабе кто-то подпольно работал.

Подали машину, и на Сумской мы встретили четыре автомобиля с англичанами. Май-Маевский встретил Брикса и повел по фронту выстроенных войск. Англичанин шел впереди, а Май-Маевский, как подчиненный, сзади. Брикс на ломаном русском языке крикнул: «Здравствуйте, герои-корниловцы!».

— Здравия желаем, ваше превосходительство, — ответили войска, а буржуазия из себя выходила:

— Ура! Ура - а!

Брикс разговаривал с Май-Маевским по-французски, с длинного лица не сползала самодовольная улыбка. После церемониального марша, Брикс с Май-Маевским уехали в штаб армии (в гостиницу Гранд-Отель), на банкет. Сюда собрались высшие чины штаба, духовенство и особо привилегированная аристократия. Все внимание было сосредоточено на Бриксе, точно он был правитель России. Шампанское лилось рекой, говорили бесконечные тосты. Музыка играла английский гимн, кричали «ура» королевскому правительству. Брикс пил очень мало; выражение лица говорило без слов, что он чувствует себя хозяином, а присутствующих милостиво соглашается считать своими слугами. Но дикая пляска джигитов с кинжалами расшевелила даже высокомерного англичанина. Он пришел в восторг. После банкета высокого гостя повезли в государственный драматический театр. Опять оvation и цветы буржуазии. Во время действий я шепнул генералу.

— Ваше превосходительство. Вероятно, генерал Брикс любит цыган, а в «Буффе» имеется сейчас хороший хор.

Май-Маевский обрадовался: цыгане были его любимым развлечением. Мы уехали в «Буфф» со второго действия. Князь Адамов, посланный раньше, приготовил генералам встречу. Мы подкатили к ресторану, и оркестр грянул патриотический марш. Прохожие останавливались и озлобленно смотрели на пьяную ватагу. Брикс с Май-Маевским разошлись и полураздетым женщинам за восточные танцы бросали большие деньги. В пьяном угаре и пляске офицеры орало вместе с цыганами: «еще раз, еще раз, еще много, много раз...».

В это время на фронте лилась рекою кровь.

Май-Маевского и Брикса уложили в автомобиль в невменяемом состоянии и развезли по квартирам. На другой день в саду, в здании коммерческого клуба, собрались все гражданские власти и представители бур-

жуазного общества. Генерал Брикс произнес приветственную речь на английском языке. Слушатели осыпали Брикса вопросами о положении на юге России; переводчик еле справлялся.

Брикс спросил: «есть ли у вас сырье и в каком количестве?..», больше он ничем не интересовался. Из клуба генерал Брикс пригласил Май-Маевского к себе на интимный вечер. За столом Брикс торжественно сказал:

— Владимир Зенонович, от имени своего правительства поздравляю вас со званием «лорда». За вашу доблесть и новую стратегию вы награждаетесь орденами св. Михаила и Георгия. Ваш вензель будет отныне красоваться в церкви св. Михаила в Лондоне.

Подняв бокал с виски, Май-Маевский в сильно возбужденном состоянии засвидетельствовал свою преданность английскому королю Георгу в лице ген. Брикса. Брикс пообещал выслать ордена в ближайшем времени. Разговор генералов принял совсем дружественный характер. А мы с адъютантом англичанина беседовали о способах борьбы белых и красных.

На другой день я спросил генерала:

— Ваше превосходительство, как видно, Брикс остался доволен. О чем вы говорили?

Май-Маевский был в хорошем расположении и с улыбкой ответил:

— Они Россией интересуются постольку, поскольку имеют личные выгоды. Англичане — народ хитрый! Заменить гарнизонную службу цветными войсками Брикс категорически отказался, ссылаясь на одесский случай. Англичан интересует исключительно экспортный вопрос.

Брикс уехал, а Май-Маевский отбыл на фронт орловского направления. Вблизи станции Глазуновка стояли колонны корниловцев. После оглушительного «ура» и торжественной встречи, генерал громко спросил:

— Доблестные корниловцы, сколько верст до Москвы?

- Четыреста.
- Четыреста двадцать.
- А сколько корниловских переходов?
- Двадцать!
- Восемнадцать!

Май-Маевский громко крикнул:

- За восемнадцать — ура!
- Ура, ура, ура! — прогремело в ответ.

На обратном пути в Харьков Май-Маевский разговаривал с генералом Ефимовым.

— Подъем у корниловцев есть. Продвигаемся быстро. Если красные не учтут момента, — успех обеспечен. Судя по газетам, Каменев все силы бросил на Колчака. Меня пугает, как бы эти силы не обрушились на нас.

— Владимир Зенонович, я предполагаю, Деникин учитывает положение на колчаковском фронте. Еще ряд ударов вызовет у красных панику, и они безусловно будут принимать меры к сдержке нашего движения.

— Плохо, что у нас нет резервов, которые можно было бы бросить, в случае нажима, — сказал Май-Маевский.

— В этой войне нужно иметь сноровку. Бои идут исключительно по линиям железных дорог, и резервы необходимы. Скажите, Владимир Зенонович, ваше мнение о Брусилове? Мне кажется, он играет большую роль у красных?

— Помимо Брусилова у красных служат Гутор, Клембовский, Поливанов, Заиончковский и много других генералов. Все они, по занятии нами Москвы, будут оправдываться невозможностью перехода. Несомненно, Брусилов помогает Троцкому. Я удивляюсь, почему Деникин церемонится с ген. Болховитиным? ¹.

¹ Ген. Болховитин находился у красных на фронте. Воспользовавшись удобным моментом, перебежал к белым. Деникин за службу у красных разжаловал генерала, но после опять восстановил в чине.

Такого мерзавца давно было нужно повесить. Он послужил бы хорошим примером для тех, кто находится в Совдепии и служит красным.

— Я также не понимаю Деникина. Колчак просил офицеров. Почему бы не послать? Не большой ущерб для нас.

— Конечно, хорошо занять Москву прежде Колчака, — раздумчиво сказал Май-Маевский: — я с этим согласен. Но представьте картину, если нам не удастся. Ведь вся вина ляжет на Деникина и Романовского.

— Да, Владимир Зенонович, я с вами согласен. Вероятно, Деникин твердо уверен в успехе.

— Ваше превосходительство, прибыла делегация от горнопромышленников, желающих поднести вам шашку, — доложил я Май-Маевскому.

В садике штаб-квартиры тотчас же выстроилась почетная рота с оркестром. Май-Маевский вышел в садик.

Через несколько минут появилась делегация, возглавляемая капиталистом Рябушинским. Оркестр заиграл марш, и Май-Маевскому была вручена шашка. После церемонии состоялся роскошный обед из личных сумм Май-Маевского (в его распоряжении было двадцать миллионов). После обеда генерал долго любовался шашкой.

История этой шашки началась в бытность Май-Маевского в Ростове. На банкете в Европейской гостинице ко мне обратился известный миллионер Рябушинский со словами:

— Скажите, капитан, что если мы преподнесем ген. Май-Маевскому какой-либо подарок? Как он на это посмотрит?

Случай был подходящий, и я, не задумываясь, ответил:

— Ему необходимо поднести золотую шашку.

Я обещал подготовить почву. Выбрав минуту, я сказал Май-Маевскому:

— Ваше превосходительство, вас очень любят горнопромышленники и в знак солидарности, а также за борьбу в Донецком бассейне, хотят преподнести вам шашку. Клинок ее имеет большую давность: он, кажется, принадлежал раньше какому-то видному мусульманскому вождю.

Май-Маевский изъявил свое согласие. На другой день я передал Рябушинскому, что рукоятку и ножные кольца шашки необходимо вылить из золота и достать клинок старинный.

— Если такого не окажется, — добавил я, смеясь: — надо сделать его старинным!

После поднесения Май-Маевскому шашки, Владимир начал распространять слухи, что Май-Маевский под видом подарков собирает золото. Подобный подарок ему преподнесли «Белозерцы»: золотой портсигар, усыпанный дорогими камнями.

В беседах с братом я предлагал уничтожить несколько генералов, в том числе и Май-Маевского, путем взрыва или отравления. Это было бы не трудно организовать. Владимир отрицал террор:

— Такие меры никуда не годятся: вместо Деникина и Май-Маевского будут другие, не лучше их. Нет, нужно подрывать их авторитет, чтобы внести дезорганизацию, чтобы рядовое офицерство и обманутые солдаты потеряли веру в своих вождей. Чем больше будет оргий в высших сферах, — тем скорее наступит крах. Одновременно с этим нужно уничтожать оперсводки. Эту работу я беру на себя.

Через несколько дней, в период наибольшего наступления белых по всему фронту, стало необходимым отвлечь Май-Маевского от оперативной работы.

Вечера у Жмудских не давали уже результатов. Я решил использовать для этой цели офицерство. Поехал в гостиницу к полковнику Туркул, который регулярно приезжал с фронта на два-три дня «отдохнуть». Я рассказал Туркулу, что командующий за последнее время очень грустен: его необходимо развлечь,

— А придет ли командующий к нам в ресторан?

— Об этом можете не беспокоиться, — уверенно ответил я и условился с ним, как нужно действовать.

Полковник Туркул послал со мной группу офицеров. Я бодро вошел в кабинет генерала:

— Ваше превосходительство! Вы не можете представить, как уважает вас все офицерство. Оно скоро будет вас носить на руках. Не даром они называют вас вторым Кутузовым. Сейчас прибыли представители Дроздовского полка и очень просят вас пожаловать на скромный обед.

По лицу Май-Маевского пробежала довольная улыбка.

— А удобно ли будет поехать к ним и куда?

— Обед будет внизу нашего штаба, в Гранд-Отеле. Ваш приезд для них будет большой радостью. Ваше отношение к офицерству — для них все. В ваше распоряжение они сознательно вверяют свою жизнь.

Май-Маевский приказал офицерам войти. Приветливо встал с кресла, поочередно пожимал руки, а офицеры робко пригласили командующего обедать. Для виду Май-Маевский сослался на неотложную работу, но, после вторичной просьбы, согласился.

Через два часа началось кабацкое веселье.

Когда Май-Маевский нагрузился, я спросил:

— Ваше превосходительство, не пригласить ли начальника штаба?

Генерал пьяным голосом ответил:

— Да, да, нужно... Хорошо, что напомнили... это необходимо... позовите его...

Вскоре явился генерал Ефимов. Май-Маевский предложил ему садиться, тот, поблагодарив, отказался, ссылаясь на работу.

Май-Маевский махнул рукой:

— Не беспокойся. На фронте все благополучно.

Начальник штаба пробовал было заговорить, но Май-Маевский, взяв его за руку, усадил в кресло и протянул бокал с водкой. Спустя час Ефимов был пьян.

Шатаясь, он попрощался с Май-Маевским, а генерал остался пировать до поздней ночи.

Как всегда, пьяного генерала вынесли на руках и отвезли на квартиру.

Пьянство самое дикое и разнузданное господствовало в офицерской среде. Под пьянку проходили безнаказанно многие преступления. Случалось, банкет обходился до полумиллиона.

Хитрая механика

Красноармейцы, попавшие в плен, прежде всего подвергались тщательному осмотру «опытных» командиров, вроде Туркула или Монштейна («безрукий чорт»).

Пленных выстраивали рядами, подавалась команда «смирно!». Белый командир, проходя по фронту, здоровался с пленными и требовал выдачи комиссаров и комсостава. Если пленные отказывались, — командир приступал к «осмотру». Комиссарство определялось по лицу. Отобранных выводили из строя. Они приводили ряд оправданий, доказывая свою непричастность к комиссарству. Эти оправдания вызывали только усмешки белых офицеров:

— Вы все люди темные и ничего не знаете, а комиссарить, небось, умеете.

Мнимых уличенных расстреливали. Остальных пленных отправляли в глубокий тыл на формирование, или, как белые выражались, «профильтроваться». Пленные попадали в города, помещались в казармы, как бы на военную подготовку. На самом деле, это было продолжение «осмотра». Контр-разведчики, симулируя недовольство действиями Добрармии, устанавливали настроение пленных. Смерть грозила за малейшее проявление симпатии к советской власти.

Пленные жили в тылу одной мыслью, что их пошлют на фронт, где они могут свободно перейти к своим. Белые прекрасно учитывали настроение красноармейцев и принимали свои меры.

Перед отправкою на фронт пленным выдавалось английское обмундирование с вышитыми эмблемами на рукавах: череп и крестообразные кости с надписью: «корниловцы». Погоны были крепко вшиты.

Когда докладывали Май-Маевскому, что полк готов, он, смеясь, спрашивал:

— Настоящие корниловцы?

Смотр «корниловцев».

1—Май-Маевский. 2—Командир Корниловского полка — «Нач. фильтра». 3—Капитан Макаров.

— Так точно, можно отправлять, — рапортовали начальники «Фильтра», после чего пленных распределяли по частям, попеременно с добровольцами. На фронте мнимых «корниловцев» заставляли идти вперед, а сзади шли верные сыны «Единой Неделимой» с пулеметами: при малейшем отступлении передовые части расстреливались пулеметным огнем. Вот почему, пленные в форме корниловцев, марковцев, дроздовцев шли вперед, ведя борьбу со своими.

Еще до наступления белые распустили слухи, что красные не берут в плен корниловцев, мар-

ковцев и дроздовцев, расстреливая их на месте. За срыв эмблемы (хотя это трудно было сделать) грозила смерть.

Май-Маевский недоволен

— Ваше превосходительство! Полковник Щукин просит принять.

Полковник Щукин доложил, что генерал Деев¹ изобличен в темных сделках по заключению договоров о снабжении армии.

— Если есть хищение, следует обратить внимание на лиц, в ведении коих находятся склады, — сказал Май-Маевский: — что касается невыгодных договоров, вы мне представьте ваши данные; тогда я Деева устранию и предам суду. Пока что назначу ревизию. Путем тонкого подхода выясните срочно, где куплены Деевым крупные бриллианты. А теперь скажите, как обстоит дело на заводах и фабриках?

— Ваше превосходительство, на заводах полное успокоение. Замечается лишь небольшой ропот рабочих из-за зарплаты и часов работы. Этому способствуют агитаторы. Я принимаю решительные меры. Надеюсь в скором времени ликвидировать.

— Хорошо.

Оставшись один, генерал долго ходил из угла в угол, потом, остановившись, сказал:

— Чорт знает, что такое! От Деева я никак не ожидал. Под влиянием бабы делает преступление! Капитан, вы видели у жены Деева бриллианты?

— Так точно, ваше превосходительство. Ожерелье и на руках дорогие кольца. Но, может-быть, они им раньше приобретены? Вероятно, у Щукина личные счета с Деевым.

— Проверю. Все выяснится, — проговорил Май-Маевский.

¹ Деев занимал при Май-Маевском должность начальника снабжения Добровольческой армии.

Дверь полуоткрылась, и командир кавалерийского корпуса, генерал Юзефович, остановился на пороге:

— Разрешите, Владимир Зенонович?

— Пожалуйста, пожалуйста, дорогой! А я вас хотел вызвать. Хорошо, что приехали. Садитесь, рассказывайте.

— Положение моего корпуса очень тяжелое, — начал командир: — обмундирование отсутствует, наступили холода, много больных, участились грабежи. Крестьянство настроено враждебно, фураж приходится доставать под угрозой нежелательных репрессий... последнее время усилилось дезертирство...

Май-Маевский перебил:

— Сейчас же преобразовать части! Успокоить негодный элемент путем примерной казни. Обмундирование, что имеется в наличии, прикажу выдать. Главный вопрос — это крестьянство. Я уже говорил с Деникиным и настаиваю на земельной реформе. Повидимому, особое совещание не учитывает, что наш успех зависит от скорейшей реформы. Я еще раз буду говорить сегодня со ставкой. Могу вас порадовать, молодая гвардия стоит у ворот Орла; падение его приближается, оно будет в ближайшее время. Еще несколько хороших нажимов, — восстанут Тула и Брянск, и наша цель будет достигнута.

— Владимир Зенонович, все это хорошо. Что же касается моего корпуса, то положение, повторяю, серьезное. Прежде чем быть у вас, я видел Деева. Справлялся, сколько он может выдать обмундирования. Деев наотрез отказался; говорит, что всего имеется небольшое количество. Может-быть, вы мне разрешите с корпусом стать на небольшой отдых?

— Нет, нет! Об этом ни слова, слушать не хочу. Отдыхать все будем в Москве... Теперь не время даже думать об этом. Я сейчас буду говорить со ставкой. Капитан, поезжайте в штаб. От моего имени вызовите на два часа дня к прямому проводу главнокомандующего.

Несколько позже я увидел генерала Юзефовича у начальника штаба: генерал был сильно расстроен.

— У аппарата Деникин.

— У аппарата Май-Маевский.

— Антон Иванович, для успешности операции по-торопите прислать обмундирование. Корпус Юзефовича почти раздет. Морозы захватили врасплох. Много больных с отмороженными конечностями. Наблюдается рост дезертирства. Крестьянство враждебно настроено. Еще раз настаиваю на разрешении аграрного вопроса.

— Владимир Зенонович, обмундирование выслано. Как обстоит дело в орловском направлении? Как ведет себя Шкуро?

— Падение Орла — вопрос ближайших дней. Шкуро устраивает оргии и угрожает ставке. Его необходимо отозвать в ставку, под каким-нибудь предлогом дать ему повышение, но только в тылу.

— Я уверен, Владимир Зенонович, в успехе ваших героических частей. Заблаговременно поздравляю вас со взятием Орла. Шкуро я скоро отзову. Что касается крестьянства, — этот вопрос разрешится в Москве.

— Антон Иванович, я снимаю ответственность за массовые беспорядки среди крестьян: они интересуются и ждут земельной реформы. Обещания потеряли свое значение, фураж приходится брать под угрозой казни. Необходимо это учесть в интересах скорейшего завершения нашего дела.

— Я не придаю этому большого значения. С крестьянством надо меньше считаться. Принимать меры к предупреждению беспорядков, не давать повода слабости власти. Остаюсь при своем мнении по этому вопросу и желаю полного успеха. Деникин.

Во все время разговора Май-Маевский был мрачен, по его лицу катился пот. Вернувшись в штаб-квартиру, генерал выпил два стакана водки и сел за стол в тяжелом раздумьи. Пришел генерал Ефимов. Май-

Маевский дал ему ленту разговора с Деникиным. Когда Ефимов кончил читать, Май-Маевский глубоко вздохнул:

— Лукомские, Романовские губят Россию. Высшей марки интриганы, а Деникин — слабохарактерный человек, поддался их влиянию. Сегодняшний разговор с Деникиным не пройдет так; от них можно ожидать всякой пакости.

Ефимов молчал, а Май-Маевский перешел на другую тему:

— Как там донцы? Надо смотреть, дабы не повторилась история, подобная Купянской ¹.

— Они враждебно относятся к Добрармии и не симпатизируют Деникину.

— Если бы не Африкан Богаевский ², они давно бы образовали демократическую республику.

— Да, он держит их в руках. Нам особенно бояться их не следует, по мере продвижения вперед самостоятельность у них отпадет, — сказал Ефимов.

— Пока там отпадет, а сейчас нужно присматривать за ними. Да, я забыл вам сказать, назначьте ревизию генералу Дееву, о результатах доложите.

Спустя несколько дней был взят Орел. Ликованию Добрармии не было конца.

— Орел — орлам! — воскликнул Май-Маевский.

Пресса рисовала события в самых радужных красках, подчеркивая, что население Орла вышло с ико-

¹ Май-Маевский обвинял донцов за их неподвижность и халатность, связанную чуть ли не с изменой.

На стыке Добровольческой и Донской армий красные произвели прорыв фронта.

Кавалерия оказалась в 18 верстах от Харькова, где в то время находилась вся база Добрармии. Май-Маевский, несмотря на паническое настроение штаба, чиновников с губернатором Шетининым во главе и буржуазии, оставался в Харькове. Он спокойно отдавал распоряжения бригаде ген. Шифнера-Маркевича завязать образовавшийся мешок. Для успокоения Май-Маевский на машине разъезжал по улицам Харькова.

² Африкан Богаевский, ставленник Деникина, был атаманом войска Донского. Очень слабохарактерный, он мало уделял внимания казакам. Любил банкеты и почести.

нами и на коленях пело «Христос воскрес». Радость была беспредельна! Один Май-Маевский не терял головы:

— Орел пойман только за хвост. У него сильные крылья: как бы он от нас не улетел, — сказал генерал начальнику штаба.

— Я тоже так думаю. Судя по сводкам, красные придают большое значение Орлу. Недаром они несколько раз переходили в контр-атаку. Посмотрим, что будет дальше, — согласился Ефимов, рассматривая оперативную карту.

— Да, надо ожидать решительных боев. Колчака осадили. Я никак не пойму тактики Деникина. Зачем держать под Царицыном такие силы, терять людей, ради одного только соединения с Колчаком, тогда как главный удар должен развиваться на орловском направлении?

Генерал оказался прав.

Начало конца

Орел был первой ласточкой полного разгрома Добрармии.

Станция Змиевка ¹ решила авантюру «строителей Единой Неделимой», закрыв широкую московскую дорогу.

Командир корпуса генерал Кутепов доносил:

«Корниловцы выдержали в течение дня семь яростных штыковых атак красных. Появились новые части, преимущественно латыши и китайцы. Численность появившегося противника установить не удалось. Потери с нашей стороны достигают восьмидесяти процентов».

Вслед за этим донесением, последовал ряд оперсводок самого катастрофического содержания:

«Под натиском превосходных сил противника наши

¹ Ст. Змиевка—вблизи Орла, где был прорван фронт Добрармии.

части отходят во всех направлениях. В некоторых полках корниловской и дроздовской дивизий осталось по двести штыков. Остатки корниловской дивизии сосредоточились севернее Курска. Крестьяне относятся враждебно. В тылу происходят восстания».

— Да, положение тяжелое, — сказал Май-Маевский: — Выкроить нечего, красные жмут по всему фронту.

Стучали аппараты, шли непрерывные разговоры со ставкой. Деникин приказал остановить наступление.

Май-Маевский сознавал, что восстановить положение невозможно. От армии, в состав которой входили корпуса Кутепова, Шкуро, Юзефовича, Бредова и других генералов, остались жалкие остатки, разбросанные на большом пространстве.

— Отец, о чем думаешь? Как положение на фронте? — спросил с усмешкой генерал Шкуро, войдя в комнату и здороваясь с Май-Маевским.

— Положение неважное. Надвигается лава: трудно удержать части, опьяненные победой на фронте Колчака, — сказал Май-Маевский.

— Брось, отец, эту лавочку! Поедем в Италию. Все равно не спасешь положения. Скажи, денюжки у тебя есть? — иронически смеялся Шкуро и хлопал по плечу Май-Маевского.

— А то я тебе дам, у меня двадцать миллиончиков есть. На жизнь хватит.

— Оставь, Андрюша, глупости говорить, — серьезно сказал Май-Маевский, углубляясь в карту. — Я смотрю, как бы выравнять фронт, задержать временно наступление красных.

— Теперь уже поздно, — перебил Шкуро: — надо бы пораньше выравнять. Ну, я тебя не буду отвлекать от работы. Еду в ставку, а оттуда прямо в Италию. До свиданья, отец, не поминай лихом, мы с тобой еще увидимся.

Май-Маевский, сделав гримасу, распрощался со Шкуро.

Каждый день поступали сводки, извещавшие о критическом положении фронта. Май-Маевский не ездил к Жмудским, а пил стаканчиками водку. Как-то я спросил генерала, угрожает ли опасность Харькову. Май-Маевский ответил:

— Не только Харькову, но придется отдать и всю занятую территорию юга.

Я намекнул, что, благодаря иностранным орденам, и за границей будет хорошо.

— Все эти награды не имеют значения: когда будешь без армии и родины, ордена вызовут лишь скрытые насмешки наших союзников. Я, я этого не перенесу, — твердо сказал генерал, помолчал и добавил:

— Я лучше предпочту Кольт...

В то время, как на фронте происходило беспорядочное отступление беляков, мой брат Владимир уничтожал часть сводок. Не получая их, Май-Маевский решил, что части отходят, не имея связи.

Генерал поражался, когда получал периодически сводки, в которых указывалось: «сосредоточились там-то...», ругался, что не получил их раньше. Но, учитывая общее отступление, не задумывался о причинах.

Брат пробовал связаться с Харьковской подпольной организацией, но это ему не удавалось. Зная хорошо, что отступление будет продолжаться, он решил действовать в тылу. Заготовив необходимые документы, Владимир поехал в Севастополь в отпуск, с целью организовать подпольный комитет и провести в Крыму восстание.

Май-Маевский в опале

Однажды рано утром из ставки главнокомандующего прибыл капитан с секретным пакетом и просил разбудить ген. Май-Маевского.

Вспыхнула мысль, что брата арестовали.

Сдерживая волнение, ощупывая в кармане револьвер, я сказал:

— Я — личный адъютант командующего. Давайте пакет.

Офицер категорически отказался, ссылаясь на приказание Деникина передать пакет только в собственные руки Май-Маевского.

Генерал уже проснулся и, уставившись в потолок, курил папиросу.

Капитан передал пакет и вышел. По приказанию Май-Маевского я сорвал сургучные печати и застыл на месте, в большом внутреннем смятении.

По мере того, как Май-Маевский читал письмо, выражение его лица становилось все печальнее и злее. Я сразу понял, что дело идет не об аресте брата.

— Капитан, прочтите мое новое назначение и возьмите бумагу. Я вам продиктую.

«Дорогой Владимир Зенонович, — писал Деникин, — мне грустно писать это письмо, переживая память вашу героическую борьбу по удержанию Донецкого бассейна и взятие городов: Екатеринослава, Полтавы, Харькова, Киева, Курска, Орла.

«Последние события показали: в этой войне играет главную роль конница. Поэтому я решил: части барона Врангеля перебросить на ваш фронт, подчинив ему Добровольческую армию, вас же отозвать в мое распоряжение. Я твердо уверен, от этого будет полный успех в дальнейшей нашей борьбе с красными. Родина требует этого, и я надеюсь, что вы не пойдете против нее. С искренним уважением к вам —

«Антон Деникин».

— Я этого давно ждал, — с горечью сказал генерал: — писать не нужно; я раньше буду, чем дойдет ответ. Прикажите из состава поезда выделить мой вагон и приготовить паровоз.

Только-что Май-Маевский условился с начальником штаба о замещительстве до прибытия нового командующего, как из ставки уже пришла телеграмма, сообщавшая о выезде Врангеля в Харьков.

— Я отлично знал, что вслед за письмом должен выехать Врангель, — сказал Май-Маевский.

Начальник штаба просил генерала обождать в Харькове барона, но Май-Маевский наотрез отказался.

Кажется, в тот же день нас навестили Анна Петровна и Катя Жмудская. Обе — грустные-прегрустные. Анна Петровна прошла в кабинет генерала, а Катя осталась со мной в «интимной комнате». Она умоляла меня ехать за границу. Намекала, что у них крупный капитал вложен в иностранные банки, что сестра замужем за англичанином-миллионером.

— Из Харькова мы захватили массу ценностей, — убеждала Катя: — Павлик, ты отказался на мне жениться, ссылаясь на военное время. Но, ведь, за границей нам никто не помешает. Купим великолепную виллу по твоему вкусу и будем жить, где нам понравится.

Я наотрез отказался. Губы женщины дрогнули горькой иронией:

— Может-быть, ты меня совсем не любишь и намерен находиться при Май-Маевском, при дворе английского короля? Ведь, он лорд... В Лондоне найдешь красивее меня...

Я перебил:

— Оставь говорить глупости. Иди лучше попрощайся с Май-Маевским. А что будет дальше: пожием — увидим.

Катя нервно вскочила и, не глядя на меня, прошла к генералу. Она уговаривала старика отпустить меня за границу. Май-Маевский давно предлагал мне жениться на Кате. И теперь он долго убеждал меня ехать за границу. Но я категорически отказался.

Катя и Аня сердечно простились с нами и ушли заплаканные.

Весть о замещении Май-Маевского Врангелем быстро разнеслась по всему фронту. Буржуазное население встретило уход генерала радостно, но войска

симпатизировали командующему. Спрашивали меня о причинах смены.

— Сменили за хорошее отношение к войскам и за то, что Май-Маевский настаивал на земельной реформе, опасаясь крестьянских беспорядков, — старался я использовать момент.

На вокзале к Май-Маевскому подошла почетная рота, изъявившая желание сопровождать его в ставку. После долгих просьб генерал согласился.

В вагон к Май-Маевскому являлись представители от частей, выражая соболезнование и намекая, что Деникин не соответствует своему назначению. Генерал выслушивал их, крепко пожимая руки, и говорил:

— Надо подчиняться ставке.

Я твердо сказал генералу:

— Ваше превосходительство, к вам приходят представители от всех частей. Все ненавидят ставку, не уважают Деникина. Одно ваше слово, и войска не будут подчиняться ставке. Они говорят, что положение на фронте можете спасти только вы.

Май-Маевский, немного помолчав, ответил:

— Капитан, я ни на какую авантюру не пойду.

На ст. Мерефа к нам в вагон быстро вошел Врангель.

— Владимир Зенонович, — сказал он громко: — ты меня прости, я в этом не принимал никакого участия. Даже отказывался, но пришлось подчиниться воле Деникина.

— Я тебя не виню, я раньше предвидел... так должно быть... — сказал с расстановкой Май-Маевский.

— Твое мнение о фронте? — спросил Врангель.

— Я считаю положение тяжелым и безвыходным. Причин много, объяснять их не буду, — твердо ответил Май-Маевский.

— Я думаю, прежде всего, подтянуть офицерство. Для примера повесить несколько человек. Нужно остановить беспорядочное отступление, — сказал Врангель.

— Представь себе артель каменщиков, строящих здание; когда они дошли до четвертого этажа, первый

дал трещину. Здание заколебалось. Может ли строитель заставить каменщиков продолжать постройку пятого этажа, хотя бы для непокорных приготовил веревки?

— Владимир Зенонович, ты сильно расстроен. Тебе необходимо отдохнуть. Ты едешь в ставку, а оттуда куда намереваешься отправиться? — спросил Врангель.

— Не знаю, там будет видно.

Они распрощались.

По уходе барона, я спросил Май-Маевского, где он думает жить.

— Во всяком случае, не при ставке. Уеду в Новороссийск или в Кисловодск. Вдали от интриг будет спокойнее. Мне так надоела такая жизнь: выйти нигде нельзя, приходилось гулять у себя в паршивом саду или сидеть в особняке. Я завидовал вам, капитан.

— Да, действительно, ваше превосходительство. Ежедневно, с самого утра, вас осаждали докладчики, фотографии и редакторы газет, чтобы взять интервью. В особенности, за последнее время, когда появилась заметка, что вы должны занять высший пост, вам буквально не давали покоя.

— Да, — вздохнул генерал: — эта заметка — дело рук Романовских; они боялись меня и ждали удобного случая: неудачи на фронте. Я уверен, что свое письмо Деникин писал под диктовку.

— Ваше превосходительство, я вам советую уехать в Крым, в Ялту или в Севастополь. Будете далеко от ставки и в курсе хода событий. В Севастополе имеется радио, к тому же войска вам симпатизируют, а Севастополь — военный город.

Я стал выхвалять достоинства города.

— Хорошо, решено. Еду в Севастополь, — сказал Май-Маевский.

— Ваше превосходительство, я не желаю служить у Врангеля. Нельзя ли мне остаться при вас? Я ду-

маю, Деникин не будет против. Одним офицером в армии больше или меньше, — значения не имеет.

— Хорошо, я спрошу Деникина.

Прибыв в Таганрог, Май-Маевский поехал со мной в штаб-квартиру главнокомандующего. Улица, где жил Деникин, охранялась патрулями.

Приемная Деникина была обставлена мягкой мебелью. На стенах висели картины знаменитых художников и оперативная карта грандиозных размеров.

Деникин поздоровался с Май-Маевским самым дружеским образом и пригласил в соседнюю комнату.

— Владимир Зенонович, мне неприятно было отозвать вас. Я долго не решался... У меня была мысль подчинить вам Врангеля. Но вы поймете меня; я это сделал в интересах нашего общего дела. Вам необходимо немного отдохнуть, а тогда снова приметесь за работу, — оправдывался Деникин.

— Антон Иванович, разрешите мне выехать в Севастополь, где я буду жить. А также, если возможно, прикомандируйте ко мне временно моего адъютанта и двух ординарцев.

— Пожалуйста, пожалуйста, с полным окладом содержания. А теперь пойдемте, посмотрим фронт.

Генералы углубились в карту.

— Владимир Зенонович, что вы думаете об общем положении фронта?

— Положение тяжелое. Единственный, по-моему, выход — сосредоточить распыленные части на Кубань и Крым...

— Что вы, Владимир Зенонович?! Отдать без боя занятую территорию?! Нет, я с этим не согласен.

— Другого исхода нет, — настаивал Май-Маевский: — от больших армий остались небольшие группы, разбросанные на большой территории. Надо предположить, что противнику с превосходными силами не трудно будет ликвидировать эти группы, отрезав их от своих баз и связи. Вы же сами говорите, что от многих частей не имеете сведений, где они сосредоточились.

Возможно, они окружены, и участь их решена. Нужно еще учесть: армия состоит из крестьян и пленных, и у нас не столько потеря, сколько дезертиров.

Генерал особенно подчеркнул последние слова.

— Нет, Владимир Зенонович, вы не правы. К Кубани мы всегда можем отойти. Я постараюсь задержать наступление красных и перейти в контр-наступление.

— Антон Иванович, а как положение Колчака?

— Он отступает быстрее нас. У него большой недостаток командного состава: унтер-офицеры командовали полками. Колчак просил у меня офицеров; как хорошо, что я не послал их.

Весь обед Деникин посвятил рассказам о своей счастливой семейной жизни. Май-Маевский, видимо, с трудом сохранял спокойное настроение. В тот же день мы выехали в Севастополь.

Комендант Севастопольской крепости, генерал Субботин, предложил Май-Маевскому особняк, но генерал пожелал остаться в своем вагоне у станции. А через некоторое время мы переехали в гостиницу «Кист».

Жизнь Май-Маевского протекала спокойно; он посещал адмирала Ньюкова, генерала Субботина; по-прежнему много пил и увлекался Диккенсом.

По вызову своей симпатии Анны Петровны, воспитанницы Жмудских, Май-Маевский уезжал на два дня в Ялту. Жмудские эвакуировались за границу, и Анна Петровна умоляла генерала ехать с ним; Май-Маевский тяжело вздыхал, но категорически отказался. Он трогательно распрощался с Анной Петровной и вернулся в Севастополь.

Провал подпольного комитета

Еще до приезда сюда Май-Маевского брату удалось организовать подпольный комитет. В его состав входили: 1) Владимир — председатель и заведывающий военной секцией, 2) А. Бунаков — помощник председа-

теля, 3) И. Севастьянов (бывш. поручик) — руководитель разведывательной работой среди военных частей, 4) И. Вайсблатт и 5) Иоффе (заведывали подпольной типографией), 6) М. Кияченко — матрос, руководивший подрывной работой комитета, 7) С. Крючков, рабочий севастопольского порта, агитатор, 8) И. Ашевский, присланный из Симферополя для подпольных работ, 9) Лия Шульгина — держала связь с другими организациями и с Симфереполем. Как активные уполномоченные от войсковых частей и морского завода порта работали: Михачев Василий, Буклерский Николай, Богдасаров, Леонов. Секретарь союза металлистов Ященко был очень близок к комитету, а на Б. Г. Докшицкого (Борисова) комитет возложил работу среди профсоюзов и помощь Севастьянову в подрывном деле.

Работа комитета проводилась успешно. Печатались воззвания к войскам и населению. Шла усиленная подготовка к восстанию. В рабочем клубе на Базарной улице происходили заседания. Я на них не бывал: мое появление в таком месте могло вызвать разговоры и навести на след контр-разведку. Я осведомлялся о ходе работ от брата, который продолжал числиться ординарцем Май-Маевского и ежедневно заходил ко мне.

Власти относились к Май-Маевскому предупредительно. Генерал Субботин приказал начальнику своего штаба, ген. Лукьянову, давать Май-Маевскому совершенно секретные оперативные сводки. Я получал их под расписку, снимал с них копии и передавал брату. Эти сводки печатались комитетом и расклеивались по городу: в них сообщалось о переходе на сторону красных целых дивизий Колчака, о взятии его в плен и катастрофе на Деникинском фронте. Врангель сосредоточил все обозы армий на ст. Иловайской, а кавалерия красных нанесла удар на ст. Матвеев-Курган и забрала всю базу. В специальных добавлениях к сводкам комитет разъяснял всю бесцельность дальнейшей борьбы с красными.

На обеде у ген. Субботина я услышал такой разговор:

— Владимир Зенонович, интересная вещь: оперативные сводки принимает по радио капитан, участник «Ледяного похода», от него сводки поступают к нам. Кроме меня, начальника штаба и вас никто их не читает, а, между тем, они расклеиваются по городу. Повидимому, есть приемочная станция, перехватывающая их.

Май-Маевский, пораженный этим, ответил:

— Может-быть! Лично я сводку по прочтении тотчас же жгу.

Наш комитет решил относиться к сводкам осторожнее, но работу с ними не прерывать. Чтобы отвлечь всякое подозрение и оградиться от слежки за частной квартирой брата (Батумская, 37), где иногда устраивались подпольные совещания, мы завлекли как-то Май-Маевского к брату на обед. Генерал пробыл там до позднего вечера.

20 января я узнал, что комитет назначил днем захвата власти 23 января.

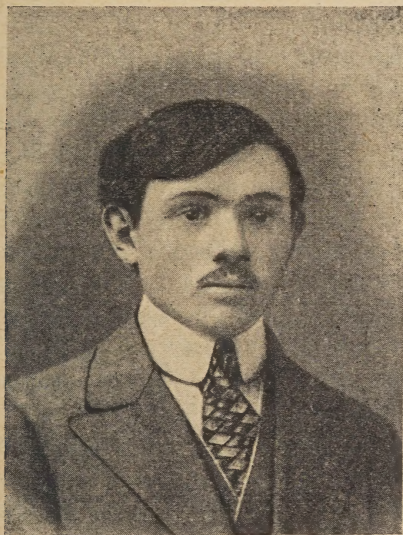
Обстановка, казалось, была самая подходящая. Немногочисленный гарнизон состоял в большинстве из мобилизованных и пленных красных; среди них находилось много партийцев, державших связь с комитетом, равно как и на дредноуте «Воля».

Слащев, с небольшими силами, около четырех тысяч штыков (по словам Май-Маевского) еле-еле удерживал Перекоп. Против Слащева стояла 13-я армия красных. Рабочие порта, подготовленные к восстанию, должны были занять госучреждения и нести охрану города. Подрывной секции комитета поручалось взорвать некоторые суда на рейде и железнодорожный Камышловский мост. На меня с десятью товарищами возложили сложную операцию — произвести арест Ньюкова, Субботина, Лукьянова и др. начальников, после чего я должен был принять на себя руководство восстанием и командование революционными силами.

Мы обсуждали с братом со всех сторон подробности нашей задачи. Меня беспокоил вопрос о надежности комитета. Но Владимир ручался за всех членов.

— Все — стойкие ребята. Состав комитета хранится в строжайшей тайне.

Это было наше последнее свидание. Я лег спать непонятно удрученным, и сон долго не приходил.

Владимир Васильевич Макаров.

Лишь перед рассветом я забылся и увидел моего брата. Он тонул в болоте и кричал о помощи. Я протянул шест, но он сломался, и Владимир погрузился в тину.

При всем моем неверии к снам, я проснулся сильно расстроенным, переживая ужас гибели брата. Успокоивал себя: сегодня уж 21-ое. Через два дня белым конец.

Вдруг раздался стук в дверь. Кто бы это мог быть в такую рань? Я вышел в коридор. Бледная, заплаканная... жена брата шепнула через силу:

— Володю ночью... арестовали... дома!

Арест брата поразил меня. Наспех я обдумывал, что делать. В глубине коридора у лестницы притаился подозрительный тип. Сообразив, что это шпик, я нарочито громко сказал:

— Это не может быть! За что его арестовали? — и тихо:

— Что нашли при обыске?

Невестка ответила:

— Арестован морской контр-разведкой, — тихо добавила:

— Ничего не нашли, кроме твоей почтовой открытки¹.

— Хорошо, я сейчас выясню этот арест. Иди домой.

Я разбудил Май-Маевского и, уверив его в ошибочных действиях контр-разведки, просил написать бумажку о немедленном освобождении.

— Капитан, вы не волнуйтесь. Я сам не допускаю мысли о виновности вашего брата. Я выясню все, и брат будет освобожден.

Выходя из комнаты, я столкнулся с тем самым шпиком, который подслушивал наш разговор с невесткой. Он, очевидно, и теперь подслушивал у двери. В коридоре я столкнулся с начальником особого отдела при ставке, князем Тумановым. Он спешил к Май-Маевскому.

По уходе князя, я вошел к генералу; он сидел у окна, задумавшись, по лицу его катился пот.

— Капитан, у меня сейчас был князь Туманов. Ваш брат арестован по подозрению. Вы не волнуйтесь: ничего плохого не случится, хотя бы он был замешан в заговоре против власти. Все это выяснится в течение двух-трех дней.

Я старался выяснить серьезность дела через знакомых офицеров, близко стоящих к контр-разведке, но

¹ Эту открытку я прислал брату в бытность мою организатором Красной армии. В ней я упоминал о революционной работе.

это мне не удалось. Несколько раз заходил я к Май-Маевскому, последний успокаивал меня, как и раньше. Но слежка за мной контр-разведки доходила до наглости: я точно сопровождался почетным караулом. Тут были офицеры, переодетые в рабочую одежду, штатские... их действия были вызывающи. Например, в соседнем номере с моим уже месяц стоял жилец. Сразу после ареста брата соседу предложили за ту же плату лучшую комнату, а в его комнату въехал шпик. Ко мне в номер прислали электротехника для исправления вполне исправных проводов, которые шпик то снимал, то вновь проводил. По ночам я слышал, как у двери ходят неизвестные люди. Вероятно, у них была директива задержать меня в случае побега. Я, действительно, подумывал бежать, но я боялся повредить брату. Я надеялся, что адъютанта Май-Маевского не посмеют тронуть. А что касается генерала, то я до сих пор много раз убеждался в его полном доверии ко мне.

На утро Май-Маевского пригласили в штаб крепости: из Симферополя были получены сведения о восстании, но о каком, — никто не знал. Власти растерялись. Май-Маевский собрал группу офицеров, погрузил на платформы два легких орудия и под прикрытием бронепоезда двинулся на Симферополь.

Перед отъездом я настаивал на освобождении брата, но Май-Маевский отговорился:

— Приедем из Симферополя, — он будет освобожден.

На ст. Альма поезд Май-Маевского остановился и генерал вызвал по прямому проводу Слащева.

— У аппарата Слащев.

— У аппарата Май-Маевский. Чтобы вы убедились, что говорит действительно Май-Маевский, я напому вам случай под «Красне у моста», прошу и вас сказать какой-нибудь случай.

— Последняя наша встреча была у Пелагиады¹.

¹ Первая станция от Ставрополя.

— Что происходит в Симферополе, известно ли вам? Я нахожусь с отрядом на ст. Альма.

— Капитан Орлов с офицерами произвел арест ген. Субботина и других генералов, — ответил Слащев: — я только-что говорил с Орловым, он подчиняется мне. Арестованные освобождены. Я выезжаю в Симферополь.

— Я с отрядом еду в Севастополь, — ответил Май-Маевский.

Что-то случилось с проводами, и разговор оборвался.

— Позовите ко мне Орлова, — сказал Май-Маевский лейтенанту Романовскому.

— Ваше превосходительство, Орлова сейчас нет. Он занят.

— Подчиняется ли Орлов Слащеву и Деникину? — спросил Май-Маевский.

— Так точно, ваше превосходительство, — последовал ответ.

Мы вернулись в Севастополь.

В «Кисте» Май-Маевский просил меня приготовить глинтвейн. Он тоже пришел ко мне в комнату, сел на диван и неожиданно спросил:

— Скажите, капитан, как вы смотрите на эс-эров и коммунистическую партию? Какая между ними разница?

Впервые он заговорил со мной на политическую тему. Мне ничего не оставалось, как притворяться хладнокровным:

— Я не знаю партий. Меньше всего этим интересовался.

— А скажите, капитан, ваш брат действительно был младшим унтер-офицером из вольноопределяющихся? — спросил Май-Маевский, с ударением на каждом слове.

— Так точно, ваше превосходительство. Он служил в 32-м полку.

— Вы мне в Харькове рассказывали, что ваш отец служил начальником Сызрано-Вяземских железных дорог. У вас там, кажется, и имение есть?

— Точно так, ваше превосходительство. Жаль, что не была взята Рязань, — вы лично убедились бы в этом.

— А с какого времени ваш брат состоит в коммунистической партии?

Я понял, что все пропало.

— Никак нет, ваше превосходительство, я хорошо знаю брата. Он никогда не был коммунистом.

— Вы знаете, что ваш брат был председателем подпольной организации и все было подготовлено к восстанию, — отчеканил генерал.

При этих словах дверь комнаты открылась, вошла группа офицеров с револьверами в руках. Один из них крикнул злорадно:

— Капитан, руки вверх!

Я поднял руки. На меня смотрели дула нескольких револьверов. Начальник сухопутной контр-разведки подошел к Май-Маевскому, стукнул шпорами и, приложив руку к головному убору, отрапортовал:

— Ваше превосходительство, вам все хорошо известно?

— Да, — сказал генерал и тотчас же ушел.

По уходе его был произведен тщательный обыск, а начальник разведки допытывался:

— Скажите, где вы были комиссаром?

Я, не теряясь, ответил:

— Какую чушь вы говорите?! Я никогда не был комиссаром, — и обратился к офицерам:

— Господа офицеры, не желаете ли выпить глинтвейна, приготовленного для Май-Маевского?

— Мы во время служебных обязанностей не пьем, — отрезал начальник: — а скажите, как вы устроили брата к Май-Маевскому?

— Спросите у генерала.

— Да-а, загадочная история, — растяжно и ехидно сказал начальник разведки и, обращаясь к офицерам, добавил:

— Мы все установим... ведите его.

Вдоль коридора гостиницы вытянулось множество юнкеров с винтовками. На улицах там и сям большие группы офицеров, а около памятника Нахимова и вблизи здания морского офицерского собрания стояли пулеметы.

Меня вело десять человек, по три справа и слева, четверо сзади. Я оглянулся и увидел направленные на меня дула револьверов. Кто-то прикрикнул:

— Не оглядываться!

Сердце усиленно билось. Признаюсь, меня пугало кошмарное предположение: вдруг меня поведут на Графскую пристань, а оттуда на крейсер «Кагул», этот проклятый застенек контр-разведки. А мне так надо было выиграть время, чтобы спастись и спасти брата. Нет, меня повели в морскую контр-разведку, по Корниловской набережной, д. № 17.

Газетчики выкрикивали: «Вечерний выпуск газеты. Раскрытие подпольного комитета большевиков! Важное событие!».

Эти слова привели меня в полное отчаяние. Я сразу начал обдумывать план бегства. Но мы уже подходили к контр-разведке. Толпа офицеров рассматривала меня как редкого зверя. Меня ввели в помещение; не допрашивая, через несколько минут тот же караул препроводил меня в крепость.

На следующее утро я прочел в газете, что в ночь на 21 января морской севастопольской контр-разведкой был захвачен городской подпольный комитет большевиков, во главе с В. В. Макаровым. Арест комитета был произведен контр-разведкой по квартирам.

Побег из крепости

Под утро в мою сырую, темную камеру посадили «политического». Я понял, что князь Туманов старался с помощью опытных контр-разведчиков выведать от меня все, что только можно. Но внешнее хладнокровие мне не изменяло. Я продолжал играть роль несправедливо заподозренного и оскорбленного офицера.

Моя невеста, Мария Удянская, выхлопотала право приходить ко мне и приносить пищу. Под влиянием глубокого чувства эта редкая девушка оставила своих буржуазных родителей и делила со мною все опасности и лишения боевой жизни. В последнее ее посещение я нашел записку в жареной рыбе. Мария писала, что все настроены против меня. Май-Маевский ее даже не принял, назвав меня организатором красной сволочи, номер в гостинице «Кист» за мной не числится.

Будто кто сдавил горло, сердце сжималось болью: сегодня или завтра меня повезут на Северную сторону, место расстрелов. А может-быть они не узнают, где я был в 1918 году, и мне удастся обмануть их. Или попытаться бежать? Но записка не оставляла места надежде: я видел, как ко мне протягивались руки палачей. К утру у меня созрел план бегства...

Утром, в уборной, я встретил своего хорошего товарища, Ваню Воробьева. Его тоже ждал расстрел за политику. Охрана несла свои обязанности плохо, и я свободно рассказал свой проект.

Воробьев тяжело вздохнул, подумал и решил:

— Я согласен и передам всем.

Во время обеда Воробьев прошел мимо меня, кинув:

— Согласны с планом шесть; все решили лучше умереть в схватке.

Из 53 неминуемых смертников только шесть! Но размышлять было некогда. Я твердо шепнул:

— Хорошо, будьте готовы. Действуйте, как говорил во время ужина. Другого исхода нет. Будет поздно.

Подбежал часовой:

— Не разговаривать! Бери обед и уходи по камерам!

Целый день меня изводила мысль: что будет, если эти шесть раздумают. План побега был слишком дерзкий, но другого выхода не было. Легче погибнуть в схватке, если не посчастливится, чем от руки палача. День был — как вечность.

— Выходи за ужином, — разнесся по коридору голос.

С миской в руках, я шепнул товарищам, дожидавшимся своей очереди в узком коридоре: «Не бойтесь, дружной, начинаю!». А часовому сказал:

— Позовите ко мне караульного начальника по очень важному делу.

Часовой крикнул разводящему, тот позвал караульного начальника.

— Кто меня звал и на что? — пренебрежительно спросил начальник.

— Поручик, у меня есть важное государственное дело. Отчасти касается вас.

— Говорите, я вас слушаю.

— Как же я буду говорить в присутствии всех, а в особенности при коммунистах? — я указал на группу заговорщиков. — Поручик, зайдемте на минуту в камеру, я вам расскажу. — Я держал себя так невинно, что офицер мне поверил. Мы вошли в камеру. Я быстро проговорил:

— Поручик, одну минутку! Подождите меня здесь. Я сейчас принесу рукопись!

И, не дав поручику опомниться, моментально выбежал из камеры, захлопнув дверь на чугунный засов. Стоящие вблизи товарищи, Воробьев, Заборный, Вульфсон и другие, набросились на часовых и вырвали винтовки. Мы ворвались в караульное помещение. Я крикнул:

— Бросай, сволочь, ружья!

В этот момент мои товарищи схватили винтовки, лежащие рядом с юнкерами на нарах. Два товарища выстрелили. Все это было делом нескольких секунд.

Караул до того растерялся от неожиданного нападения, что часть солдат, в ужасе, с поднятыми руками, прижалась к стенам, другие лезли под нары, вопя о пощаде. А ведь караул состоял из сорока человек, не считая контр-разведчиков! Наружные часовые, услышав стрельбу, шум и крики, поднятые заключенными и караулом, сбежали с поста. А мы, крепко сжимая винтовки, выбежали из крепости. Через несколько минут вдогонку нам началась стрельба, но мы уже миновали Цыганскую слободку и выходили в открытое снежное поле. Мрак и морозный ветер со снегом усложняли наш путь. Вдали замигал огонек, и мы определили, что находимся вблизи Херсонского маяка. Мы ускорили шаги. Не знаю, сколько времени мы так шли. Силы истощались, приходилось часто отдыхать на снегу. Чтобы хоть немножко поддержать тепло, прижимались один к другому. Два товарища, Вульфсон и Гриневич, были босы; их лица без слов говорили об ужасной боли. На последней остановке стало ясно, что надежды нет, силы подорваны, а ветер и метель крепнут. Все же лучше заснуть в сугробах, чем погибнуть в застенках контр-разведки. Один из наиболее твердых, Воробьев, подбодрял всех:

— Товарищи, я знаю местность: здесь должна быть поблизости деревушка. Пойдемте как-нибудь потихоньку!

Какого труда стоило нам подняться! Пройдя полверсты мы хотели уже остановиться, так как некоторые стали отставать, а одного товарища пришлось вести под руки. Вдруг идущий впереди Воробьев остановился и спросил вполголоса:

— Товарищ Макаров, вы слышите лай собак?

Действительно, впереди где-то далеко лаяла собака. Мы не смели верить этому лаю, как светлому миру

в пустыне. Спрашивали друг друга: «Ты слышал? а ты слышал?». — Но собака не смолкала. Наши силы на-пряглись.

Именем Орлова

Шагов через пятьсот мы натолкнулись на деревянную изгородь, занесенную снегом; за изгородью чернели избышки. Мы постучались в ближайшую дверь.

— Кто там? — окликнул несмелый голос.

— Я начальник отряда капитана Орлова. Из-за метели заблудился, прошу открыть дверь!

Пожилой мужчина поднес лампу к окну и, убедившись, что перед ним действительно офицер, пошел открывать дверь. Переступив порог, мы сразу, совсем разбитые, опустились на пол. Некоторые из нас попросили воды и хлеба, другие растирали застывшие конечности, а я вступил в разговор:

— Отец, скажите пожалуйста, какая это деревушка и сколько верст от Севастополя?

— Деревня Карань, ваше благородие. В восьми верстах от Севастополя.

«Чорт возьми, — подумал я, — всю ночь чуть ли не бежали, проперли не менее сорока пяти верст, а отошли всего на восемь верст! Оказывается, из-за метели и тьмы мы кружились на одном месте».

Отдохнув часа два, поблагодарив хозяина за гостеприимство, мы снова двинулись в путь.

— Стой! Кто идет?

Толпа крестьян, вооруженная граблями, топорами и дубинами, окружила нас. Я выступил вперед и объяснил им, что являюсь начальником разведывательного отряда капитана Орлова. В те дни имя капитана Орлова было у всех на языке.

Орлов умело распропагандировал офицеров гарнизонного полка в Симферополе и совершил «переворот». Было арестовано все высшее начальство во главе с комендантом севастопольской крепости, генералом Суб-

ботинным. Лозунг орловцев: «Долой старых генералов. Да здравствует армия порядка во главе с обер-офицерами!». Однако, в виду малочисленности своего отряда Орлов вскоре выпустил всех арестованных. Сам же с отрядом двинулся по шоссе к Ялте, занял ее и ряд окрестностей. После я слышал, что областной революционный комитет командировал к Орлову в штаб, стоявший в Европейской гостинице, Антонину Федорову, с предложением совместных действий.

— Вы должны раз навсегда запомнить, что я борюсь против старых генералов и так же буду бороться против коммунистов. — Дерзко сказал Орлов: — Можете идти!

Генерал Покровский долго уговаривал Орлова выступить на фронт. После долгих колебаний Орлов согласился:

— Значит, генерал, мы пришли к соглашению? Я выступлю на фронт, и никому ничего не будет?

— Конечно, конечно! — с жаром воскликнул Покровский: — За исключением некоторых зачинщиков, которые должны понести наказание.

Орлов вскочил с кресла и дерзко отчеканил:

— Генерал Покровский! Вы забыли, что находитесь у меня и что кроме меня зачинщиков нет! Так это меня вы хотите повесить? Но прежде, чем это случится, я успею отдать распоряжение повесить вас вон на том столбе (Орлов ткнул рукой в телеграфный столб за окном). Но... вы мне не нужны. Можете идти!

Побледневший Покровский пытался что-то пояснить, но Орлов показывал на дверь и отрывисто повторял:

— Разговор кончен, генерал!

Но вскоре, по невыясненным причинам, Орлов подчинился Врангелю, а барон свел его со Слащевым. Два авантюриста встретились друзьями, расцеловались, и Орлов немедленно выступил на фронт. Но два медведя в одной берлоге не уживаются. Как-то Слащев потребовал от Орлова отчета в десяти миллионах, взятых им

из Симферопольского и Ялтинского банков на содержание отряда. Конечно, Орлов наотрез отказался отчитаться. Зная, что в штабе Слащева его ждет петля, Орлов не явился и для объяснения. Он снялся со своими частями с фронта и направился к Симферополю. По дороге орловцев разбила конница Слащева. Только с 46-ью конными Орлов прорвался сквозь неприятельское кольцо. В скором времени они были окончательно разбиты. Орлов с братом долго скрывались в одной из немецких колоний, не принимая никакого участия в военных действиях «красно-зеленых».

По взятии Крыма Орлов явился в особый отдел и заявил, что своей фронтовой работой, в качестве чуть ли не вождя красно-зеленых, он ускорил падение Перекопа. Орлову поверили и поручили сформировать отряд по борьбе с бандитизмом. Авантюриста разоблачили симферопольские подпольные работники, и Орлов был расстрелян.

В объяснениях с крестьянами я воспользовался орловщиной так же и как средством пропаганды.

— Придет скоро время: власть помещиков и генералов падет. Вы будете свободными гражданами. Да здравствует советская власть!

В ответ грянуло:

— Ура-а!

Уже рассветало, ветер утих. Но идти было трудно: ноги вязли в глубоком снегу. В полверсте от деревни Кадыковка мы зашли на один из пустующих хуторов, где обогрелись и закусили у сторожа. Ночь мы провели в Кадыковке у знакомого Воробьева. Такой же дружеский прием мы встретили и на хуторе Пересыпкина, где провели целые сутки. Один из нас, татарин деревни Уторкой, Абдул Смаил, ушел вербовать в наши ряды татарскую молодежь. А остальные шестеро направились в Алсу. Эта деревушка раскинулась в ложине, среди гор. Мы зашли в первый попавшийся дом и по-

пали в рабочую семью. Хозяин, одетый по городскому, долго присматривался к нам: кое-кто был в погонах, некоторые выглядели сущими оборванцами, все с винтовками. На расспросы мы получали лишь «да», «нет». Все-таки, хоть и с большим трудом, мы разговорились и узнали, что дядя Семен симпатизирует советской власти. После сытного обеда мы двинулись на Ялту, чтобы встретиться с Орловым. Я тогда еще не представлял себе подлинной белогвардейской сущности орловцев и допускал, что они — истинные революционеры.

Насколько улучшилось наше положение за эти немногие дни! Мы уже нашли несколько благожелателей, а дядя Семен обещал нам всяческое содействие и просил захаивать. Такое сочувствие удесятерило наши силы. Мы перешли Черную речку через Чортов мост и начали подниматься по зигзагообразной дороге, между нависшими скалами, одетыми кустарником. После двух с половиной часов узкий коридор вывел нас на открытую возвышенность к кордону Херсонесского монастыря. Кругом постройек, обнесенных высоким забором, шумел хвойный лес, да изредка постукивал дятел. Кто-то из нас стукнул в большие ворота. Запилились собаки, чистый звук колокола заглушил лесные шопоты. Скрипнул железный засов, и высокий послушник в черной скуфейке спросил, кто мы такие, куда идем. Мы назвались орловцами и прошли за монахом на кухню кордона.

Игумен Викентий отдал распоряжение приготовить моим товарищам ужин и постель, а меня пригласил ужинать в келью. Монах долго всматривался в меня.

— Простите, вы напоминаете мне капитана Макарова, адъютанта Май-Маевского, — и он рассказал, что служил в Харьковском соборе и видел меня там вместе с генералом.

(После нажима красных, Викентий бежал из Харькова и, по протекции епископа Вениамина, попал в кордон).

Завязалась долгая беседа на политическую тему. Я с аппетитом ел под рассказы игумена о зверствах большевиков. А насытившись, описал, как умел, жизнь и поступки строителей «Единой Неделимой». Монах молча слушал, скорбно понутив голову, и соглашался со мной во многом. Он был непреклонен лишь в вопросах непогрешимости святой церкви, подкрепляя свое, мало убедительное, красноречие текстами из священного писания. Мне было совсем не до религиозных диспутов; пришлось только указать отцу Викентию, что церковь всегда служила орудием угнетения трудовых масс.

— Вспомните текст: «Несть власти, аще не от бога».

— А скажите, Павел Васильевич, Май-Маевский был религиозный человек?

Я рассказал, как в Харькове, набравшись смелости, спросил генерала:

— Ваше превосходительство, вы не верите ни во что, но почему же вы креститесь на парадах?

— Капитан, — ответил Май-Маевский, — вы слишком молоды и не понимаете, что для простого народа это необходимо.

На ночь нас устроили в крестьянской молельне, — отдельном флигеле с крестом. В маленькой комнате было тепло и на свой лад уютно. Часть наших улеглась на кровати с соломенным матрацом и на маленьком диване, а остальные прямо на полу, на войлочном ковре, который заботливо принес монах.

Воробьев, ради шуток, посоветовал Вульфсону:

— Завтра нам предстоит трудная дорога. Ты бы помолился всем святым.

Вульфсон, укрываясь рядом, засмеялся:

— Пусть за нас помолятся монахи: им делать нечего. Потом наказал постовому:

— А ты там смотри лучше! На святых не надейся!

Тусклый свет лампад освещал две ветхие иконы и навевал дремоту. Некоторые товарищи попробовали было перекинуться анекдотами о монахах, но я напомнил, что утром нас ждет большой переход.

Попали к друзьям!

На следующий вечер мы подходили к подножию Ялтинской Яйлы. Начался подъем. Сугробы и темь сбили нас с дороги. Пришлось взять направление на юг, ориентируясь тем, что северная сторона каждого дерева покрыта снегом. Чем выше — тем труднее: мы утопали в снегу, Яйла исчезла. Во тьме шумели могучие сосны, в дремучих лесных дебрях завывал ветер. Приходилось часто отдыхать в сугробах под густым кустарником, прижимаясь друг к другу. Наконец, непроходимый снег заставил нас переменить направление. Через несколько сот шагов мы наткнулись на глубокий обрыв. Малейшая неосторожность, и человек упадет в пропасть. Но Воробьев пресек наше замешательство:

— Товарищи, исхода нет. Не замерзать же здесь! Кто за мной — вперед!

Он скользнул вниз, прыгая от дерева к дереву, за ним спустился я, Вульфсон и остальные. После часа мучительного спуска мы очутились в безопасности, по крайней мере, от падения в пропасть. Вдали у подножья замигали огоньки. Мы скоро подошли к ним и, замедлив шаг, крадучись, стали пробираться к домам. Вдруг Воробьев шепнул:

— Тише! Слышите?

В вечерней тьме уныло звучала татарская песня. Это татарин вязал хворост.

Увидев вооруженных людей, он остолбенел, уронив хворост. Я спросил, понимает ли он по-русски.

Татарин кивнул головой.

— Какая это деревня и кто живет в том домике? — указал я на крайний дом.

— Деревня Кучук Изимбаш, живет Измаил, «якши человек».

Поняв, что мы не опричники Врангеля, жестоко преследовавшие за малейшую порубку, татарин спросил:

— Откуда твоя идет?

Воробьев молча указал на обрыв. Татарин всплеснул руками. Оказывается до нас еще никто не отваживался на спуск по этому обрыву.

В домике Измаила нас приняли радушно. Хозяин, после традиционного «кош кельде» (с приездом), пригласил войти в комнату. Мы жадно уничтожали козье молоко и хлеб, а татарин допытывался, правда ли Орлов собрал всех дезертиров и, сговорившись со Слащевым, идет на фронт. Мы поняли всю гнусность орловских замыслов и были рады, что сама природа преградила нам дорогу в Ялту.

Вблизи дома Измаила проживал пристав с четырнадцатью стражниками, и мы ушли сразу после обеда. Вечером нас хорошо встретили в деревне Адым-Чокрак, дали продуктов и указали дорогу к объездчику Евграфу, знакомому Воробьева. В горах мы набрали на жилье; порубка леса, за изгородью небольшой домик с сараем. От дома расстился по балке серый дым. Навстречу затыкала собака, а на крыльцо вышел молодой человек в рабочей куртке и бархатной шляпе, из-под которой падали на плечи длинные волосы. Не то монах, не то художник. Приветливо улыбаясь, он снял шляпу и пригласил нас в дом. Вся обстановка его двух жилых комнат состояла из двух столиков, двух табуреток, кровати и самодельной скамьи со спинкой. Воробьев спросил про Евграфа, а я машинально читал названия книг на одном из столиков.

— Богатая у вас революционная литература; — не утерпел я: — кто ее читает?

Хозяин пристально взглянул мне в лицо и, видимо доверившись, признался:

— Я читаю.

В комнату вошел высоченный человек средних лет, заросший рыжей бородой. В одной руке гигант держал ружье, в другой — убитого зайца. Воробьев бросился рыжему на шею, и они расцеловались. Наши языки развязались, и мы все познакомились. Наш молодой хозяин оказался скрывающимся от Врангеля коммунистом

Дежурный Генералъ
штаба
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ

АРМІИ.

Отдѣленіе Общег.

Октября 5 дня 1919 г.

№ 22026

Гор. Харьковъ

Отмѣтки о переѣздахъ по службѣ.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Предъявитель сего Капитанъ І Офицер-
скаго стрѣлковаго Ген. Дроздовскаго
полка П. В. МАКАРОВЪ

есть дѣйствительно А д ѣ ю т а н т ъ

КОМАНДУЮЩАГО Д о б р о в о л ь -

ч е с к о й А р м і е й

что подписью и приложеніемъ казенной

печати удостовѣряется.

Бенсон

Генералъ-Маіоръ

Служба
Общег. отдѣленія, Полковникъ

В. М. М. З

Ульяновым. (В 1918 г. он состоял пропагандистом среди немецких оккупантов, доставлял литературу из Москвы в Севастополь и Харьков. Теперь он вынужден таиться в лесу под чужой фамилией от белой контр-разведки). Он очень обрадовался нам и предложил временно жить в казарме, чтобы сформировать отряды. Рыжий гигант был левый эс-эр. За революционную деятельность 1905 года он отбывал наказание в Орловском центре, да и после побывал в различных тюрьмах.

Он ободрал зайца, мы вычистили картошку, — ужин вышел великолепным. Разговор не смолкал почти до рассвета...

Через экспроприации к формированию партизанов

На утро нас разбудили пинки стражников. Они забрали наши винтовки и приказали одеваться. Я подошел к помощнику пристава и, идя на страшный риск, назвал себя адъютантом Май-Маевского.

— Я не знаю, кто вы такие, — тупо сказал стражник: — мне приказано доставить вас к приставу в деревню Каралез.

В Каралезе нас под охраной поместили в дом к татарину Билял Османову, который отнесся к нам весьма дружески и снабдил продуктами.

Через некоторое время нас повели к приставу. Он, в форме поручика, сидел за столом.

— Кто вы такие и каким образом попали на кордон?! — заорал он на нас.

Но я окинул пристава начальническим оком и строго произнес:

— Поручик, прежде чем разговаривать, встаньте, как полагается. Перед вами стоит капитан — адъютант генерала Май-Маевского.

Чудом уцелевший документ, удостоверяющий мое адъютантство, и карточка удостоверения спасли нас. Поручик моментально вскочил, приложил руку к козырьку и дрожащим голосом залепетал:

— Виноват, господин капитан. Мне донесли: на кордоне банда и часть ваших людей раздета.

— Поручик, вы разве не знаете, что сейчас происходит движение Орлова? Если мне понадобится, — я и из вас сделаю такого же оборванца. — Я небрежно ткнул в сторону одного из своих «людей». — Вы своими действиями могли сорвать мне операцию.

— Виноват, господин капитан.

— Поручик, выдайте моим людям ружья и снабдите продовольствием из расчета на три дня. А сейчас вызовите мне по телефону генерала Лукьянова: я с ним буду говорить.

— Господин капитан, телефон находится в восьми верстах на станции Сюрень.

— Ну, так в другой раз не посылайте остолопов, вроде вашего помощника, на такие серьезные операции.

— Слушаюсь! — и поручик облегченно вздохнул.

Прощаясь, я окончательно «подобрел».

— В ваших интересах не буду доносить рапортом о происшедшем, а мое пребывание в этой деревушке хранить в строжайшей тайне!

Поручик, радостно стукнув каблуками, сказал:

— Слушаюсь, все будет исполнено!

Я скомандовал своим:

— Ребята, за мной!

Жители Каралеза смотрели на нас во все глаза. А пристав старался:

— Господин капитан, может, лошадей вам дать?

— Не беспокойтесь, поручик, они нам не нужны.

Мы быстро покинули деревушку, дорогу показывал татарин Билял Османов. После нескольких верст по горам и балкам мы вновь пришли к объездчику Евграфу, где долго смеялись над удачной комедией. Пристава удалось провести только из-за отсутствия у белых хорошей связи.

Первое предостережение!

Эту ночь мы провели в небольшой пещере с одним выходом; ее указал нам товарищ Ульянов. Безопасная и теплая спальня! Посреди пещеры разожгли костер; когда он прогорел, угли разгребли по каменному полу пещеры. Нагрев камни, мы сгребли уголь в сторону, постлали пол и сладко спали, выставив посты.

На утро мы вернулись на кордон Херсонесского монастыря, откуда решили разойтись по районам и городам; необходимо было ознакомиться с настроением масс и наладить связь с подпольными организациями.

В кордоне мы пристроили, в качестве рабочего, нашего еврея Вульфсона, выдав его за латыша. Товарищ Вульфсон совершенно обезножел из-за отсутствия сапог и нуждался в покое. Нелегко расставаться с боевым товарищем, особенно в такой трудной обстановке. Но мы пригрозили отцу Викентию смертью, если он не убережет нашего товарища.

Вторым нашим делом было навестить дядю Семена. У него мы познакомились с крестьянином Шуркой. Этот Шурка жил налетами на спекулянтов всех видов: грабил по дорогам и домам. Так как Шурка щедро делился с теми, кто оказывал ему содействие, и никогда не обижал бедняков, крестьяне относились к нему хорошо.

Несмотря на все меры, принятые Врангелем, Шурка казался неуловимым. Он охотно рассказывал нам о своих похождениях; едва рассказ доходил до решительного момента, когда он выскакивал из-за кустов, хватал лошадей за повод и наводил револьвер на седоков, — глаза Шурки наливались кровью. Этот типичный былинный разбойник подробно расспросил о целях нашего отряда и, загоревшись непобедимым желанием, стал умолять принять его в нашу компанию. На войне хороши все средства. Шурка нам годился для связи, и мы взяли его в товарищи.

Для нашей работы необходимы были средства. Пришлось, скрепя сердце, решиться на экспроприацию. Прихватив в Кадыковке двух скрывавшихся там рево-

люционеров, мы с Шуркой и Воробьевым двинулись к Чоргунской конторе лесозаготовок. Я оставил Шурку с двумя товарищами около дома; мы же с Воробьевым вошли в контору. За столом сидело девять хорошо одетых мужчин, шестеро из них в форме инженеров.

Я внушительно сказал:

— Господа, прошу не шевелиться. Морская сева-
стопольская контр-разведка.

— Поручик, скажите, пусть застава и оцепление от-
дыхают (это — Воробьеву).

— Господа инженеры, кто имеет оружие, — поло-
жите на стол.

О дерево брякнули два браунинга. Я вцепился зор-
ким подозрительным взглядом в ближнего чиновника:

— Вы Прилуцкого знаете?

— Нет, нет, — торопливо ответил перепуганный
инженер.

— Вам придется следовать за нами, — многозначи-
тельно подчеркнул я. — А кто является кассиром
здесь? Один из присутствующих, откройте кассу.

Мужчина средних лет дрожащими руками открыл
несгораемую кассу.

— Поручик, посмотрите серию и номер билета.

Кассир подал пачку банковых билетов Воробьеву,
а я вынул из бокового кармана чистую записную
книжку.

— Какая серия и номер?

Воробьев назвал.

— Правильно, — процедил я сквозь зубы: — посмо-
трите следующую пачку.

Комедия развертывалась успешно.

— Откуда вы взяли эти деньги? — обратился я
к кассиру.

— Из казначейства, господин начальник.

— Из казначейства ли производили обмен?

— Из казначейства. Вот, посмотрите, неразорван-
ные пачки.

— Это не важно, — прервал я: — вам тоже придется одеться. Поручик, просчитайте, сколько денег?

Воробьев зашуршал бумажками, инженеры стали просить меня не арестовывать их товарищей.

— Они не виноваты ни в чем, господин начальник.

— Я в этом сам уверен, господа инженеры (здесь я соблюдал полную искренность). — Возможно, что эти деньги попали в кассу по вине кого-либо другого. Напишите поручительство.

— 83 тысячи! — доложил Воробьев.

Эти деньги, как мы узнали позже, предназначались для разработок лесозаготовок и шпал для постройки стратегической линии Джанкой—Перекоп.

— Поручик, заберите деньги.

Я подмахнул шикарную расписку.

— Вот вам расписка в том, что мною отобраны деньги. Завтра явитесь к князю Туманову, и он даст вам основание на получение других денег. А теперь, господа инженеры, в ваших же интересах прошу в течение получаса не выходить из помещения, так как я буду производить недалеко от вас обыски и аресты.

Все, как один, ответили: — Что вы, что вы! Мы до утра просидим, не выйдем.

— Извиняюсь за беспокойство, господа инженеры, до свиданья. Поручик, за мной!

Половину экспроприированных денег мы передали Пете Сердюку, члену подпольной организации среди крестьян Балаклавского района, половину взяли мы с Воробьевым для нужд революционного движения.

Новый провал и рост рабочего движения

Вместо нашего комитета, расстрелянного белыми, в Севастополе организовался новый подпольный комитет. Во главе его стоял Крылов (Шестаков), секретарь профсоюза. Левый эс-эр — он убедился, что соглашательская политика отдаляет скорейшую победу пролетариата над капиталом, поэтому порвал с эс-эровской

партией. В состав комитета входили: Гитин (зубной врач), Клепин, Авдеев, уполномоченные от воинских частей и порта: Губаренко, Васильев (он же Александровский), Мулеренок, Кривохижин, Замураев, Борисов, Гевлич, Кибур, Фокин, Петров, Кирлак, Наливайко и Гинзбург. Комитет печатал воззвания, распространяя их среди войск. Вскоре все было готово к восстанию. Для связи со мной комитет послал в район Балаклавы «барона»¹ Мацкерле. Но один из подпольщиков, Николаев, подозревая барона в принадлежности к охранке, не выдал ему моего местопребывания.

Предварительное совещание происходило на конспиративной квартире Гитина по Екатерининской улице, д. № 33, и последнее, с представителями от воинских частей,—на Корабельной стороне, по Николаевской улице, д. 86 (Клепина), — собралось 3 марта ст. ст. 1920 г.

В первую очередь было решено захватить штаб Врангеля и особый батальон при штабе крепости: среди его солдат и даже офицеров было много распропагандированных коммунистами. Затем—занять почту-телеграф, все госучреждения, вокзал и суда, стоящие на рейде.

Эта большая работа выпадала на долю войск, состоявших в ведении комитета, и рабочих порта. Их насчитывалось до десяти тысяч.

К трем часам ночи комитет распределил между всеми товарищами обязанности в момент восстания и назначил сроком переворота — ночь на 6 марта.

И вдруг нагрянула контр-разведка, затрещали пулеметы. Председатель комитета Крылов, не теряясь, стал жечь протокол заседания и другие бумаги.

В комнату ворвался юнкер, крикнувший: «Именем закона вы...», но выстрелом Крылова в упор был положен на месте.

Уполномоченные воинских частей бросились через окна и крыши. Все-таки контр-разведка захватила Крылова (Шестакова), Клепина, Губаренко и несколько

¹ Барон — кличка.

представителей от воинских частей. Муллеренку, Васильеву (Александровскому) и другим удалось бежать.

На квартирах схвачены: Гитин, Авдеев и несколько офицеров по частям; всего было арестовано двадцать семь человек. Арестованных распределили по группам. Десять человек предали военно-полевому суду.

Контр-разведка, захлебываясь от радости, смаковала события в передовой статье газеты «Юг».

Рабочие напряженно следили за участью вырванных из их рядов. В порту устраивались групповые собрания и через Крымпрофсоюз старались освободить арестованных.

Военно-полевой суд 22 марта ст. ст. приговорил к смертной казни тт. Крылова (Шестакова), Гинзбурга и Наливайко. Два товарища получили по десять лет тюремного заключения, остальные оправданы. Но комендант крепости передал дело на новое рассмотрение. В ночь на 24 марта, по приказу известного палача, генерала Слащева, арестованных товарищей увезли в Джанкой под усиленным конвоем.

Рабочие порта, узнав об этом, на собрании вырабатывают резолюцию и передают копию ее Зеелеру:

«Мы, рабочие завода и порта Морского ведомства, на совести которых нет кровавых пятен, которые при всяких властях и при всяких условиях возвышали свой голос протеста, а нередко и активно выступали против всяких насилий и расправ, узнав об увозе генералом Слащевым в Джанкой арестованных: Губаренко, Гитина, Шестакова, Авдеева и других, видим в этом акте недопустимое вмешательство в дело суда и желание безгласного правяща, а, может-быть, и без всякого суда расправиться с арестованными, воскресив этим жуткие картины застенков. Рабочие выражают свой протест против подобных расправ и требуют гласного суда над арестованными с участием защитников. Для чего арестованные должны быть немедленно возвращены в Севастополь, где только и явится возможность для обвиняемых выставить всех своих свидетелей.

«Рабочие понимают этот чудовищный акт, как вызов рабочему классу. Принимая этот вызов, рабочие заявляют, что они никогда, как с подобными актами, так и с „чрезвычайками“ примириться не могут и будут вести с ними самую решительную борьбу. Кроме этого, мы заявляем: может-быть, Крыму будет суждено вновь переживать ужасы «чрезвычайки»¹, и тогда у нас, рабочих, до сих пор успешно боровшихся с «чрезвычайками» в Севастополе, будет выбита из рук действиями нынешних властей возможность спасти жизнь многих. Пусть это будет на совести тех, кто творит сейчас произвол и, главным образом, на вашей совести, генерал».

Одновременно Крымпрофсоюз заявил протест действиям Слащева, требуя немедленного возвращения арестованных в Севастополь для гласного суда.

На заседании Совета министров, во главе с Мельниковым, выработано следующее постановление:

«Совет министров Южно-русского правительства, получив в момент приезда в Севастополь сведения о том, что, до приезда, генералом Слащевым увезено в Джанкой 10 человек, преданных военно-полевому суду, обсуждал в заседании своем, состоявшемся 12 марта, этот вопрос и принял ряд мер к тому, чтобы дело получило нормальное движение. В виду того, что военная юстиция и военная власть не входят в сферу компетенции власти гражданской, каковой является Южно-русское правительство, последнее, учитывая политическую сторону вопроса и озабочиваясь внесением законности во все области жизни юга России, поручило председателю Совета министров Н. М. Мельникову немедленно съездить по прямому проводу с генералами Слащевым и Шиллингом и настоять на соблюдении всех законных гарантий в этом деле».

Это постановление было расклеено в мастерских завода. Пресса уверяла, что постановление произвело

¹ Выпад против «чрезвычайки» был тактическим ходом рабочих.

на рабочих самое прекрасное впечатление. На самом же деле, рабочие мало ему доверяли.

Рабочая делегация и Крымпрофсоюз передали постановление и послали телеграммы протеста Слащеву и Шиллингу.

А что ответил Слащев?!

«Армянск 2 — III.

«1) Крымпроф Председателю Шевченко.

«2) Председателю Исполнительного Комитета Канторовичу.

«3) Председателю союза зубных врачей.

«4) Правлению союза кооперативов Севастопольского района.

«5) Правлению Общества Потребителей Севастопольских Кооперативов.

«6) Во все газеты.

«Получил вашу телеграмму и поражаюсь: никогда от гласности не уклоняюсь, но не верю, чтобы честные рабочие сказали ваши слова. Вы или ваши ставленники занялись давлением на суд. В ответ на ваше заявление о том, что вдали от Севастополя судить нельзя, отвечаю:

«Вдали от фронта судить нельзя.

«Я уже сказал, что не допущу красных в Крым, но и не позволю тылу диктовать свою волю фронту. Добьюсь этого во что бы то ни стало, ставя ставкой свою жизнь и жизнь врагов России.

«Судить будут у меня, и приговоры утверждены будут мною. Рабочие же ко мне не приезжали. Сейчас прошу мне не мешать, так как наступаю с войсками против красных, которым вы, видимо, помогаете. Слащев».

Городская Управа, опасаясь беспорядков среди рабочих, выразила Слащеву телеграммой и свой протест. Он ответил:

«Думаю, что делу больше поможет трезвое отношение рабочих к делу и исполнение Управой своего дела. Подсудимые судятся по закону фронтовыми чи-

нами, которым они помешали работать. Честный человек не должен бояться места, где его судят, а руководители масс должны объяснить это своим доверителям, во избежание пролития крови. Слащев».

Слащевские телеграммы сильно волновали рабочих завода и порта. Они готовы были восстать, но их

1 — Клепин. 2 — Гитин. 3 — Наливайко.
4 — Авдеев.

сдерживал Крымпрофсоюз. Председатель, соглашатель Канторович, дал обещание рабочим, что Южно-русское правительство не допустит смертной казни.

Действительно, глава министров Мельников по прямому проводу просил генерала Слащева, в целях укрепления в населении доверия к военной и гражданской власти, не допустить чего-либо неправомерного. Слащев отговорился, что никогда ничего против совмест-

ной работы с Комитетами и их союзами не имел, но «предатели России живыми не останутся. Фронт будет диктовать тылу, а не тыл фронту». — «Десять прохвостов расстреляны по приговору военно-полевого суда. И сегодня утром нами взята Чаплинка, Преображенка, масса пленных и трофеи. Я только-что вернулся оттуда и считаю, что только потому в России у нас остался один Крым, что я расстреливаю подлецов, о которых идет речь».

Учитывая озлобление рабочих, контр-разведка раскинула среди них свою густую сеть.

Роль ангелов-миротворцев контр-разведки сыграли меньшевики, которые успокаивали и отговаривали массы от активного выступления. Все-таки в Севастополе разразилась трехдневная забастовка траура.

Рабочие приступили к работе, уступая вооруженной силе, но с сознанием, что на месте десяти замученных восстанут сотни и тысячи.

Как формировались партизанские отряды

Наше внимание привлекал самый революционный район — деревня Мангуши. Здесь было средоточие дезертиров и революционной татарской молодежи. По балке, между двумя горами, стоял отряд в сорок душ. Отряд не имел ни обмундирования, ни достаточного вооружения, ни продовольствия. Партизаны зачастую питались капустой и даже сложили поговорку: «От капусты не уйти». Жили они в землянках. Весь отряд состоял из освобожденных из здания школы, привезенных из Харькова. Было выпущено около девяноста человек, но, по дороге в лес, многие разошлись по окрестным деревням; лишь человек пятьдесят прибыли в деревню Мангуши. В отряде находились девять коммунистов: Киселев, Егерев, Камов (убит), Демьян (убит), Жорж, Фирсов, Шкуркин (убит), Африканец, Делюс. Остальные партизаны расслаивались на две группы: на людей без определенных убеждений, пре-

следуемых Врангелем за дезертирство или симпатии к советской власти, и людей с темным, даже уголовным прошлым. Последних отряд привлекал единственно возможностью легкой наживы. Перед нашим приходом этот отряд произвел самовольно налет по шоссе, забрал много денег и ценностей. Характерно, что деньги не хранились у одного доверенного лица, а делились между участниками налета. В балке царила картежная игра, брань висла в воздухе. Было развито бахвальство, щегольство своей удачей и наживой. Деньги прятали в фуражках. Не удивительно, что при таком порядке отряд голодал. Часть партийцев ушла в город, в том числе и начальник отряда Шкуркин, для подпольной работы; оставшиеся коммунисты не могли справиться с отрядом. Среди партизанов шло глухое брожение. Были недовольны т. Шкуркиным, который переправлял наиболее крупные средства в ревком.

Наша хорошо сколоченная группа помогла местным партийцам навести дисциплину. Общими силами мы убедили бросить картежную игру и «дележку». Только шесть человек не захотели подчиниться новому порядку и ушли из отряда.

Командование было поручено мне. Мы определили своим маршрутом: Мангуши, Лаки Биясалы и Севастопольский район. Одно горе: нам нехватало красного знамени. Но по дороге в Мангуши мы, к нашему восторгу, встретили мальчонку в красной рубашке. Мы сейчас к его матери: — «Продай нам! Бери, сколько хочешь». Крестьянка, узнав, что рубашка пойдет на знамя, долго отказывалась брать деньги. Мы ей силой всунули изрядную сумму.

Знамя вышло самое настоящее; стройным шагом, с революционным пением, мы вступили в Мангуши. Организовался митинг; наши ребята красочно рассказывали о притеснениях белых и призывали к восстанию. У здешних крестьян достаточно трещала шея от белого нажима, и наша пропаганда пришлась как нельзя лучше к месту. Отряд сразу вырос до ста двадцати

человек. Казалось бы: жить да радоваться. Не тут-то было!

Когда я предложил партизанам работать в Севастопольском районе, «новенькие» забузили:

— Из Мангушей никуда не пойдем, будем охранять деревню!

— Останемся под Мангушами и будем производить налеты.

Нам пришлось распрощаться с крепкими мужичками, сказав в назидание:

— Так дело вести нельзя! Сидеть на одном месте, есть «барашка» да изредка делать налеты и ждать освобождения, в то время, когда каждая минута дорога для тех, кто проливает под Перекопом кровь, — недопустимо!

Но мы не унывали, понимая, что для настоящего, большого движения крестьян время еще не пришло. Распались и наши партизаны.

Две встречи

Снова крохотной группкой двинулись в Севастопольский район. Здесь Камов остался в Кара-Кубе, чтобы затем пробраться в Севастополь для связи с подпольной организацией, а мы с Воробьевым остановились в деревне Алсу. Здесь к нам присоединился беглый матрос Яша Гордиенко. И здесь же произошло любопытное происшествие.

Вместе с «Шуркой» мы ловили как-то рыбу у Чортова моста. Вдруг на фоне южной зелени вырисовалось несколько офицеров. Все с удочками, которые они время от времени забрасывали, медленно подвигаясь к нам. Я собрал свое волнение в комочек и беззаботно снимал рыбу за рыбой.

— Как вы хорошо ловите рыбу! — воскликнул старый полковник, поравнявшись со мной.

— Люблю ловить рыбу, — признался я: — но мерзавцы большевики разграбили имение. Приходится ловить рыбу на скудной речке.

— А где ваше имение? — полюбопытствовал полковник.

— По Хопру, в Балашове.

Полковник интересовался все сильнее.

— У железнодорожного моста, Арзамасцева, — брякнул я, как всегда, на страшный риск.

— Как, вы сам Арзамасцев? — удивленно спросил полковник.

— Я — сын Арзамасцева.

— Очень приятно познакомиться, — полковник протянул руку, буркнул свою фамилию.

Подошли остальные офицеры.

— Знакомьтесь, господа. Арзамасцев из Балашова, — любезно представлял меня полковник.

После самых изысканных поклонов, я спросил:

— Господа офицеры, скажите, каково положение Перекопа? Не придется ли мне эвакуироваться дальше, в Константинополь?

(Стоит ли добавлять, что рука моя крепко стискивала в кармане рукоять револьвера).

— Что вы, что вы! Мы к Александровску продвинулись. Близок уже Донецкий бассейн, а вы — эвакуироваться! — на перебой заговорили офицеры.

— А скажите, пожалуйста, я намерен купить здесь дачку, как здесь насчет бандитов?

— В этом районе бандитов нет, за исключением одной сволочи Макарова, но и его мы скоро поймает, — похвастался один из офицеров.

— Это не тот ли Макаров, о котором я читал в газете?

— Да, он — мерзавец, адъютант Май-Маевского, — досадливо смеясь, подтвердил полковник.

Я пожал пренебрежительно плечами.

— Стоит ли о нем разговаривать? Где вы теперь находитесь?

— Мы сейчас на отдыхе в экономии Томиловых. Покупайте вблизи нас дачу и приходите сыграть в преферанс и выпить кофе.

Я был очень «польщен», долго тряс руки новым знакомым.

— Благодарю вас, при первой возможности взгляну. А сейчас извиняюсь. Мои друзья ожидают меня в Алсу.

— Пожалуйста, пожалуйста, приходите, — просили офицеры.

Как я облегченно вздохнул по их уходе. А рыбу нам пришлось с Шуркой изловить в более укромном местечке. Отказаться совсем от ловли мы не могли: рыба нас спасала от голода.

Во время такой ловли мы как-то увидели на противоположной стороне речки пять человек в английском обмундировании с офицерскими погонами, с котомками на плечах, вооруженных винтовками и револьверами. Шли они, оглядываясь по сторонам.

Тотчас же я послал Шурку узнать, что это за народ. Он прибежал с вестью, что «люди подозрительные». Тогда я перешел Чортов мост. Два офицера сидели в изнеможении на камнях.

— Кто вы такие и куда идете?

Они ответили:

— Идем на Алупку!

Ответ усилил мои подозрения.

— Дороги на Алупку здесь нет, не лучше ли вам идти по шоссе.

Один из офицеров улыбнулся и отчеканил, не сводя с меня напряженного взгляда:

— Мы идем туда, где есть справедливость.

Выяснилось, что несколько офицеров покинуло ряды белых. Они предполагали пожить на берегу моря, прячась в рыбацких лодках, и, выбрав момент, перебраться в Советскую Россию.

Я предложил офицерам зачислиться в мой несуществующий отряд; но, так как не вполне им доверял, то

предупредил, что, если они — контр-разведчики, то отряд живо с ними расправится.

— Хорошо, мы согласны, но, чем вы докажете, что вы не являетесь белыми?

Я вынул из кармана газету с описанием моего ареста и удостоверение о моем адъютантстве. Тогда офицеры крикнули остальных; медленно, недоверчиво они выходили из кустов, держа винтовки на изготовку. Я узнал их фамилии: Шарый (первый, который открылся мне), Баратков, Колесников, Носов и Гаузе. В балке, у деревни, прибывшие на перебой рассказывали о своих похождениях. Все они были мобилизованы Врангелем и долгое время старались покинуть его ряды, манкируя службой. Все выжидали удобного случая для перехода к красным.

Когда Врангель наметил операцию по расширению своей территории, группа недовольных наладила связь с подпольной организацией Голубева (Храмцева).

Храмцев, зная мое местопребывание, дал офицерам направление — Инкерман—Алсу и сказал, что там есть отряд.

Я видел, что офицеры не лгут; но все же держал ухо востро, пока Камов (Орлов) не прибыл из Севастополя и не рассказал, что Храмцев (Голубев), действительно, послал пять надежных товарищей. Впоследствии я убедился, что Храмцев не ошибся.

Наше первое воззвание

Спустя неделю я продиктовал Бараткову, теперь адъютанту отряда, воззвание к войскам Врангеля:

«Барону Врангелю. Копия всем войскам.

«Товарищи — солдаты и офицеры! Мы, участники первого Ледяного и Дроздовского походов, обращаемся к вам, обманутым и втянутым в гнусную авантюру сумасшедшего стратега Врангеля. Вам хорошо известно, что Добровольческая армия под предводительством Деникина, развивая наступление и выходя

из Донецкого бассейна, шла под лозунгом учредительного собрания. Но, по мере продвижения вперед, этот лозунг терялся, и когда дошли до Орла, то почти открыто пели «Боже, царя храни». Генералы мало думали о «Единой, Неделимой России». Колчак подходил к Волге, а Деникин приказывал Май-Маевскому не особенно успешно развивать наступление, иначе, де-Колчак перейдет Волгу, займет Нижний-Новгород, и Деникинская ставка может остаться за бортом. Перед Орлом они распределили портфели власти. В это время генералы устраивали блестящие банкеты и оргии, обходившиеся чуть не в миллионы. Губернаторы проходили путь через мучку крестьянства, как они выражались, с факелами выжигая большевизм. Высшее командование не считалось с рядовым офицерством и солдатами. В то время как вы проливали кровь на фронте, генералы набивали себе карманы. О крестьянах и рабочих они мыслили не иначе, как о рабах. На секретном заседании, в присутствии Деникина, Романовского, Май-Маевского и других видных генералов, Врангель сказал: „Пока мы не дойдем до седых стен святого Кремля и не услышим колокол Ивана Великого, аграрный и рабочий вопрос мы решать не будем. На случай же, если темная сволочь — масса взбунтуется, у нас есть молодая гвардия (корниловцы, марковцы, дроздовцы), при помощи которых мы всегда сумеем подавить восстание. Пушки и пулеметы союзники пришлют“.

«Мы приведем вам пример, как думали о России союзники: за один транспорт со снарядами они вывозили восемь транспортов сырья, к тому же пользовались бесконтрольно нефтяными промыслами. Когда приезжал в Харьков генерал Брикс (глава Великобританской миссии по делам России), то на совещании он интересовался одним:

«— Есть ли у вас сырье и в каком количестве?

«Вот как союзники думали о России.

«За что же вы воюете? За буржуазию и их приспеш-

ников, генералов, которые набили чемоданы и одним глазом смотрят на Керчь, другим на Перекоп, часто оглядываясь на Константинополь, за контр-разведчиков, продажных людишек, за бесценные „колокольчики“ расшаркивающих по-холопски перед генералами, выдавая истинных борцов освобождения трудящихся. Они смакуют последние события дня, но мы им скажем: напрасно, господа, преждевременное ликование. На месте одного замученного восстанут десятки, сотни борцов, и час расплаты приближается!

«Мы обращаемся к вам и надеемся, товарищи солдаты и офицеры, что наш призыв не останется пустым звуком. Вы все, как один, по первому нашему сигналу, должны выступить с оружием в руках на улицу и действовать по указанию подпольного Комитета.

«Не дайте уйти буржуазии и их приспешникам, генералам. Не далек тот день, когда над Севастополем будет развеваться красное знамя. Покидайте ряды белых, идите к нам. Мы вам гарантируем жизнь, а мерзавцам пощады быть не может.

«Да здравствуют рабочие и крестьяне!

«Да здравствует Третий Интернационал!

«Да здравствует всемирная революция!

«Бывший адъютант генерала Май-Маевского капитан Макаров, ныне командир 2-го Повстанческого Советского полка».

Каков передал мое воззвание в Севастопольский подпольный комитет, состоявший из восьми человек:

1) Никитин, Николай (ведал печатным делом и секретарь),

2) Замураев, Алексей (занимался снабжением оружия и пополнением из госпиталя для моего отряда),

3) Анфалов (доставка оружия и связь с рабочими порта),

4) Вилонов (хранение оружия, конспиративная квартира — Михайловская улица, д. № 77),

5) Борисов (информационная часть К-та),

6) Кривохижин (связь с рабочими, информация и доставка оружия),

7) Цыганков (подрывная часть, агитация среди войск, пополнение оружия, людьми. Его квартира на Зеленой Горке служила явкой, куда приходили Камов и др., откуда отправлялись в лес оружие и люди).

Камов вернулся с тринадцатью товарищами, посланными на пополнение из комитета. Среди них — товарищ Васильев (Александровский), впоследствии начальник штаба Мокроусова.

Опять в гостях!

Так как отряду нехватало средств, я внес предложение произвести экспроприацию в имении Шнейдера. Четырнадцать партизанов оделись офицерами. Двоих мы нарядили голодранцами. Окружив их тесным кольцом и взяв винтовки наперевес, мы двинулись через деревню Ай-Тодор. Здесь мы не утерпели зайти в местный кооператив. Как-раз тут находился старый знакомец — пристав из Каралеза. Он вытянулся перед моей флотской лейтенантской формой, а я спросил его, узнает ли он меня, и приказал отдать оружие. Протянув «Смитт-Вессон», пристав долго всматривался испуганными глазами в мое лицо и нерешительно признался:

— Не могу узнать, господин лейтенант.

— Поручик, я — Макаров, или, как вы называете меня, бандит. Но я не бандит.

В кооператив собралась, кажется, вся деревня. Я спросил татар:

— Что собой представляет пристав?

К счастью для поручика, татары дали самый хороший отзыв.

— Поручик, вы очень испуганы, — обратился я к приставу: — у вас жалкий вид. Но мы отпускаем вас, и горе вам, если будете причинять населению вред. От нас не уйдете. Возьмите ваш никуда не год-

ный пистолет и идите куда угодно. Но предупреждаю вас, что за одно слово о нашем пребывании в этой деревушке вы понесете должное наказание. Очень благодарны за Каралез. До свидания!

Поручик, окруженный крестьянами, стоял, как статуя, с поникшей головой.

Отряд наш двинулся в первоначальном порядке.

— Поручик, — крикнул я на прощанье, — передайте всем, что власть генералов скоро кончится. Добровольно перешедшим в наши ряды гарантируем жизнь, а мерзавцев расстреливаем и будем расстреливать.

Через два часа ходьбы показалась экономия Шнейдера. Когда мы проходили деревню, симулируя конвоирование двух «сицилистов», какая-то старушка тяжело вздохнула, перекрестилась, на глазах ее появились слезы. «Господа офицеры» на нее накричали:

— Дальше, сторонись!

У помещика были гости. Хорошо одетый человек прикрикнул на расходившихся собак.

— Морская севастопольская контр-разведка, — отрекомендовался я: — прошу, господа, не шевелиться.

Все замерли.

Я приказал всем войти в помещение, строго спросил хозяина: почему он помогает красным и сколько раз был в имении Макаров?

Вытаращив глаза, помещик возбужденно забормotal:

— Что вы, господин лейтенант! Я буду помогать красным бандитам?! У меня племянник борется против красно-зеленых, а бандит Макаров у меня никогда и не был...

Я приказал Камову:

— Поручик, произведите тщательный обыск.

Через несколько минут тягостных вздохов и замешательства помещичьих гостей, Камов протянул мне наше же воззвание к рабочим и крестьянам, выпущенное подпольным комитетом.

— Господин лейтенант, вот посмотрите, — штука интересная.

Как бы не зная, в чем дело, я пробежал воззвание и поднес его к носу помещика.

— А это что?

Он дрожащим испуганным голосом оправдывался:

— Не знаю, каким образом попало ко мне.

— Сколько у вас таких экземпляров в кассе? У меня о вас точные сведения.

Шнейдер совсем растерялся. Вынув ключ от несгораемой кассы, он бормотал:

— Посмотрите, кроме денег, там ничего не должно быть.

Он, дрожа, открыл кассу, и мое сердце вспыхнуло радостью: денег было немало. Я начал пересчитывать пачки.

Вошел Яша Гордиенко в форме поручика, протянул мне пакет:

— Господин лейтенант, пакет от князя Туманова.

Я быстро разорвал конверт и, как бы читая про себя, приказал развести арестованных по комнатам, а Гордеенко громко ответил:

— Поручик, доложите князю Туманову, что я сейчас поеду производить аресты и обыски в деревню Кара-Кубу. А со Шнейдером неважно.

Я вышел. Двери комнат были закрыты, и охрана порой открывала их, пресекая разговоры. Потом партизаны незаметно скрылись.

С деньгами, с двумя повозками, нагруженными всем необходимым, мы вернулись в балку. На ентовых помещичьих шубах мы отдохнули, как никогда.

Две трети забранных денег мы отправили с Камо-вым председателю подпольного комитета в Севастополе. В почтовом отделении Каралеза мы тоже поживились на 200 тысяч. Другого выхода у нас не было. Отряд рос, надо было довольствоваться партизанов. Подпольный комитет тоже остро нуждался в деньгах. Не

могло быть места мещанской морали там, где дело шло о развитии революционного движения.

Вскоре в наш отряд влилась часть артиллерийской школы, состоявшая почти на сто процентов из бывших красноармейцев.

Не всегда наши экспроприации увенчивались успехом. Вместе с Артшколой, мы попробовали было «налететь» на имение Колбасниковых, в десяти верстах от Севастополя. Но хозяева забаррикадировались мебелью, и даже ружейный залп не привел их в повиновение. Из-за близости к Севастополю пришлось «отставить».

Смерть «барона» Мацкерле

Во время нашего недельного отдыха к объездчику Евграфу как-то зашел «барон» Мацкерле. Он хотел видеть меня, но в наш лагерь «барон» опасался итти, отговариваясь тем, что служит у татарина в Алым-Чокраке, возит дрова в город и не может сейчас прийти, но скоро придет.

Мы уже знали через Голубева (Храмцева), что «барон» — провокатор. Я немедленно послал Гордиенко, Яшу Вульфсона, Гаузе, Шарого, Воробьева и Ахлестина за «бароном». Наши терпеливо выжидали проезда Мацкерле, несколько часов замаскированные кустарником. Дождались и любезно предложили прогуляться.

— Где здесь товарищ Макаров? — было первое слово Мацкерле.

Я ответил:

— Макаров ушел в обход по частям, но я его заместитель, Прилуцкий. Чем могу служить?

— Очень приятно. Вы обо мне, вероятно, слышали. Я — известный подпольный работник, «барон» Мацкерле, прибывший из Одессы.

— Скажите, барон, откуда вы знаете Макарова?

— Как же не знать Макарова? Я с ним вместе сидел в крепости.

«Барон» путался, краска и бледность сменялись на его щеках.

В этот момент адъютант спросил меня:

— Товарищ Макаров, ужин готов. Можно отряду ужинать?

— Конечно.

Стоявший у костра «барон» вздрогнул и, как бы стараясь лучше меня разглядеть, проговорил:

— Вы — товарищ Макаров? Как вы изменились!

— Я вас не узнаю.

— Зато я вас знаю: я очень много знаю о вас.

— Не будем, «барон», играть в прятки. Мне ваша деятельность тоже известна. Скажите, зачем вы пришли в казарму? Спрашивая меня, вы пытались узнать численность отряда у объездчика Евграфа?

«Барон», совсем растерявшись, ответил:

— Товарищ Макаров, у меня есть отряд в шестьдесят человек, восемь пулеметов и можно взять два легких орудия.

Последние два слова рассмешили товарищей, а я рассказал анекдот о четырех случаях с Иисусом: «верю и не верю».

Александровскому, Камову, Воробьеву и Гордиенко я сказал:

— У вас есть достаточно материала: возьмите его!

А «барону»:

— Мы вас предаем горному военно-революционному трибуналу. Расскажите, как удалось вам бежать из числа двадцати четырех, захваченных на Корабельной стороне?

По словам Мацкерле, выходило так: затрещали пулеметы, дверь квартиры открылась, появился юнкер, сказавший: «именем закона вы . . .». Крылов выстрелил в него в упор, юноша упал. Воспользовавшись суматохой, «барон» выбросился в окно и убежал вместе с группой юнкеров, которые от страха не заметили чужого.

Мне надоело слушать рассказы Мацкерле. Я передал его на допрос ревтрибуналу, а сам сел у костра

и глубоко задумался. По аналогии, мне припоминался провал комитета, в котором председательствовал брат. Как будто кто развертывал передо мной страницы книги его суровой революционной жизни.

Владимир был старше меня на три года. Он окончил церковно-приходскую школу первым учеником. Страстно хотел учиться дальше, а бедность принудила сделаться учеником в переплетной мастерской у своего дяди Асманова. Еще мальчиком Владимир рвался уехать из Скопина.

И он оставил мать, родных, чтобы уехать в Балашов, Саратовской губернии. Здесь Владимир работал в переплетных при типографиях, а, главное, принимал активное участие в первомайских демонстрациях, организовывал маевки. Жажда новых мест увлекала брата в Севастополь. Здесь он работал переплетчиком в Доме Трудолюбия. Заведывающий оценил яркие способности брата и назначил смотрителем. Конечно, из этого повышения ничего выгодного для заведывающего не получилось. Вместо верного сторожевого пса, заведывающий нашел в новом смотрителе друга и заступника рабочих и вскоре вышиб брата с места.

Новый хозяин Владимира, Гладун, бывший офицер, участник Севастопольской обороны, приходил в ужас от свободолюбия своего работника, в восторг от его работоспособности и инициативы. Смешно было слушать, как горячо спорили на политические темы Гладун с Владимиром.

Брат часто мечтал: «Соберу немного денег и вместе с товарищами открою свою мастерскую. Тогда Гладуны не будут нас эксплуатировать».

В империалистическую войну Владимир тянул военную лямку в 32 зап. пех. полку, в гор. Симферополе. Болезнь освободила Владимира от военной службы. Он осуществил свою мечту: вместе с товарищами открыл небольшую переплетную мастерскую. Много читал, работал в профсоюзе секретарем, распространял неле-

гальную литературу. В начале гражданской войны вступает в ряды РКП (б) и всецело отдается партийной работе.

Я думаю о последних днях брата. На кровавом рвать признание. Но он и его товарищи умерли, молча, за великую идею. А в это время, гнусная, продажная тварь, вроде «барона» Мацкерле, подготавливает провал таких же честных лучших товарищей. Кровь вступала в голову. Так бы ворвался в палатку и собственной рукой застрелил провокатора!

«Барона» допрашивали всю ночь. Он сбивался, на некоторые вопросы совсем не отвечал. Наши трибунальщики приговорили его к смерти, но посоветовали на всякий случай поговорить откровенно со мной.

Провокатора подвели ко мне. Он дрожал всем телом и был бледен, как мертвец:

— «Барон», даю вам десять минут на размышление. Если хотите, чтобы я вас зачислил в полк, то расскажите, каким образом получился провал? Иначе я подпишу приговор и соглашусь с мнением ревтрибунала. Мне все известно от подпольного комитета Голубева.

— Товарищ Макаров, я вам расскажу, только наедине.

— Говорите при всех.

Провокатор, цепляясь за свою подлую жизнь, собирался с мыслями.

— Вы расскажите правду, и я зачислю вас в полк до прихода соввласти: дам вам возможность искупить вину боевыми действиями.

— Я в этом не виноват, — начал он дрожащим голосом. — В 1919 году я приехал из Одессы и познакомился с сестрой милосердия Станиславской. Она сказала, что приехала для работы из Харькова, — я видел у нее документы. Мы вступили с ней в сожительство. Скоро я заметил, что моя подруга чересчур инте-

ресуется тайнами подполья. Однажды я увидёл, как она входила в контр-разведку. Я попробовал с ней объясниться, но Станиславская отрезала, что одно ее слово, и я повисну, что за мной ходят по пятам. И так как все равно никуда не уйти от контр-разведки, то для меня всего благоразумнее работать с ней заодно. Я, товарищи, попал в такую обстановку не по своей вине и стал поневоле сообщать Станиславской сведения.

— Скажите, «барон», вы поставили в известность кого-либо из членов своего комитета о случае с вами?

— Нет, она мне сказала, что в комитете работают еще контр-разведчики, и я боялся.

— Сестра Станиславская состояла членом комитета?

— Нет.

— Вы поставили в известность контр-разведку или сестру Станиславскую о последнем заседании подпольного комитета на Корабельной стороне?

— Я контр-разведке не говорил, а сказал сестре.

— Но вы же знали, что она состоит в контр-разведке?

«Барон» промолчал.

— Вы партийный? К какой партии принадлежите?

— Коммунист.

При этом слове товарищи не стерпели: по адресу «барона» слышались проклятия и ругань.

С трудом удалось успокоить товарищей.

— «Барон» Мацкерле! Вы ездили в Севастополь в контр-разведку?

«Барон» не ответил.

— Где ваш отряд и пулеметы?

Молчание.

— Какой же вы коммунист? Ради своей шкуры, вы погубили лучших идейных борцов, от которых зависело скорейшее взятие Крыма? Вы прибыли для работы, чтобы выяснить численность нашего отряда. Твое преступление нельзя искупить. Ничтожный и продаж-

ный негодяй! Таким места в наших рядах быть не может. Разведка! Отправьте его к Колчаку для связи.

Все закричали:

— На такого подлеца пули-то жалко!

Провокатора повели в балку. Камов скомандовал:

— По провокатору пальба шеренгой! Пли!

Но «барон» крикнул:

— Все сволочи коммунисты! — и пытался бежать.

— Пли!

И провокатор, «барон» Мацкерле, упал мертвым.

Дела рук провокаторских

Долго не могли успокоиться партизаны, с озлоблением и ненавистью повторяя гнусную исповедь «барона». Спустя несколько дней, мы узнали, что подпольный комитет арестован в полном своем составе.

В одной из газет мы прочли маленькую заметку о том, что захвачен комитет большевиков. Во главе военной организации стоял капитан Макаров. Председателем комитета был прибывший из Одессы Голубев (Храмцев), который пытался бежать из кордегардии контр-разведки и выбросился из третьего этажа, но сломал ногу и был захвачен. По другой версии, т. Голубев отказался дать показания; начальник контр-разведки разбил революционеру голову подсвечником и приказал своим чеченцам выбросить его с третьего этажа. Цель комитета — оттянуть силы с фронта.

За такое короткое время провалились три больших подпольных организации! Товарищ В. И. Голубев (П. С. Храмцев) прибыл в Крым от ЦК РКП (б) для подпольной работы среди войск Врангеля и связи с зелеными. Всего ЦК командировал тринадцать человек, но в Крым попало лишь трое. Двоих из них расстреляла евпаторийская контр-разведка. Лишь товарищ Голубев пробрался в Севастополь.

Если бы этот комитет просуществовал до июня месяца, в Крыму произошел бы переворот. Тов. Голу-

бев построил комитет после провала организаций т. Шестакова; уцелевшие члены организации, Замураев, Кривохижин организовали побег тт. Николаенко, Сердюка, П. Иванова и Александровского (Васильева). Комитет отлично знал, что очень трудно работать в горах, среди продажных людишек, поэтому Голубев взял правильный путь, ориентируясь на повстанческое движение в горах и лесах Крыма. Главным сподвижником его в этой работе являлся т. Цыганков, у которого на Зеленой Горке, в собственном доме, была главная явочная квартира с паролем от краснозеленых — «зеленая ветка», ответный пароль организации — «Бонапарт».

Непосредственную связь с красно-зелеными вел т. Гудар; он же работал по похищению оружия из артиллерийских складов, держа с ними тесную связь, так как сам числился на службе в Артшколе.

Мы только-что должны были получить несколько пулеметов и достаточное количество патронов, комитет предполагал пополнить наш отряд. Мой отряд должен был прибыть из Севастополя к моменту выступления, в первых числах июня, и захватить штаб Врангеля. На судах, кроме крейсера «Кагула», все было подготовлено к перевороту. В ведении комитета находились коммунисты и надежные товарищи: Фирсов, Разин, Николаенко, Анокон, Александров, Литвинов, Нестеренко, Телипалов, Пронин, Дерябин, Третьяков, Наумов, Киселев, Иван, Олейников, Пасхали, Дерябин, Кашенкова, Иван Волобуев, Аничкин, Старосельская и др. И вдруг, в последний момент, арестовали т. Борисова. Характерно отметить, что расстрелянный нами провокатор, «барон» Мацкерле, бывал у Губаренки. Жена товарища подверглась допросу контр-разведки и прямо поразила подробностями одного разговора, про который знал только «барон» Мацкерле. Провокатор захаживал и к Борису. Тов. Цыганкова контр-разведка захватила дома. Спасая записку от военкома отряда краснозеленых, Камова (Орлова), которая лежала в кармане,

Цыганков ударил офицера в грудь. Офицер выстрелил в него в упор. Тов. Цыганков побежал, но получил еще несколько ранений. Обливаясь кровью, товарищ упал. Офицеры контр-разведки стали бить его прикладами и ногами. Цыганков потерял сознание. После долгого издевательства, охранники оставили свою жертву со словами:

— Собаке — собачья смерть!

Но т. Цыганков, несмотря на тяжелые ранения и побои, остался жив. Очнувшись, он увидел, что лежит в канаве, в луже крови. Каким-то чудом выполз из канавы, в первом попавшемся домике попросил воды. Его жгла жажда. Затем он снова выполз на дорогу и вторично потерял сознание. Его привел в себя стук телеги. Молочница, ехавшая в город, соскочила к Цыганкову и, боязливо озираясь, подошла.

— Пойдите к моей жене Цыганковой на Морозовой земле и скажите ей, чтобы пришла, — прошептал товарищ. Молочница села на линейку, а т. Цыганков в третий раз потерял сознание. Он очнулся в городской больнице, куда попал через четвертый участок стражи.

22 мая, в двенадцать часов дня, в больницу ворвалась группа вооруженных офицеров и солдат. Несмотря на протесты врачей, т. Цыганкова на носилках отнесли в тюрьму и заключили в одиночку. А 25 июня военно-полевой суд, при управлении коменданта главной квартиры, слушал в закрытом заседании дело группы коммунистов: Е. Айзенштейна, Н. Никитина, П. Мезина, А. Румянцева, Д. Юртаева, В. Амфалова, В. Цыганкова, Х. Левченко, А. Масловского, Н. Шелекетова, Ф. Гудара (он же Руберовский), М. Никитина, М. Улитина-Вилонова, С. Улитиной-Вилоновой, Е. Горового и А. Лешкевич. Коммунисты: Айзенштейн, Мезин, Н. Никитин, Румянцев, Юртаев, Амфалов, Цыганков, Левченко и Улитин-Вилонов приговорены к смертной казни через расстреляние; Гудар к пятнадцати годам каторжных работ, М. Никитин к двум месяцам тюрьмы, Лешкевич к году и шести месяцам исправи-

тельного дома; Масловский, Шелекетов, Горовой и Улитина-Вилонова оправданы. При конфирмации приговора, смертная казнь Н. Никитину, Анфалову, Улитину-Вилонову была заменена бессрочными каторжными работами. Вслед за приговором, пошли бесконечные аресты. Одно из новых дел называлось «Дело сорока трех зеленых». В связи с моим отрядом, в тюрьме сидело сорок три товарища: Замураев, Кривохижин, Пересыпкин, Сафонов, Ксения, Евграф, Руссенко (семья), Борисов, Воробьева Антонина, четырнадцатилетний Сергей Цыганков и другие.

Комитет Шестакова и комитет Голубева провалил «барон» Мацкерле. Комитет моего брата—Василий Микалов, а Симферопольскую организацию предал Аким Ахтырский. Имена этих мерзавцев навсегда останутся среди рабочих синонимом самой лютой подлости!

Наши удачи и испытания

Как-то мы решили продемонстрировать свои силы, вернее, — втереть очки белякам. Сшили два красных английских платка и желтой краской написали на них: «Штаб 2-го Повстанческого полка». На одной из возвышенностей вблизи деревни Ай-Тодор раскинулись самодельные шатры. В жаркой синеве повис флаг, и «Интернационал» привлек много татар с Адым-Чокрака и Ай-Тодора. Камов и я начали с ними беседу.

Подошел Яша Гордиенко, отрапортовал:

— Связь от первого батальона.

Я достал записную книжку, написал... и передал Яше.

— Есть, — отрывисто, по-флотски, проговорил он и скрылся в ближайшую балку.

Через некоторое время явился другой.

— Товарищ командир, связь от 2-го батальона.

Татары совсем растерялись: всего лишь в восемнадцати верстах от резиденции Врангеля открыто стоит повстанческий штаб.

Подошел третий «актер».

— Товарищ командир, куда прикажете разместить пулеметную команду?

Я развернул карту и громко сказал:

— Сегодня ваша стоянка должна быть здесь!

Я ткнул куда-то в карту.

— Здесь у вас будет небольшой переход. На рассвете перейдете в этот пункт, где будете ожидать дальнейших директив. Можете уйти!

— Слушаюсь, — сказал третий и скрылся поспешно за горкой.

Мы отлично знали, что среди собравшегося около нас населения затаились контр-разведчики. Уж, конечно, они постараются сообщить Врангелю о нашей открытой стоянке. Барон в это время развивал операцию на Александровск, и мы хотели отвлечь его внимание на нас. Наше предположение оправдалось. Через четыре часа на нас двигался отряд по маршруту Чоргун—Ай-Тодор—Шулюгде. Это сообщили татары. Называли, как всегда, преувеличенные цифры.

— Улан много! Пятьсот!

— Нет, триста!

Я скомандовал:

— В ружье!

В нашем отряде в то время были вооружены только двадцать четыре партизана.

Мы засели за камнями небольшой горки в самый раз: запыхала дорога со стороны деревни Шулю, и я увидел в бинокль небольшой отряд из юнкеров и стражников. Они тряслись на подводах, держа винтовки на изготовку.

Едва беляки поравнялись с нашим левым флангом, я встал и крикнул:

— Сдавайтесь! Бросай винтовки! Вам ничего не будет!

Но они быстро, как лягушки, соскакивали с подвод, щелкая затворами. Я скомандовал:

— Р-о-т-а-а-а, пли!

Раздался дружный залп.

— Рота-а, пли! — проснулась частая перестрелка.

— Ура! Ура! Ура! — закричали партизаны, преследуя утекавших вояк.

Командир отряда, капитан, и два юнкера были убиты, четверо взяты в плен. Нам досталось много кож, муки, винтовок и патронов, а в кармане убитого начальника оказалось двести пятьдесят тысяч рублей денег. Я повернул двух пленных в сторону Севастополя и сказал:

— Идите к Врангелю и доложите ему, что в восемь часов будет занят Севастополь.

Забрав трофеи, мы двинулись в гущу леса, к казарме объездчика Евграфа. Едва мы расположились на отдых, как один из пленных бежал, другой же рассказал, что он бедный крестьянин, у него есть невеста, родители и только нужда толкнула его под знамя Врангеля. Он умолял не расстреливать его. После долгого совещания мы решили его испытать. Мы даже предложили ему пойти в деревню и отнести денег родителям и невесте, но парень отказался.

От него мы узнали, что разбили головную часть отряда в сорок семь штыков при двух пулеметах. Паника заставила беляков засверкать пятками в Севастополь вместо того, чтобы распотрошить нас из пулеметов.

Миновав с отрядом Ай-Тодорский район, мы спустились к Херсонесскому кордону монастыря. Монахи недоумевали, откуда взялась такая сила, а мы просто ввели в заблуждение святых отцов. Одни и те же партизаны прошли по густой аллее несколько раз таким образом, что, казалось, будто нас не меньше четырехсот душ.

Затем я вспомнил о приглашении золотопогонных рыболовов в экономию Томиловых и решил соблюсти вежливость. Наши окружили со всех сторон постройку. А небольшая группа направилась по прямой хорошей аллее к главному дому. Навстречу нам шел лейте-

нант с женой. Поравнявшись с нами, он дружески спросил:

— Много поймали?

Он узнал меня и был не прочь побалакать. Но я спросил его документы и выяснил, что его фамилия Бурлей. Я потребовал его оружие, Бурлей возмущился. Потом я предложил парочке следовать за нами. По пути попалась встревоженная хозяйка. На мой вопрос, можно ли приготовить солдатам обед, буржуйка проскрипела:

— Для господ офицеров можно, но для ваших солдат у меня нет продуктов.

На террасе уже стояло под арестом несколько «отдыхающих» офицеров-рыболовов и три молокососа из кадетского корпуса. Я сел за стол; лейтенант смерил меня вызывающим взглядом и надменно протяжно проговорил:

— Лейтенант, я тоже лейтенант, сын адмирала Бурлея. Что это за обращение, ваша фамилия?

Я помедлил и тоже протяжно начал:

— Если вас интересует моя фамилия, я охотно сообщу... (пауза, со всех сторон напряженное внимание).

— Адъютант командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского — капитан Макаров, ныне командир 2-го Повстанческого советского полка. Как вам это нравится, лейтенант?

Я повернул голову к «рыболовам» и напомнил:

— А для вас я являюсь Арзамасцевым!

Бурлей уподобился по белизне полотну. Куда девалась его гордость, осанка. Чуть не падая, дрожащим голосом, он проговорил:

— Господин Макаров, разрешите сесть.

— Я господ... (нецензурно).

— Товарищ, — попробовал было он заговорить, но я его перебил:

— Какой ты мне товарищ?! Садись!

Лейтенант, видимо, терял рассудок. Его надменная жена упала к моим ногам. Я заставил ее встать, а хо-

зайку вторично спросил, найдется что-нибудь для моих солдат?

Через несколько минут стол был прекрасно сервирован, вплоть до хорошего вина.

— Братва, кроме караула, садись шамать, — позвал я своих.

Из благородных офицеров мы превратились в настоящих партизанов. Приборами никто не пользовался, ели руками, и перед едой каждый имел право выпить маленький стаканчик вина.

Когда смененный караул кончил последнюю трапезу, я обратился к лейтенанту и всем захваченным:

— Прежде всего, снимите погоны и форму: они нам крайне необходимы для работы. Вы проситесь к нам в отряд, но какое у нас будет к вам доверие? Ведь вы не захвачены неожиданно. Вы хорошо знаете, что мы пишем воззвания и предлагаем покидать ряды белых, назначаем вам время перехода, но вы не переходите. Вы все ждете: авось выйдем на широкую Московскую дорогу. Ваше счастье, что мы вас не расстреляем. Вы попали в полосу вне террора. Однако, помните, что добровольно перешедшим в наши ряды гарантируем жизнь, а мерзавцев беспощадно расстреливаем и будем расстреливать. Передайте князю Туманову и барону, что мы постараемся с ними увидеться в лучших условиях. Жить вам в имениях с сего числа запрещаем. До скорого свидания.

Камов дал распоряжение снять караул, а Гаузе подошел ко мне:

— Товарищ командир, разрешите вести части.

— Хорошо!

— На ремень! Налево в лес, шагом марш, — командовал Гаузе.

На глазах многих остающихся офицеров блеснули слезы. Мы нанесли чувствительный удар их офицерскому самолюбию.

Войдя в лес, мы долго смеялись над приключением. Некоторые партизаны предполагали, что эти офицеры,

пережившие сегодня многократные колебания от жизни к смерти, являясь хорошими агитаторами по разложению армии Врангеля.

Ночью пройдя шоссе вблизи деревни Арнаутки, мы поднялись на вершину горы, чтобы перейти в район Байдарских ворот. Южнее раскинулось широкое бурное Черное море с обрывистыми каменистыми берегами. Лес был не густой, местами вырубленный. Отряд расположился на отдых, а разведка пошла на Арнаутку за продуктами.

Через час вернулся, запыхавшись, один из посланных, принес потрясающие вести: наши разведчики, кажется, захвачены; в ближайших деревнях множество войска. По всему шоссе идут крупные отряды. Стало ясно, что белые задумали проделать серьезную операцию. Вероятно, наш ночной переход был замечен белыми. Нас выдал собачий лай; несмотря на все предосторожности отряда, собаки почуяли приближение чужих и разбудили всю деревню.

Боясь захвата врасплох, мы решили, с риском для жизни, немедленно перебраться в район деревни Алсы. Оставив лошадей на месте, с винтовками на изготовку, мы гуськовым порядком, цепью двинулись по лесным тропинкам к шоссе.

Впереди отряда шли самые боевые партизаны: Вульфсон, Яша Гордиенко, Черенков, Митя Комарский, Шарый, Гаузе, Баратков. В случае столкновения с белыми, на них возлагалось произвести наибольшую панику среди белых и тем дать возможность отряду перейти через шоссе. Военком Камов (Орлов), Васильев (Александровский) и я находились в разных местах отряда, подбадривая партизан. У шоссе слышен был сильный топот лошадей, громкие разговоры. Это двигалась кавалерия белых. Мы остановили движение отряда и притаились.

Через полчаса наступил удобный момент проскочить шоссе,

Нам это вполне удалось, и мы вступили в пределы Алсунского леса. Мы давали клички всем лесам. Два дня отряд ничего не ел, питаясь исключительно водой и листьями. Выслали было разведку в Алсу, с целью получить от крестьян хлеб, но наши вернулись без хлеба, а два партизана влипли в плен, едва только переступили порог ближайшей избы. Наступил третий день голодовки! Камов вызвался с десятью партизанами отправиться в поиски продуктов. Пришлось согласиться; изголодавшиеся, переутомленные трехдневным переходом люди, близость белых, — все это доводило слабых чуть не до самоубийства. Но едва Камов прошел около ста шагов, послышалась сильная ружейная и пулеметная стрельба и вскрики раненых. Пули сыпались градом, потом — минутное затишье...

— Дроздовцы, вперед!

Сильный шорох пронесся по всему лесу. Поняв, что нельзя задержать цепи белых, я крикнул:

— Второй батальон, принимай вправо по балке!

А сам с партизанами бегом бросился на обрыв по Черной речке. Лучше смерть в пропасти, чем попасть в лапы палачей. Все было как во сне. Помню скалы, жадную пропасть, в которую скользили по одиночке партизаны. Они перекатывались с одного места на другое, хватаясь руками за острые камни. Когда мы очутились на мелкой речке, от хорошего английского обмундирования остались одни тряпки, из рук и колен сочилась кровь. Мы с жадностью пили воду и обмывались. Я оглядел в свой цейсовский бинокль возвышенности: везде стояли войска. Медлить было некогда. Мы быстро поднялись по обрыву вверх, на противоположную сторону. Поддерживала надежда, что, если нас не успеют заметить во время подъема, то мы сможем перебраться в другой район.

Ну и подъем! Вместо мостов приходилось перекидывать винтовки с одной скалы на другую. Я поднимался в хвосте колонны; так мне было удобнее следить за движением партизанов,

Помню, Яша Гордиенко крикнул:

— Товарищ Макаров, пригните голову к скале!

Я взглянул вверх; в этот момент со свистом пролетел камень и сбил с меня фуражку.

Затрудняла переход моя невеста, Мария Удянская. Храбрая, выносливая на ровной земле, она терялась в горах. Ноги ее подкашивались. Никакая сила не могла заставить ее перепрыгнуть со скалы на скалу. Я пригрозил ей наганом, но и это не помогло. Выручил Яша Гордиенко. Он как-то подхватил Марию за талию и перетянул через пропасть.

Поднявшись наверх, я с несколькими партизанами отправился на кордон Инкерманского монастыря за продуктами. Нас встретило безлюдье. Только в сарае копошился старый монашек. Он замахал на нас сухими руками, как будто разгонял цыплят, и приговаривал:

— Скорей, скорей уходите! Только-что была кавалерия. Забрали всех. Повезли с собой.

Хлеба не оказалось. Пришлось удовольствоваться мукой.

Только-что мы разожгли на стоянке маленький костерик, чтобы испечь пышки, как сигнальный рожок заиграл тревогу. Гаузе и Шарый, посланные в разведку, доложили, что прибыла кавалерия, в форме дроздовцев. Мы моментально снялись и побежали через небольшую полянку. Надолго запомнится мне это уютное местечко, граничащее с Ай-Тодорским лесом, которое чуть не сделалось нашей могилой. На наше счастье, дроздовцы даже не предполагали нашего присутствия в этом районе, и мы благополучно достигли желанного леса. Здесь отряд почувствовал себя в безопасности, так как из этого района можно было переброситься куда угодно. Мы убили первого попавшегося бычка, не считаясь с тем, что он принадлежал, быть-может, беднейшему крестьянину. Поджарив мясо на палках, жадно ели его полусырым,

Начало 3-го Повстанческого полка

Отсидевшись несколько дней в пещерах Сюртажа, мы разбили отряд на группы и двинулись в Мангуши. Здесь оперировал отряд Николая Б. (Сергея Бабахана). А мы, с Васильевым и Воробьевым, построили небольшой шалаш на возвышенности под деревней Лаки и стали зондировать почву среди крестьян насчет восстания. Вскоре прибыли товарищи — Ваня Африканец, Матвей Егерев и другие. От крестьян было известно, что в операции под д. Алсу против нашего отряда, помимо всех гарнизонов города, участвовали части 2-ой Дроздовской дивизии, снятые Врангелем с фронта. Врангель приказал во что бы то ни стало доставить меня живым или мертвым, назначив крупную награду за мою голову. Вот почему я не доверился прибывшим и просил прислать ко мне товарищей, которых я знал в бытность мою в Мангушах. Разговор происходил с оружием в руках. Через несколько дней эти товарищи вернулись с теми, которых я знал. Николай Б. прислал записку:

«Товарищ Макаров, узнав о вашей стоянке под деревней Лаки, командую к вам товарищей и прошу прибыть ко мне для совместных оперативных действий.

«С коммунистическим приветом

«Николай Б.».

Во время переговоров, в комнату вбежало несколько мальчишек с криком:

— Товарищ Макаров, в деревню вступают пехота и кавалерия!

Держа наган наготове, я иронически поблагодарил товарища Васильева, прибывшего от Николая Б.

— Благодарю вас за такую связь. При малейшей попытке я буду в вас стрелять!

Мы с Александровским взобрались на гору. По деревне уже неслись громкий разговор, ржание и топот ко-

ней и... свист «тю, тю», установленный мною в Севастопольском районе для отличия своих от белых. Связь, прибывшая от Бабахана, радостно бросилась в деревню. Я же долго прислушивался.

«Тю-тю» переливалось в синем воздухе.

Я ответил троекратным «тю, тю, тю». И вслед за этим голос Яши Гордиенко окликнул:

— Товарищ Макаров, свои!

От Бабахана пришло семь конников и пятнадцать пехотинцев. В деревне Керменчик они расстреляли двух белогвардейцев и заехали в Лаки за мной. Мы сели на подводы и через деревню Биясалы прибыли в расположение отряда Бабахана. Здесь нас встретил самый дружеский прием.

— Очень рад, товарищ Макаров, вас видеть, — сказал Бабахан: — я думал, судя по войскам, которые на вас бросал Врангель, что вы берете полками в плен, а у вас такой малочисленный отряд. Расскажите, как вам удалось вызвать на себя такие войска?

Я рассказывал о похождениях отряда и знакомился с бабаханцами.

В дни моего бегства из крепости, в районе Тавеля работали среди крестьян Черномазов Миша (Котляров), Матвеев, В. В. и Зайцев. Они держали связь с Симферопольской организацией; в первых числах марта Симферополь командировал к ним Кудрявцева, В. и Душанина, Н. с предложением организовать отряд красно-зеленых. Подпольщикам удалось разгагитировать пятнадцать стражников деревни Тавеля. Вскоре отряд пополнился товарищами, присланными Симферопольской организацией, Лебедевым Васькой, «Махно», Бардаковым, Подушкой, Ратикьянц, Поз, Пантюшкой, Лукой Гоем, Шоминым Ильей и Звездочкин Николай, бежавшим из Севастопольской тюрьмы. Еще несколько дней, и к отряду подошло трое новеньких: Румын, Ивахнин и Серый (два последние оказались провокаторами). На всех этих людей была одна винтовка и револьвер (стражников оставили работать

в деревне). Пришлось организовать ряд налетов на солдат и офицеров. В отряде не было командира. Все вопросы решали сообща, держали связь с подпольной организацией, которая послала к ним товарища Гришу Фирсова. Снабжали отряд продуктами крестьяне, через Котлярова и Матвеева.

К красно-зеленым присоединилось тридцать два казака (из них четыре офицера), во главе с полковником Павлом Пономаревым. Пономарев давно вел агитацию против борьбы с красными и уговорил свою пулеметную команду уйти в лес. К сожалению, казаки не могли захватить с собой пулеметы. Они ограничились лишь тем, что сняли замки. Все-таки отряд обогатился семнадцатью винтовками и пятнадцатью револьверами.

Развертыванию боевой работы мешало отсутствие средств.

Налет на экономию Руссетева снабдил партизан продуктами, табаком и посудой.

Штаб красно-зеленых прикомандировал к казакам опытного товарища, Николая Звездочкина, для связи и революционной работы.

Командиром отряда, составленного из бывших красноармейцев, избрали Сергея Захарченко, а помощником его Гришу Фирсова.

Новый отряд налетел на деревню Саблы, где находилось свыше двухсот казаков с пулеметами. Бой длился около двух часов. Со стороны красно-зеленых тяжело ранили одного. Не желая отдаться в плен, партизан перерезал себе горло перочинным ножом. Подскочившие добровольцы пытались спасти героя, залив рану спиртом, но умирающий нашел в себе силы прохрипеть:

— Вы от меня ничего не добьетесь, поздно!

Его не стало.

У белых убит один казак, ранено несколько солдат и крестьянка.

После этого боя, отряд, отдохнув несколько дней в лагерях, нагрянул в экономию Давыдова, недалеко

от Альмы, где удалось обезоружить тридцать солдат. Трофеи: обмундирование, винтовки, пять тысяч патронов и продовольствие. На обратном пути, в деревне Бодрак, захвачен офицер из контр-разведки и отправлен «для связи к Колчаку».

По возвращении отряда в лес возникли разногласия: одна часть, наиболее сознательная, желала продолжать революционную работу, другая, с бандитским уклоном, предлагала заниматься грабежами и налетами с корыстной целью. Первая группа, с Фирсовым, Подушкиным, Душаниным, Африканцем, Кудрявцевым, Бардаковым, Киселевым, Пантюшкой и Бродским во главе, направилась в Тавельский район. Здесь товарищи встретились с тов. Бабаханом. Тт. Бабахан, Фальк, Курган, Васильев (Васьковский) прибыли в лес после Коктебельского съезда, проваленного Акимом Ахтырским. В городах временно было невозможно вести продуктивную подпольную работу. И т. Бабахан, секретарь ОК и предревкома, принялся за организацию повстанческих отрядов; им было выпущено много воззваний к войскам и населению и объявлены леса Крыма на военном положении.

Отряду полковника Пономарева не посчастливилось.

Без продуктов, без средств, не получая директив от ревкома, казаки голодали девять дней! Поднялся ропот. Часть отряда, с полковником Пономаревым, ушла к Ялте, чтобы сдать белым.

— Повидимому, нам не доверяют, — жаловался полковник: — а мы, изнуренные голодом, не можем проявить себя.

Остальные казаки со Звездочкиным отправились в Тавельский район, где и соединились с нашими. Из Бошуйского лесничества экспроприировали машинку, напечатали прокламацию для города и издали приказ об объявлении леса на военном положении. Очередная мобилизация у Врангеля собирала под повстанческий флаг десятки людей отовсюду. Попробовал было один матерой полковник «накрыть» зеле-

ных. Храбрец явился в лес с двадцатью беляками. И улепетывал же он от повстанцев!

Незадолго до встречи с нами, отряд побывал в жестокой схватке с белыми в деревне Тавель и, после ряда налетов в поисках обмундирования, оружия и продовольствия, встал на отдых. Отряд страдал обычными партизанскими недугами: выборным началом, самовольными налетами, отсутствием дисциплины, отчетности и азартными играми.

По моему предложению, ревком устроил организационное совещание. В одной из балок собрались все члены РКП: Бабахан, Тоня Федорова, Киселев, Катя Григорович, Фальк, Шевченко, Александровский, Африканец и Фирсов. Я внес предложение ввести воинскую дисциплину и, главное, отменить выборное начало. Мы разработали приказ о переименовании отряда в 3-ий Повстанческий полк и о строгих взысканиях за различные проступки и преступления, впредь до смертной казни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я прочел приказ всему отряду и разъяснил им наши цели. Несогласным принять наш устав мы дали право отделиться. За исключением Сергея Захарченко, все решили остаться.

Два брата Захарченко (они же Забияченко) жили в крымских горах еще со времен Николая II. Иван служил на совесть советской власти, у Сергея же всегда проявлялся бандитский уклон. Свою неразборчивость в средствах обогащения Сергей оправдывал вредом, наносимым врангельщине. Захлебываясь, красочно он рассказывал нам разбойничьи истории своей жизни.

Однажды Сергей остановил автомобиль со спекулянтами. В ушах их дамы висели большие серьги с дорогими камнями. Сергей галантно предложил даме снять их; хитрая буржуйка застонала, хватаясь за серьги.

— Я бы с удовольствием... Но, понимаете... Они приросли к телу! Их никак нельзя снять!

Один из товарищей Захарченко догадался:

— Товарищ командир, разрешите срезать серьги.

Блеск тесака перепугал женщину.

— Пожалуйста, пожалуйста, не нужно резать!

В одну секунду серьги перекочевали из нежных ушек в лапищу бандита. В следующий момент спекулянтов раздели до ниточки и бросили на дороге.

Так вот этот партизан-бандит, с 23 людьми, ушел в район Черной горы, под Козьмо-Демьянский монастырь. Все-таки ревком не хотел терять связь с такими боевыми головушками и откомандировал в их состав закаленного партийца — Африканца.

Я принял 3-ий Повстанческий советский полк, назначил командиров рот, разведку, подрывную команду, штаб (военкомом у меня остался Васильев, очень энергичный работник). С этого дня Бабахан именовался главнокомандующим... несуществующих частей.

В полку была пекарня, печь в скале; в ней выпекалось до тридцати хлебов. Корыта для теста партизаны выдолбили из больших деревьев. Кухня была оборудована целым рядом больших и малых котлов. Нехватало муки; а отряд в то время состоял из 145 человек, не считая ревком и штаб. Пришлось прибегнуть к испытанному средству — реквизиции. Под носом у белых мы перехватили восемь подвод муки, заготовленной для врангелевцев.

Я только что вернулся с операции. Ко мне подошли партизаны.

Эпизод с Марией

— Товарищ Макаров, — доложил партизан, — нашей разведкой захвачена молодая женщина, назвавшаяся вашей женой.

Я приказал привести самозванку, так как хорошо знал, что моя жена находится в полной безопасности в деревне Каракубе, на хуторе Пересыпкина. Как я поразился и ужаснулся, увидев Марию! Ее побледневшее лицо хранило отпечаток тяжелых переживаний; ввалившиеся глаза говорили о многих бессонных ночах, платье порвалось.

Оказывается, контр-разведка узнала местопребывание Марии. Как бы предчувствуя опасность, она легла спать не дома, а в кустах. На рассвете проснулась от конского ржания, топота и сильного крика.

— Врешь, мерзавец! Она здесь, мы тебя повесим!

— Ой, ой! За что?! Я ничего не знаю... — стоял Пересыпкин.

Мария в ужасе забралась в гущину кустарников и притаила дыхание. Совсем близко слышалось конское пофыркивание и переговоры:

— Ищи ее здесь!

— Дурная она, что ли?! Будет сидеть в кустах! Предупредили! Убежала!

Всадники скрылись.

Опять Мария слышала крики Пересыпкина и его сына: белые поролы их шомполами. С большой осторожностью она стала пробираться через кустарники к густому лесу, который разделяла небольшая поляна и крутая горка. Горка была видна с хутора, но другого исхода не было. Пробежав около ста шагов по поляне, Мария услышала приказание остановиться, затем — свист пуль. Инстинкт самосохранения помог молодой женщине бежать быстрее лани. Она очнулась в глубокой балке густого леса. Не чуяла земли под собой от радости, что не попала в руки палачей. После долгого блуждания по лесу, Мария вышла на дорогу. Старик татарин указал ей тропинку в Мангуши.

О неудачном наскоке белых и о татарах

Начальник разведки, Лука Гай, сообщил, что почти все ближние деревушки заняты белыми. Силы их исчислялись тысячами. Поэтому т. Бабахан перешел со штабом в район Чатыр-Дага, а я передвинулся в район Тавеля. Мы пробирались терновниками, так как все дороги находились в руках белых. Как оказалось, против нас было сосредоточено около четырех тысяч кавалерии и около пяти тысяч пехоты. На одной из дорог мы слышали стук многочисленных подвод и разговор офицеров. Только-что показалась наша головная часть, — офицеры заорали:

— Стой, стой!

Под свист пуль мы пересекли дорогу и вышли в другой район. Не заметив нашего исчезновения, беляки завязали перестрелку между собой. Переранили и даже убили кое-кого из своих. Мстя нам, золотопогонники налетели на покинутый нами лагерь, взорвали бомбами печь и сожгли корыта для теста.

В общем, вся операция белых сошла на-нет в виду их незнакомства с местностью и условиями войны в горах.

В районе Демерджинской Яйлы сформировался первый конный эскадрон, под командой Галько и военкома Киселева. Тов. Бабахан дал им задание войти в переговоры с находившимися в деревне Кучук-Узень представителями национального комитета. Комитет состоял из татар-интеллигентов и, в бытность Курултая, принимал участие в правительстве, а при Врангеле находился в полулегальном состоянии.

Товарищ Киселев, Алеша Буланов, Васильев и Ибрагимов (Дерен Ай-Ярлы) переоделись в татарское платье и навестили братьев Муслюмовых. Представители комитета не прибыли к назначенному сроку из Симферополя, но переговоры все-таки начались. Наши поставили прямо основной вопрос о возможности использовать татарское население для восстания. Аким Муслюмов заявил, что татарское население к активной борьбе еще не подготовлено; национальный комитет основной целью ставит работу по поднятию культурного уровня татарских масс.

— Занимайте Симферополь, Севастополь и другие города, а Ялту сможем занять и мы.

— Хорош ваш план, — иронически воскликнул Буланов, — Ялту пограбить и мы можем. Нам нужна сила для удара в тыл Врангелю, от которого зависит падение Перекопа. А вы предлагаете такую чушь!

Муслюмову стало, видимо, неловко.

— Мы можем вам оказать материальную поддержку: снабжение конного отряда седлами и продуктами.

Убедившись в бесплодности дальнейших переговоров, товарищи ушли.

Необходимо подчеркнуть, что татарское население в своем большинстве враждебно относилось к Врангелю и помогало красно-зеленым продуктами, сведениями о передвижении белых и пр. Несмотря на все

подходы Врангеля и угрозы мусульманскому населению, с целью заставить их бороться против большевиков, — татары укрывались от мобилизации в лесных дебрях. Однако, в ряды повстанческой армии они также не шли, за исключением двух небольших групп. Во главе Туакского татарского взвода при 3-ем Симферопольском полку стоял энергичный храбрый товарищ, Ильюша Чалиев, и много помогал в организационном отношении. Был и еще такой же храбрец-партизан, Абдуррахман Серлиев. Товарищ Ибрагимов (Дерен Ай Ярлы) тоже впоследствии сформировал отличный татарский отряд.

Среди татар было еще много активных работников, в том числе тт. Балич и Чапчакчи; последние работали самостоятельно: не были связаны со штабом.

Белая и партизанская пресса

На южном склоне, у подножья горы Чатыр-Даг, в одной из глубоких балок, близ родника, расположился наш полк. Наскоро были выстроены шалаши из веток. Кухня, штаб, разведка, подрывная команда и другие части полка разместились в установленном порядке, на строго определенных местах. Через час мы приняли вид обыкновенного воинского лагеря. Стучали пишущие машинки, печатаая воззвания, варился обед, пекаря месили на брезентовых палатках тесто для лепешек. Вокруг костров сидели партизаны, рассказывая анекдоты, делясь своими переживаниями; некоторые пели революционные песни, другие стирали белье у родника.

Несмотря на пережитые невзгоды, а, может-быть, именно потому, в лагере было весело. Только пекаря горевали по хорошей печи, взорванной белыми, да по корытам для теста. Пекарей утешали Яша Гордиенко и Вульфсон.

— Подождите, мы вам устроим баню, отучим ходить к нам в лес! — грозили товарищи невидимому врагу.

И вдруг из чащи леса вышла наша разведка, ведя пожилого человека в форме военного чиновника.

— Ты кто такой и каким образом попал в лес? — спросил я чиновника.

Бледная и трясаясь от страха, пленник рассказал всю свою биографию вплоть до последней службы. Представители ревтрибунала, Николай Звездочкин, Леонид Киселев и Лука Гай, долго его допрашивали и решили отпустить, предварительно продемонстрировав перед ним наши силы. Чиновника снова привели ко мне, я долго разъяснял ему гнусность авантюры барона Врангеля. Во время разговора то и дело являлись партизаны.

— Связь от 4 отряда!

— Связь от 1 отряда!

Чиновник кушал жареную баранину и поражался нашей многочисленностью. Затем произвели проверку, прочитали приказы, оперсводки, пропели «Интернационал», сменили заставы и отдельные полевые караулы.

После этой церемонии я приказал разведке вывести чиновника за шоссе и отпустить на все четыре стороны.

Через восемь дней к нам попала врангелевская газета, и мы от души хохотали над небольшой статейкой под заглавием: «В плену у красно-зеленых».

«... Шел я по шоссе. Вдруг из-за кустов выскочило шесть человек и, держа винтовки на изготовку, крикнули:

«— Руки вверх!

«Меня обыскали, завязали глаза и долго вели по горам и балкам. Наконец, мне грубо сдернули повязку у пещеры, где стояла бочка с вином; вооруженные, оборванные, обросшие волосами люди черпали по очереди кружкой и жадно пили. В углу на енотовой шубе лежал, повидимому, их атаман, в форме ротмистра. При моем появлении, он повернул голову,

окинул меня презрительным взглядом и проговорил сквозь зубы:

«— Кто ты такой? Твоя фамилия?

«Я назвал свою фамилию, а он добавил, смотря в записную книжку:

«— Твоя песенка спета! Уведите его.

«Ко мне подошли два человека; один из них дал мне кусок баранины и хлеба и предложил чарку вина, но от вина я отказался. Через несколько минут мне завязали глаза и повели опять по каким-то обрывам и балкам. Я часто спотыкался и каждый раз получал удар прикладом. На этот раз я очутился в маленькой пещере, обитой черным. Посредине стоял стол, покрытый черной материей. На столе лежали череп и крестообразно две кости. Пять людей в масках около двух часов расспрашивали меня о моем происхождении. Наконец, один из них, повидимому, главарь, сказал:

«— Уведите его!

«Опять завязали глаза и долго водили. Потом приказали:

«— Здесь стой смирно! Как только услышишь выстрел, можешь сорвать повязку и итти на все четыре стороны.

«Спустя несколько минут, я услышал выстрел, снял повязку, увидел себя на шоссе и пришел в Симферополь.

«Очевидец».

Партизаны прямо за животы хватались от такой романтики.

— Они нас описали не иначе, как разбойниками! Со стороны жутко!

Да вдобавок товарищ Николай принес из Симферополя новые постолы, сахарин, много новостей и показал воззвание Врангеля к нам:

«Братья красно-зеленые! Протяните нам руки, и мы пожмем их. Все преступления, совершенные вами, прощаются. Своей преданностью перед родиной вы иску-

дите их на фронте, где льется кровь лучших сынов отечества».

В Симферополе появился атаман Володин, якобы от Махно; Врангель поручил ему формировать отряд. Эти махновцы держат себя независимо. Для нас, партизанов, такая организация, — вероятно, новая ловушка.

Чтобы «пощупать» новоявленного атамана, мы командировали в Симферополь Алешу Буланова и Яшу Квасова. Одновременно было отстукано на машинке и разбросано по ближайшим деревням и Симферполю несколько сот воззваний.

«Сумасшедший стратег Врангель! Воображаю ваше самочувствие, когда вам доносят об отрядах красно-зеленых, которые заставляют вас смотреть на недоступные для вас горы Крыма. Вы пишете: „красно-зеленые, протяните нам руки и мы их пожмем“. Но как мы можем пожать ваши подлые грязные руки, обогранные кровью рабочих и крестьян?!

«Жаль, что вашу гнусную авантюру не понимают солдаты и рядовое офицерство, втянутые в нее обманом. Конечно, мы твердо уверены, что скоро они сами убедятся в этом. Мы их заблаговременно предупреждали покинуть ряды белых и прийти к зеленым; мы-то их действительно примем, как братьев, и гарантируем жизнь и будущее. Ваше же положение сейчас не завидное: красные подходят к Варшаве, на вашем фронте появляются все новые и новые части Красной армии. Близится час расплаты! Вы усиленно старались провести мобилизацию среди татарского населения, но это вам не удалось и не удастся.

«Красно-зеленые не дают вам покоя. Вы дорожите вашей резиденцией, но бороться с нами очень трудно. Я предлагаю вам вырубить все леса, но гор вы, все равно, уничтожить не сможете; выпустить газы, но от них погибнет население и ваша же свора; бросить на нас двести тысяч войск, но сколько их у вас всего на фронте?!

«Товарищи солдаты, офицеры! Мы обращаемся к вам с последним призывом: покидайте ряды белых, идите в лес! Вы найдете там нас. Не дайте уйти приспешникам буржуазии, которые за вашими спинами грузят чемоданы.

«Близится час расплаты!

«Бывший адъютант командующего Добрармией
«капитан Макаров».

Встречи, аресты и смерти

Через несколько дней Алеша Буланов вернулся. В преинтересное он попал приключение!

— Прихожу в Симферополь. Узнал, где стоит штаб Володина. Сразу направился туда, на всякий случай завернул бомбу в газету, а рукою уцепил рукоятку револьвера в кармане.

«Высокий мужчина, подпоясанный красным кушаком, провел меня в комнату; здесь за большим столом сидел полный человек средних лет. Я взглянул на него и остолбенел от удивления! Володин тоже привстал и, впившись в меня любопытным взглядом, крикнул:

« — Как? Ты, Алеша? Каким образом? Откуда?

«Я положил бомбу на окно, объяснив Володину, что, идучи к нему, припас подарочек. Мы долго смеялись, потом разговорились, да на несколько часов.

«Врангелю Володин не доверяет, а, наоборот, предполагает собрать для борьбы с беляками большой отряд. Я предупредил атамана, что это опасно: Врангель может всегда всех разоружить и перевешать, но Володин только рассмеялся. Я предложил с отрядом сняться с горы, но он считает это преждевременным. Я знаю Володина по Одессе: он делал налеты на буржуазию».

Получив такую информацию, мы все сошлись на убеждении, что Врангель его перехитрит.

Так и оказалось.

Врангель разоружил весь отряд «махновцев» и большинство их перевешал, во главе с атаманом.

— Что-то давно не идет Карпов? Все ли с ним благополучно? — встревожился начальник разведки, Лука Гой, и партизаны начали высказывать различные предположения. Подошел Коля Пришибов. По его лицу мы сразу поняли, что случилось нечто тяжелое. Как бы сговорившись, партизаны засыпали его вопросами:

— Что случилось с Карповым? Почему он до сих пор не возвращается в полк? Заболел что ли?

Коля сдавленным голосом ответил:

— Вчера он был арестован в тот момент, когда хотел идти в лес.

У многих из этих закаленных бойцов слезы выступили на глазах. Другие стояли молча, угрюмо смотря в лес. Товарища Карпова партизаны прямо обожали. Он занимал должность коменданта полка и был горячо предан делу революции.

На военно-полевом суде Карпов держал себя, как истинный борец за дело трудящихся. Он не скрывал, что всю жизнь вел с белыми борьбу, называл их палачами, мерзавцами, ругал их законы. Уже у виселицы он попросил офицеров-палачей спустить веревку пониже.

— Зачем тебе ниже веревку?

— Чтобы вы могли меня поцеловать в...

Не успели мы опомниться от потери т. Карпова, нас постигло новое горе. Жеребец перебил копытом ногу товарища Пети. Мы очень любили этого красивого молодого человека. Фамилии его мы тогда не знали.

Это был ротмистр Петр Гор. Он бежал с Врангелевского фронта. После долгих скитаний попал в отряд к т. Киценко (Герасимову). Белые разбили этот отряд, и Петя перешел на работу к Бабахану.

Петю устроили в казарме объездчика Кособродова, в небольшой землянке. Рядом находился и штаб рев-

кома. За Петей ухаживали члены ревкома — Тоня Федорова, Катя и Фирсов. Здоровье молодого командира скоро начало восстанавливаться. Но все-таки встать с постели он еще не мог.

Случилось, что т. Бабахан с Булановым отправились ко мне в полк, сказав в штабе, что вернутся завтра к вечеру. Но почему-то им захотелось вернуться домой в тот же день. Переговорив со мной о продовольствии, товарищи повернули назад. Они подходили уже к землянке, где лежал Петя, и Алеша рассказывал о своих похождениях. Он разошелся и начал имитировать крик белых, пытавшихся его арестовать.

— Марковцы, вперед, ловите его!

Едва Алеша выкрикнул это, как стукнул выстрел.

Товарищи бросились в землянку. Петя лежал бездыханный: из головы струилась кровь, правая рука судорожно сжимала револьвер. Выяснилось, что эхо, столь обычное в лесах, усилило голоса Бабахана и Алеши до впечатления целой толпы беляков. Здоровые, растерявшись, укрылись в чаще, а Петя, как позорно покинутый, решил не сдаваться живым.

Положительно нам не везло в новом лагере! Мы отдыхали, отстукивали воззвания, готовились к дальнейшим операциям. В это время прибыли пять партизанов: Василенко, Туваев, Сапожников, Чаговец и Мальцев; они пришли из расформированного отряда, работавшего в Ялтинском районе, под руководством Ясинского и Ословского. Они рассказали, что в Крым эвакуированы самые верные части «Единой, Неделимой». Борьба с ними чрезвычайно затруднена отсутствием средств и малочисленностью партизанских отрядов. В то время, помимо нашего полка, в районе Старого Крыма работал отряд в шестьдесят человек, — но еще не связался с ревкомом, — да отряд Сережки Захарченко.

Наши воззвания читались внимательно, но особенного результата не давали.

Приезд т. Мокроусова

Лунный серебристый свет скользит по веткам, бросая яркие полосы на лагерь. Бежит по камням горный родник, переливаясь, как янтарный поток. Многочисленные костры красным заревом освещают вековые деревья и спящих вокруг них храбрецов. Лесную тишину изредка нарушают филин, случайно проснувшаяся зверюга, а также смена караула.

Африканец, Гой и Киселев лежали в палатке и наслаждались видами. Но луна скрылась. Зашумели верхушки сосен, и лагерь закутался в густой туман.

— Посмотрите, как изменилась картина, — сказал Гой.

В этот момент в палатку вбежал один из партизанов, шепнув:

— Я стоял у большой дороги и слышал сплошной шорох цепи белых.

Через несколько секунд партизаны бежали в цепи, держа винтовки на изготовку. Но, вместо белых, в серебряном свете освобожденной луны мы увидели оленей: они шли на водопой.

И посмеялись же над часовым! У многих даже, после неожиданной прогулки, и сон прошел! Несколько партизанов отправились бить полудиких свиней на смелую надоевшей баранине. После ряда выстрелов где-то в чаще, партизаны притащили четырех матерых свиней.

— Вот хорошо! Молодец Ваня, что тебе пришла мысль сходить за свиной! Баранина приелась, — похвалил матрос Яша.

— А ты скоро забываешь! Помнишь, как в Севастопольском районе ели зеленый кизиль, — ответил Баратов: — но тогда было время другое. А теперь на отдыхе хорошо можно пошамать. Давай-ка скорее опалим да в котел.

С ловкостью старых спецов, партизаны быстро приготовили вкусное варево и жареное, от которого слюнки текли у самых сытых.

Вообще, несмотря на гибель двух близких товарищей, на неутешительную информацию пришедшей пятерки, партизаны хранили бодрость и уверенность в своей победе. И они были правы.

Счастье приближалось.

В один погожий жаркий день партизаны особенно разошлись. Всякий вытащил из-под спуда свои таланты: кто поразил нас хорошей декламацией, кто плясом. Только Гудков начинал свою любимую «батьюшку попа», — партизаны без конца смеялись, а Яша Меламедов, оказывается, прекрасно пел частушки на злобу дня, — «пупсика Керенского». В заключение партизаны собрались в общий круг и пели революционные песни. Особенно нам была по сердцу сложившаяся в наших рядах «Алла-Верды».

Мы доканчивали куплеты.

Мы очень долго голодали
И спали в стуже на снегу,
Походы часто совершали,
Война была вся на бегу...
...Вдали трещали пулеметы,
Лилася всюду кровь в горах,
Повстанцев смелые налеты,
У белых паника и страх.
Мы знаем крымское подполье
И всю работу в городах
Много погибло за свободу
Угрюмо смотрит Чатыр-Даг!

Вдруг из гущины выпрыгнул Соколов, сияя радостью:

— Товарищ Макаров, идите в ревком! Прибыл к нам из Советской России товарищ Мокроусов. Привез деньги и пулемет.

Последние слова были покрыты громким «ура» всего лагеря. Самые серьезные, мрачные люди прыгали, смеялись, радовались, как дети. Не один партизан смахнул с суровых глаз слезу счастья.

Мы с Соколовым взобрались на одну из возвышенностей по хребту, протоптанной партизанами до-

рожкой, а навстречу уже шли дорогие гости, неся с собой пулемет — лучший подарок партизанам.

Если бы я никогда не видел т. Мокроусова, то, все-таки, сразу бы его узнал по исключительно твердой походке и сосредоточенности взгляда темных ярких глаз.

Мы дружески поздоровались.

Мокроусов ничуть не изменился с нашей последней встречи в Севастополе. Чтобы попасть к нам, он проделал долгий и опасный путь через море на катере; с ними были Погребной В., Григорьев А., Папанин И., Кулиш Г., Ефимов Н., Мулеренко С., Васильев А., Соколов Д., Олейников Ф., Курган Ф.

Полк, в составе ста шестидесяти партизанов, из всех сил старался предстать пред знаменитым революционером во всей воинской дисциплине.

— Смирно! — скомандовал я: — Командующий армией т. Мокроусов!

— Здравствуйте, дорогие товарищи! — приветствовал партизанов т. Мокроусов: — вот вам подарок из Советской России.

— Ну, теперь мы покажем белым — пускай узнают! У зеленых тоже есть пулеметы! — смеялись партизаны, столпившись, после громоподобного «ура» и команды «вольно», у пулемета.

А Мокроусов с товарищами усердно сколачивали себе шалаш.

На другой день, приказ Мокроусова № 1 оповещал партизанов о полной реорганизации повстанческого движения. Отныне крымские леса разделялись на три района: Симферопольский, Карасубазарский и Феодосийский. Тов. Галько было поручено формирование 1-го конного полка в районе деревни Улу-Узень, Ефимову — 2-го Карасубазарского в Карасубазарском районе. Я оставлялся на той же должности, переименовали лишь полк, соответственно району, в 3-ий Повстанческий Симферопольский полк; т. Кулешу, приехавшему с Мокроусовым, поручалось формирование 1-го Феодосийского полка. На начальника штаба Александровского

4

11

1

7

5

25

28

27

2

20

42

26

23

38

37

21

8

43

22

31

24

20

30

41

18

19

10

3

16

9

32

17

6

14

44

33

15

12

13

36

34

39

40

35

- 1) Мокроусов, А. В. 2) Погребной, В. 3) Макаров, П. В. 4) Дерен Ай-Ярлы Осман (Ибрагимов).
- 5) Африканец-Валиков, И. 6) Васильев, В. 7) Григорьев, Александр. 8) Соколов, Л. 9) Надолинский, Т. 10) Киселев, Леонид. 11) Душанин, Николай. 12) Кудрявцев, В. 13) Карпов, Петр. 14) Иванов, А. 15) Поцелуев, Николай. 16) Клещельский (Григорьев). 17) Якушов, Михаил. 18) Зеликман. 19) Василенко, Юрий. 20) Шамин, Илья. 21) Котляров, А. 22) Васьковский, Петр. 23) Шницер. 24) Курукчи. 25) Удянская, Мария. 26) Карпова, Софья. 27) Чаговец, Леонид. 28) Воробьев, Иван. 29) Русенко, Владимир. 30) Ахлестин, Степан. 31) Мельников, В. 32) Чумак. 33) Эстерский. 34) Меломедов, Я. 35) Соколов-Богун. 36) Ченгуров. 37) Кособродов. 38) Шепелев. 39) Серлиев, Абдурахман. 40) Разведчик. 41) Поляков-Руман. 42) Лукаша. 43) Михалютин. 44) Туваев, В.

(Васильева) и т. Ибрагимова (Дерен Ай-Ярлы) возлагалось подготовить восстание татарского населения на берегу моря, в районе Алушта-Судак, т. Котлярову было поручено вести вербовку добровольцев в Подгородне-Петровской волости, Буланову — организация трех подрывных групп по линиям железной дороги Симферополь — Севастополь — Джанкой — Феодосия и производство взрывов железнодорожных складов, фабрик и заводов, работающих на армию.

Всем отрядам и отдельным лицам, скрывавшимся в лесах, было предложено влиться в формируемые полки соответственных районов. Не подчинившиеся приказу объявлялись бандитами, подлежащими наказанию.

Тов. Бабахан сдал свои обязанности т. Мокроусову и уехал в Советскую Россию.

Кроме приказа № 1, мы напечатали воззвание к солдатам, казакам и офицерам белой армии и письмо рабочим завода «Анатра». Туда же командировали опытного работника Скрипниченко с заданием поднять повсеместно восстание на заводах.

Все товарищи были снабжены деньгами, и работа закипела.

Алеша Буланов

Уход т. Буланова вызвал среди красно-зеленых большое сожаление, но мы отлично понимали, что только такому испытанному работнику мог Мокроусов поручить особо серьезное задание. Весь полк был осведомлен о недавней боевой работе Алеша. В 1919 году в Симферополе организовалась группа коммунистов и анархистов под руководством Луки Луговика. Ее составляли: Алеша Буланов, Сафьян (Спиро) с женой Лизой, Алексей Белый (Алексеев), Полянский Сергей, Чуднов Иван, Михаил Чуднов, Яшка Черный, Иван Карпов, Эмма Кубанцева, Петр Карпов, Литвинов, Катя

Григорович, Сергей Капилетти (Маркиз), Васьковские, Майор (Городецкий) и другие.

Эта группа занимала конспиративные квартиры по Казарменной улице, д. № 47, на Красной Горке, по Речной ул., в доме Лугового, возле синагоги у портного и в доме Чудного.

Это была первая подпольная организация, принявшаяся энергично работать среди частей Деникина. Кроме распространения повстанческих воззваний и агитации, шла усиленная вербовка новых членов и подготовка каких угодно паспортов. Когда контр-разведка посадила в участок т. Литвинова, группа решила освободить его. Восемь подпольщиков преображаются в нижних чинов, а Лука Луговик и Алеша Буланов в офицеров. Окружают одного из своих, имитируя захват бунтовщика, и такой процессией являются в участок. Дежурный офицер докладывает полковнику, который в это время производит поверку караула. Полковник отвечает:

— Пусть подождут.

Тов. Луговик ударяет полковника по физиономии, а т. Буланов срывает с него погоны и, под угрозой смерти, моментально разоружает караул. Освободить т. Литвинова и прочих политических и посадить на их место золотопогонников и караул — дело следующих минут.

Через некоторое время контр-разведка арестовала т. Сафьяна (Спиро). Ему грозил расстрел. Луговик и Буланов опять переодеваются в форму штаб-офицеров и в автомобиле подъезжают к воротам тюрьмы. По искусно сфабрикованному ордеру, за подписью полковника Леуса, начальника контр-разведки, тюрьма выдала т. Сафьяна. Можно себе представить самочувствие тюремщиков, когда через неделю явился настоящий следователь и, вместо арестованного, получил фальшивый ордер!

Контр-разведка долго не хотела признать себя побежденной. Однажды Сафьян, Луговик и Буланов шли

на собрание по Почтовому переулку. Неожиданно два контр-разведчика подхватили Сафьяна под руки с торжествующим:

«Наконец-то ты, голубчик, попался!».

Но идущие сзади Луговик и Буланов открыли стрельбу. Заварилась драка с агентами и подоспевшими юнкерами. В результате, все три подпольщика скрылись через сквозной двор синагоги. Подобный случай произошел и при попытке окружить конспиративную квартиру. Исключительно благодаря стойкости и храбрости товарищей, а особенно Алеши Буланова, спаслись все товарищи до единого. Вот почему мы проводили Алешу, как самого родного человека, и прямо не представляли, как восстановить такую потерю!

Штурм шахт

По распоряжению т. Мокроусова, была послана связь к Альминскому партизанскому отряду, которым командовал Сережка Захарченко (Забияченко). Через несколько часов от Сережки прибыли военком Леонид Киселев и партизан Антон Кубанец. Они заявили о полном своем подчинении Мокроусову. Альминский отряд был влит в 3-ий Повстанческий Симферопольский полк, как батальон. Затем мы двинулись к Бешуйским копам.

С большими предосторожностями ночью мы подкрались к шахтам. Все же часовой услышал стук копыт и шорох.

— Стой! Кто идет?

Мы замерли. В двух шагах от нас переговаривались:

— Господин поручик, я слышал шум...

— Тебе вечно кажется, — небрежно ответил офицер. Я отдал распоряжение идущим впереди ротам:

— Первый вправо, второй влево, в цепь!

Проснулся сплошной шорох, и белые встревожились:

— Стой!

Затрещал пулемет.

— Часто начинай! Пулеметный огонь! — громко скомандовал я. Эхо повторяло раскаты стрельбы, ловило малейшее движение отряда. Казалось, что с нашей стороны наступает не менее тысячи.

— Вперед! Ура! Ура!

Партизаны бросились на шахты. Отряд белых, в числе восьмидесяти трех человек, — из них восемь офицеров, при шести пулеметах, — разбежался. Несколько офицеров спрятались вблизи шахты в окопы, опутанные проволочными заграждениями, и зачастили из пулеметов. Но их одинокая попытка не спасла шахты от красно-зеленых. Мы ворвались в офицерские флигели. По всем признакам, мужчины удрали в одном белье. А их полуодетые жены не понимали, в чем дело.

— Где же ваши вояки? — спросил Мокроусов.

Одна из жен дерзко ответила, окидывая нас презрительным взглядом:

— Кто вы такие и как смеее врываться к нам?

— Мы красно-зеленые. Простите, что побеспокоили. Но вы нам не нужны. Мы только удивляемся, что храбрые мужья бросили жен.

Женщины побледнели и дрожащими голосами запросили пощады. Мокроусов только досадливо отмахнулся. Не было времени объяснять этим бабенкам, что красно-зеленые — не разбойники. Мы выбежали из помещения. Мокроусов распорядился:

— Товарищ Макаров. Попридержите беляков подольше. Когда я зажгу шахту, то пришлю весть. Тогда можно отступить.

Белые, не жалея патронов, развили сильный огонь из Максима. Партизаны лежали в цепи за деревьями.

Я крикнул:

— Белогвардейцы, послушайте, что вам скажу! Колчак расстрелян, красные войска под Варшавой, за что вы бьетесь? За капиталистов? Бросьте оружие,

переходите к нам, мы вам гарантируем жизнь. Сдавайтесь!

Меня перебили:

— Убирайся к такой-то матери, босяк! Семеновцы не сдаются.

— Ну хорошо, сволочь! Мы вас живьем возьмем! — пригрозил я. И, обернувшись к партизанам, гаркнул во всю глотку, на поучение белым:

— Не стрелять! Второй батальон, принимай вправо по балке, не выпускай бандитов. Окружить и взять живыми! — Последние мои слова заглушил треск пулеметного огня. Белые шпарили в балку, где не было ни одного партизана. Когда стрельба немного стихла, я крикнул:

— Первый пулемет, огонь!

— Та-та-та-та, — затрещал наш пулемет. И тот час же партизаны быстро перенесли этот же пулемет на сто шагов влево, и опять команда:

— Второй пулемет, огонь!

— Та-та-та-та...

— Товарищ Макаров! Шахта зажжена. Приказано отступать по дороге, какой шли! — быстро сказал посланный от Мокроусова партизан.

Отбежавши не менее четверти версты, мы встретились с т. Мокроусовым и присели на отдых.

Вдруг раздался мощный взрыв. Земля под нами загудела, как в землетрясение. Сверху посыпались камни. Минутный страх сменился общей радостью. В шахте было заложено около двадцати пудов динамита. Взрыв остановил добычу угля; Мокроусов с первых своих дней нанес чувствительный ущерб транспорту Врангеля.

Белая пресса умолчала о действиях красно-зеленых. Лишь в одной из газет появилась маленькая заметка о казни двух офицеров, сбежавших во время штурма шахт.

Отдохнув в районе Чатыр-Дага, Симферопольский полк двинулся к деревне Куру-Узень. Около деревни Шумы мы порвали телеграфные провода. Скоро

с одной из возвышенностей перед нами развернулось море. Алушта дразнила наши аппетиты. Мокроусову очень улыбалось занять город, но для такой операции нехватало сил.

Повседневность партизанская

По дороге в Улу-Узень, мы высадили из экипажа четырех спекулянтов, ехавших за табаком для врангелевских частей. В экипаж посадили наиболее притомившихся партизанов. Нас очень хорошо встретили улу-узеньские татары, но дали нам урок осторожности. Мокроусов навел справку у крестьян о захваченном нами белом солдате. Татары дружно его расхваливали:

— Человек якши!

Товарищ Мокроусов поверил и отпустил беляка на все четыре стороны. А через несколько минут мы узнали, что из наших рук ускользнул контр-разведчик. В имении Козловых мы наткнулись на уютную семейную сцену. Помещик с чадами и домочадцами лакомились в столовой тортами и шоколадом.

— Почему вы ворвались без доклада? — надменно спросили нас. Но, как уже повелось, узнав, что это красно-зеленые, увяли.

— Товарищ Мокроусов, Козлова и его сына (вольноопределяющегося) направить в разведку? — обратился я к Мокроусову.

— Нет, Макаров. Их надо отпустить для примера. Они послужат хорошей агитацией среди белых, что мы зря не расстреливаем. Двумя больше, двумя меньше, — какая разница!

Во время переговоров с командующим, я подметил таинственные знаки управляющего. Он открыл мне тайком, что в подвале хранятся старые вина. Партизаны погрузили для себя два ящика, а остальное отдали беднейшим татарам. Вино разбиралось ящиками, бутылками и сносилось в горы.

Козлову на прощание дали наказ:

— Если будут малейшие притеснения населению со стороны белых, то вы, как виновник этого, пощады от нас не ждите!

Козлов, трясаясь, как в лихорадке, не верил еще в свое избавление, а семья его плакала.

Пристав в Кучук-Узени, штабс-капитан Гуляков, писал Галько о желании перейти к красным. По дороге к нему, мы с несколькими партизанами сняли в почтовом отделении телефон и велели открыть большой железный сундук с деньгами. Оказалось, что деньги сданы крестьянами, для отправки переводами.

— Такие деньги нам не нужны, — пояснил я: — но если мы узнаем, что вы не отошлете их после нашего ухода по назначению, то мы можем прийти еще раз и отправить вас к Колчаку для связи!

Ворота полиции были открыты; во дворе аккуратными стопками лежали винтовки и патроны. Вокруг оружия толпились стражники.

— Ни с места! — скомандовал я.

Пристав дрожащим голосом напомнил:

— Не расстреливайте. Я писал письмо через Галько Мокроусову и Макарову о сдаче.

— Не беспокойтесь! Я — Макаров, а вот и товарищ Мокроусов.

Командующий приказал штабс-капитану снять погоны. Стражники были зачислены в полк, а Гуляков прикомандирован к штабу.

Мы организовали здесь митинг, на который сошлось все население. Кажется, так восторженно еще нигде нас не встречали. На рассвете мы двинулись в Туак. Эта деревня, окруженная сплошным кольцом гор, утопает в зелени. Туакцы тоже приняли нас, как дорогих гостей. Был даже сформирован Туакский мусульманский взвод.

Из Туака наш отряд расположился лагерем в районе бездействующего лесопильного завода. Глубокая разведка дала сведения, что нам желает сдаться отряд белых, стоящий в деревне Сартанах. Соединившись

с другими формируемыми полками, мы приготовились, в случае, если белые не сдадутся, нанести удар с фронта и с флангов. Мы спустились цепью с горки к каменным постройкам экономии. Ни одного белогвардейца! Опасаясь попасть в засаду, я нарочно громко крикнул:

— Подтянуть резервный батальон для обхода имения!

Из-за скрытого гребня горы у имения застучало множество пулеметов.

— Ложись, часто начинай! Пулеметы, огонь!

Завязался жаркий бой, длившийся около трех часов. Бесперывная стрельба с обеих сторон! Наши цепи, перебегая вперед, бросились в атаку, но сильный пулеметный огонь задержал нас. Некоторые партизаны подошли даже к зданию, но как преодолеть толстые каменные стены без взрывчатых веществ?!

За время боевой работы в Крыму мы научились в совершенстве применяться к местности и учитывать случайности. Перед наступлением на Сартаны, Мокроусов распорядился выставить секретные караулы и заставы на всех дорогах, прилегающих к лесу.

И подкрепление белых, намеревавшихся отрезать нас от леса, «напоролось». Под прикрытием огня, мы отступили в полном порядке, потеряв четырех убитых, в том числе т. Васильева, прибывшего вместе с Мокроусовым. Белые потеряли шесть человек.

Только мы расположились отдохнуть у лесопильного завода, как партизаны закричали:

— Смотрите, смотрите! Поцелуев ведет генерала!

Ко мне подвели высокого полковника генерального штаба в щегольском английском обмундировании. Поцелуев доложил, что полковник отделился от отряда, и разведка захватила его у родника, в тот момент, когда полковник спрашивал их:

— Стой, почему без повязки?

— Ты кто такой и как попал к роднику? — спросил я полковника.

— Я начальник пулеметной команды, — начал офицер, и голос его дрогнул. — А вы кто такие: зеленые дезертиры или красно-зеленые?

— Красно-зеленые, — дружно ответили партизаны.

А я набросился на полковника:

— Что ты ересь порешь? Разве может быть у Врангеля полковник генерального штаба начальником команды?! Обыскать его!

Документы удостоверили, что перед нами полковник генерального штаба Боржековский, начальник штаба внутреннего фронта по борьбе с красно-зелеными. Двухзначный шифр и телеграммы дополнили картину.

Я любезно предложил полковнику следовать за мной.

— Тов. Мокроусов, к нам в часть прибыл полковник генерального штаба Боржековский. Вот его документы. Захвачен в плен вблизи родника. Повидимому, на нас наступают.

Услышав знаменитую фамилию, Боржековский побледнел. Все его тело вздрагивало; но он попробовал спокойно рассказать о движении на нашу стоянку четырех многочисленных отрядов.

Выяснив численность наступающих, состав ближайших гарнизонов ближайших городов и положение на внешнем фронте, Мокроусов перешел на разговор о политике. Полковник Боржековский умолял Мокроусова отпустить его, обещая передавать все оперативные сводки. Он-де давно симпатизировал советской власти. Это утверждение всех рассмешило. Конечно, полковника отправили, «как сведущего человека, к Колчаку для связи, — доложить о крымской обстановке».

Набег на Судак.

Зигзагообразными горно-лесными тропинками мы подошли к Судаку. Сергей Захарченко, по распоряжению Мокроусова, произвел разведку и отрезал Судак

от телефонного и телеграфного сообщения во всех направлениях. Затем полки вступили в город. Нас шумно приветствовали. Приставали:—«Какие части?»— Но партизаны шли молча. Встречные офицеры лихо козыряли Мокроусову, переодетому полковником. До тридцати таких «козыряк» мы забрали под особую охрану. В центре города часть наших отрядов двинулась на кордон снять восемьдесят чехо-словаков, находившихся там, согласно показаниям полковника Боржековского. Наконец, над недоумевающими горожанами заколыхалось красное знамя. Зеленые буквы говорили:

«3-ий Повстанческий Симферопольский полк».

Среди буржуазного населения загорелась паника. Окна оделись ставнями, все двери захлопнулись. Из всех укромных уголков затрещали ружья.

Мы повели наступление на кордон белых. Одна шлюпка пыталась под шумок уйти в море, но наш пулемет и ружья ликвидировали эту попытку. Белогвардейцы бросились вплавь, но мы перебили большую часть их. Тем временем Мокроусов распорядился грузить подводы обмундированием и продовольствием. Из казначейства сбежал кассир. Посланные за ним партизаны нашли его дома. По неопытности они удовольствовались только ключами, но не от кассы. А при вторичном визите к кассиру, конечно, его уже нигде не нашли.

Около двух часов длилась бешеная перестрелка с чехо-словаками. Пули летели со всех сторон. В городском саду мы расстреляли несколько офицеров и одного генерала. Партизаны, не привыкшие к городской обстановке, стали преждевременно отступать. Надо было, как можно дольше, задержать наступление белых, чтобы вывезти обоз. Поэтому я стал в центре с отрядом и одним пулеметом. Белые заметили отход партизанов и начали нажимать. Усилилась стрельба с крыш, пули падали около нас. Командир полка Галько прибежал сказать, что его части отходят. Мне тоже пришлось перейти на окраину города. Мокро-

усов приказал восстановить общее положение; я отказался:

— Части отходят по горе, и связь трудно наладить, пока наши цепи не выйдут окончательно за город.

Мокроусов вынул маузер и повторил приказание.

— Можете стрелять, но восстановить сейчас боевой порядок в полках невозможно. Тем более, они мне не подчинены.

— Я вам приказываю во что бы то ни стало задержать противника и оставаться до последнего момента! — отступил Мокроусов.

— Это могу, — ответил я и приказал открыть огонь по наступающим цепям белых; они делали перебежку в садах и старались зайти в тыл.

Когда пулемет устанавливался на горке, я громко крикнул:

— Подтянуть ко мне две роты 2-го полка! Обойти сад! Пулеметы, — огонь!

Цепи белых стушевались, перебежка приостановилась, а я продолжал кричать:

— Отрезать белогвардейцев от сада! Выслать конницу на шоссе!

Бой продолжался около часу. Уже стемнело. Расстреляв все пулеметные патроны, я медленно отошел. На рассвете части собрались в д. Суук-Су. У нас убило только двоих. Хорошо, что мы вышли заблаговременно: узнав о налете на Судак, Врангель бросил с фронта пехоту и кавалерию. После судакской операции, Врангель стал бояться за свой тыл. Он образовал внутренний фронт и назначил его командующим генерала Носовича.

На стоянке в лесу Мокроусов отдал распоряжение сжечь шпалы, заготовленные для стратегической линии Джанкой — Перекоп. Это была красивая картина!

От квартирера белых, захваченного разведкой, мы узнали, что с фронта сняты части 2-ой конной дивизии и брошены на Судак.

Навстречу была выслана засада во главе с Захарченко, Булановым, Ивановым и др. Лишь только головная часть полка поравнялась с разведкой, грянул пулеметный и ружейный огонь. Белые в панике разбежались, оставив на месте убитых и раненых.

После нескольких дней отдыха

По приказу Мокроусова, полки разошлись по своим районам. Опять у подножья крымского гордого великана, Чатыр-Дага, расположился наш полк. Но уже через несколько дней партизаны заскучали по боям. Идя навстречу настроению полка, я разработал план сложной операции и послал на утверждение командующего армией. Начальник штаба Погребной доказывал, что мой план не подходит и я потеряю всех партизанов. Но Мокроусов знал боеспособность партизанов, от благополучного же исхода операции зависела дезорганизация севастопольского района тыла Врангеля. Не колеблясь, командующий черкнул на моем докладе: «С планом согласен. Для гибкости выполнения оперативных действий предлагаю разделить полк на две группы, в зависимости от обстановки. Командарм Мокроусов».

Партизаны ожили: пришивали пуговицы, погоны,правляли муңдиры. «Производство в офицеры» совершалось быстро: превращались из рядового до полковника, на грудь навешивали георгиевские кресты, святыне Анны, Владимиры. Такое переодевание заставляло партизанов теряться в догадках. Приставали ко мне:

— Большой поход?

Я отделявался шуткой:

— Едешь на день, а еды бери на неделю.

Даже Марии, несмотря на ее усиленные просьбы, не сказал, куда идем и что будем делать. Операция требовала совершенной секретности. Мы выступили в боевом порядке. У деревни Коуши мы спустились к строя-

щейся железной дороге. Здесь проводили к шахтам Бешуйскую ветку.

На митинге выступили с краткими речами Африканец, Кулиш и я. Объяснили рабочим и инженерам:

— Мы могли бы приостановить работу под угрозой смерти. Но постройка закончится через два месяца, как раз к приходу Красной армии в Крым. Поэтому продолжайте строить!

Дружное «ура» было нам ответом.

В деревне Лаки полк захватил двух стражников, в Керменчике — четырех стражников и помощника пристава. Мы просили татар дать нам подводы, по южному — «дилижаны», для поездки в деревню Кокозы. Татары отговаривались, что лошади разбрелись по чаирам на пастбище. Староста объяснил под шумок, что крестьяне добровольно лошадей не отпустят, боясь доноса и репрессии со стороны Врангеля. Надо нажать.

Я поблагодарил за указание и решил имитировать насилие.

— Где тут у вас староста? — строго спросил я.

Староста подбежал ко мне, будто мы с ним и не сговаривались.

— Через пятнадцать минут должны быть дилижаны! Всего четырнадцать!

Староста прекрасно играл роль. Он клялся и отказывался.

— Если не будет дилижанов, я поступлю с вами, как с врагами советской власти, — и, обращаясь к разведке: — взять старосту!

— Не расстреливайте, — закричали татары: — лошадей дадим!

Мы с Кулишем еле сдерживали смех.

Через несколько минут дилижаны с партизанами за-
тарахтели по дороге.

В Кокозах в ту же ночь мы разоружили пятнадцать стражников, захватили двух офицеров, много патронов, оружия и обмундирования. Затем я постучался в уединенный домик пристава:

— Откройте! Я начальник карательного отряда по борьбе с красно-зелеными, капитан Прилуцкий!

— Почему у меня нет телеграфного распоряжения о вашем прибытии? — спросил через дверь пристав.

— Я оперировал с отрядом не в вашем районе, и наступившая ночь заставила меня спуститься в деревню Кокозы на ночлег. Если вы не верите, то можете спросить у своих помощников. Они вам скажут.

Под тяжелым блеском револьверного дула пленные подтвердили мои слова.

— Хорошо, — сказал пристав, — сейчас принесу лампу.

Через несколько минут скрипнул внутренний замок, и в полуоткрытую дверь мы увидели пристава. Он светил лампой, а в другой руке сжимал наган.

Один из моих партизанов, погорячившись, крикнул:

— Руки вверх!

Пристав поднял револьвер, но от волнения не мог попасть в скобу к курку. Он бросил лампу, карабин партизана дал осечку. Пристав хлопнул дверью. Мы с Кулишем дали ряд выстрелов, через дверь послышался крик и падение тела. Пристав был тяжело ранен.

В деревне Албат мы разоружили шесть стражников. Одного из них, удравшего ранее от нас, Куценко, для примера расстреляли. В Каралезе разоружили 11 казаков и 2 стражников. В деревне Ай-Тодор я распустил рабочих и контору по заготовкам шпал для стратегической линии «Джанкой — Перекоп». Отдохнув вблизи казармы Евграфа, мы зашли на кордон Херсонесского монастыря, где сняли одиннадцать человек белых, изъявивших согласие служить в рядах повстанческой армии.

В Алсу мы вступили в боевом порядке с песнями. Находившаяся здесь инженерная рота обрадовалась нам, думая, что мы пришли на смену. Каково же было разочарование, когда мы окружили и разоружили солдат.

На наше предложение: «кто желает служить в повстанческой армии—отделись влево!»—половина отделилась влево. Но лица были угрюмы и боязливы. Мы растолковали, что в ряды красно-зеленых переходят по доброй воле, а не страха ради, что такие вояки, как они, нам не подходят. Мы сняли с солдат английское обмундирование и собрали их, раздетых в одном нижнем, в большом доме. Врангелю же послали донесение о случившемся, с иронической просьбой поскорее одеть своих «храбрых» солдат.

На деревне мне сообщили, что объездчик Красин притесняет крестьян и доносит на всех, помогающих повстанцам. Чтобы проверить это сообщение, я сам поехал в избу Красина. Объездчик, мужик среднего роста, рыжебородый, вытянулся перед моими капитанскими погонами.

— Что прикажете, ваше высокоблагородие?

— Вот что, голубчик, — ласково заговорил я, — скажи, здесь есть какие-нибудь банды и как относится к ним население?

Красин с удовольствием объяснил, что красных бандитов нет. А обо всех симпатизирующих бандитам он заблаговременно сообщает в контр-разведку.

— Вот, ваше высокоблагородие...

Негодяй почтительно протянул мне недописанный донос на дядю Семена. Во мне закипело бешенство. Я резко объявил, что мы — красные. Он начал умолять о пощаде: доносил-де не сознательно.

Когда же предателя повели на расстрел, — он обложил партизанов самыми грубыми ругательствами.

Офицеры, взятые в плен в Кокозах, изъявили согласие служить в повстанческой армии, мы их приняли в наши ряды, но на первой же стоянке один офицер бежал. — По пословице: «как волка ни корми, он все в лес смотрит».

На поляне, вблизи экономии князя Юсупова, я сговорился с командирами проверить лишний раз боеспособность партизанов.

— Противник слева, ложись! — заорал неожиданно я.

Идущая цепь мгновенно пала на землю, повернувшись в левую сторону, получился сплошной треск затворов. Но трое «вояк» шмыгнули в кусты.

— Оставить испытание, записать фамилии бежавших, — распорядился я.

Партизаны долго смеялись, а беглецы загладили свою трусость храбростью в боях.

Подвигаясь дальше, мы встретили двух охотников; их сыновья служили в рядах Врангеля, и старики не могли нахвалиться на строителей «Единой, Неделимой». Партизаны долго слушали охотников, но под конец расхохотались.

Мы боялись за рассудок охотников, понявших, что мы — не-врангелевцы. Ребята долго поясняли старикам истинную суть белогвардейщины. Они слушали в оцепенении. Полк двинулся, а старики все не уходили.

— Клянусь вам всем для меня дорогим, что мой сын не будет служить у белых! — вдруг крикнул вслед один из охотников. Он, несомненно, был сама искренность. Но сдержал ли он клятву — кто знает?

Экономия князя Юсупова была в образцовом порядке. На лесном участке, окруженном специальной сеткой, разводились некоторые породы дорогих зверей. Навстречу нам вышел хорошо одетый интеллигент.

— Много поймали бандитов? — спросил он нас доверчиво.

— Кого надо поймали, — сказал я, подумав про себя: «первого тебя».

— Кто вы такой и что это за здание? — указал я, будто не зная, на экономию.

Он объяснил, что служит управляющим у князя Юсупова, который находится сейчас в Италии.

— Скажите, вас беспокоят бандиты? — спросил военком Африканец Иван.

— Нет, у меня они не были. Слышал я, что в севастопольском лесу работает банда Макарова, но я ни

разу ее не видал. Пойдемте, господа офицеры, ко мне на кофе.

Полк расположился на отдых, а мы, группой в пять человек, пошли за управляющим. Я интересовался, как работает молочная ферма, куда поступает доход, сколько имеется в запасе молочных продуктов, сколько рабочих и на каких условиях они работают.

— У меня тоже имение, и я очень интересуюсь производством.

Выслушав подробный отчет о состоянии хозяйства, я приказал открыть несгораемую кассу.

— Почему, на что? — растерялся управляющий.

— Не будем играть в прятки. Мы красно-зеленые, а я тот самый Макаров, о котором вы говорили при встрече с нами.

Эти слова разразились над управляющим, как гром с чистого неба. Он смешно вытаращил глаза и медленно вытащил часы из бокового кармана. Дрожащими руками он положил часы на стол.

— Что вы делаете? Вы нас, действительно, принимаете за бандитов! Кому принадлежат эти часы?

Управляющий пролепетал:

— Часы мои.

— Так возьмите их обратно. Откройте кассу, я вам говорю!

Интеллигент подошел к несгораемой кассе, но от страха ключ долго не попадал в замочную скважину. Мы терпеливо ждали. В кассе оказался один миллион врангелевских денег. Деньги предназначались для отправки Юсупову.

Управляющий заодно предложил осмотреть его комнаты. Он серьезно думал, что мы возьмем его «ба-рахло». Я повторил, что мы возьмем только необходимое, что принадлежит трудовому народу. Управляющий, наконец, поверил нам и очень обрадовался. Он раскопал нам на чердаке шесть штук хороших седел военного образца. Помимо денег и седел, мы взяли восемнадцать пудов сливочного масла, до двадцати ве-

дер сметаны и девять лошадей. Расписку по всей форме, за полковой печатью, посоветовали переслать, как оправдательный документ, в Италию, Юсупову.

Растроганный управляющий не мог выразить словами благодарность за наше отношение. Он прямо поражался такой постановкой дела. Долго стоял на крыльце дома и махал платком, прощаясь с неожиданными гостями.

Военком конного полка Григорьев решил преподнести «подарок» советской власти — взять Гурзуф. Не сообщая об этом командующему армией, военком привел полк к Красному Камню.

Осматривая местность и разрабатывая план захвата Гурзуфа, полк заметил на Ялтинской Яйле движение пехоты и кавалерии. Григорьев ждал меня с полком по этой дороге, но конная разведка ввела его в заблуждение. У меня перед выступлением в поход не было ни одного всадника.

Рассудив, что несвоевременно вступать в бой с беляками, военком снялся и с горечью донес Мокроусову о своем неудавшемся плане и встрече с противником. Командующий от души хохотал над моим и григорьевским донесениями. Вот уже воистину «своя своих не познаша!».

Отдохнув несколько дней в лагере, мой полк двинулся в деревню Аратук, в девяти верстах от Симферополя. Мне дано было секретное поручение очистить ближние деревни от банд. Партизаны сосредоточенно всматривались в лица комсостава, как бы стараясь разгадать, куда их ведут. Некоторые, смеясь, спрашивали: «Наступать будем на Симферополь, что ли?» — «Еще не время с нашими силами наступать на такие города, как Симферополь», — также смеясь, отвечал идущий рядом со мной Александр Иванов. Военком Африканец шутил всю дорогу: «Подождите немного. Скоро займем Симферополь!». Африканец служил в русском корпусе, переброшенном во Францию. За агитацию в войсках был сослан в Африку, где пробыл два года, из них один год

в одиночном заключении. Его уважали все партизаны.

В Аратуке мы обезоружили стражников и часовых.

Есаул Сычев

В это время из города прибыли т. Дутов и три офицера: полковник Шулькевич, есаул Сычев и капитан Осипов. Офицеры бежали с гауптвахты, куда их засадили за разные преступления: Сычев убил в Ялте жену и любовника, Шулькевич сидел за агитацию в пользу красных, Осипов — за что-то в этом роде. Возврата в ряды белых офицерам не было. Есаула Сычева я знал по Харькову. Он являлся главным представителем по отправке и продаже на Кубань эшелонов с сахаром. Участник первого похода Корнилова, боевой офицер генерала Шкуро, Сычев имел георгиевский крест за империалистическую войну, был ранен девять раз. Сычев абсолютно не интересовался политикой; он просто любил войну, как любят основную профессию.

— Здорово, Сычев, каким образом попал к нам, рассказывай, — обратился я к есаулу.

Офицер чистосердечно рассказал свои похождения.

— Для меня не существует никаких партий, — закончил он: — вся моя жизнь — война, сопряженная со множеством приключений. В них я нахожу суть жизни.

— Но, подумай хорошенько, закончится война, будет мирная обстановка. Что же ты тогда будешь делать?

Сычев, не задумываясь, твердо заметил:

— Красные победят, я в этом уверен. Когда будет не с кем воевать, то поеду в Персию или в Америку. Буду драться против индейцев, арабов и негров, или за них. Для меня безразлично, с кем бы ни воевать. А теперь ты мне дай небольшой отряд, и я покажу тебе свою работу.

— Нет, Сычев, я тебе охотно верю, что ты будешь полезен для повстанческой армии, но не могу тебя назначить хотя бы командиром роты. Лучше пошлю тебя к товарищу Мокроусову, — он вас всех использует.

Сычев перебил:

— Нет, товарищ Макаров, лучше расстреляй меня здесь! Зачем ты меня будешь посылать? Лишь для формальности!

С большим трудом Сычев согласился передать Мокроусову мое письмо. Я давал о Сычеве характеристику, как о крупном спекулянте по продаже сахара для составления капитала генерала Шкуро. Указал, что он очень храбрый офицер, хороший спец, что его можно использовать.

Характерен разговор Сычева с Мокроусовым о военных действиях под Ботайской (станция вблизи Роста).

Сычев напоминал командующему:

— Помнишь, как твои матросы бегали по камышам, это я их гонял; и жара им тогда была!

— А как мы вас разбили, ты забыл? — спрашивал Мокроусов.

— Помню, помню, нам тоже доставалось от тебя. Тебя все знали и боялись. Я даже не хотел к тебе идти. Думаю, «шлепнешь» за прошлое. Но теперь я убедился, какой ты человек. Дай мне приказ! Любую задачу выполняю!

Мокроусов назначил есаула командиром конного полка, под контролем опытного партизана Григорьева. Действительно, Сычев через некоторое время проявил себя, как спец военного дела, а своею храбростью служил примером для остальных.

Несколько строк об Аратуке

В Аратуке стояли и офицеры. Начальник разведки Якушев и еще несколько опытных партизанов постукали в дверь офицерского общежития.

— Идет размещение марковского батальона по квартирам, откройте дверь, — сказали партизаны.

— Здесь находятся офицеры. Помещения нет, — послышался грубый ответ.

Партизан Поцелуев громко крикнул:

— Господин полковник, здесь находятся офицеры и говорят, что помещение небольшое. Как прикажете поступить?

Я важно бросил:

— Поручик, что за разговоры? Вам приказано размещать людей. Осматривайте помещение, по мере возможности размещайте людей на «ночлег».

Ничего не подозревая, офицеры открыли дверь.

— Осмотрите, у нас очень мало места.

— Руки вверх! — скомандовали партизаны.

— А-а, вы зеленые, зеленые! — заговорили офицеры все враз.

Мы захватили трех офицеров, изъявивших, как и стражники, желание служить в повстанческой армии.

Моя мать и контр-разведка

По возвращении на прежнюю стоянку, мы нашли у себя гостей: партизан Сапожников привел из Симферополя двух матросов — Чернова и Костина. Их прислали на подпольную работу из Николаева. Товарищи долго искали связи, познакомились с т. Зальцманом, который держал в Симферополе конспиративную квартиру, работал в боевой группе комсомола и имел постоянные сношения с лесом.

Прощаясь с матросами, я попросил их зайти к моей матери и потихоньку передать письмо и деньги. Я подчеркивал необходимость быть осторожными. После моего побега мать познакомилась с тюрьмой: ее держали недолго и, после допроса о моем происхождении, отпустили.

Чернов благополучно прибыл в Севастополь и вручил матери деньги и письмо. Но среди турок, с кото-

рыми подпольщики начали сговариваться о поездке в Николаев, оказался контр-разведчик. Товарищей арестовали. При обыске нашли мандаты и записку матери ко мне. Контр-разведка арестовала мать. Ее привели под конвоем в кабинет начальника контр-разведки. Здесь мать увидела за большим столом около двенадцати офицеров, среди них были и генералы.

— Садитесь, м-м Макарова, — любезно обратился начальник: — мы с вами хотим посоветоваться; для вас будет хорошо, если ваш сын вернется со своим отрядом и сдаст оружие. Мы дадим ему хорошую должность, восстановим его положение, и все, что он сделал, ему простится. Вы должны, мамаша, на автомобиле поехать в лес к сыну. Берите из нас трех-четырех человек, кого хотите, и поедете на переговоры. Но только предупреждаем, если ваш сын оставит вас у себя, а наших расстреляет, — тогда мы повесим всех ваших родственников, от малого до большого, а имущество конфискуем. Что вы на это скажете, мамаша?

Мать моя ответила:

— Вы интересуетесь моим сыном? Выйти он выйдет ко мне, за это я ручаюсь. Но как он поступит, — я не знаю. Сын-то мой, а разум у него свой. Он, наверное, читает газеты и знает, как его стараются поймать. Те, к кому он заходил, ничего для него не сделали, и то все сидят в тюрьме. А за его голову вы ведь назначили большую сумму денег. Чем же вы можете гарантировать ему жизнь?

— Если нужно, Врангель напишет бумагу к сыну, а слово генерала — закон, как слово государя. Так вот, мамаша, решайте. Мы вас наградим; не будете в такой лачуге жить.

Мать схитрила:

— Хорошо, я согласна, но я же не знаю, где он находится.

Они перебили:

— Мамаша, об этом вы не беспокойтесь. Мы отлично знаем, где он сейчас. Привезем вас к месту рас-

положения его отряда. Вы, вероятно, знаете, сколько у него людей в отряде?

Мать ответила:

— Около двух тысяч, а может быть и больше, не знаю. Слышала, что очень много.

При последних словах матери высокое общество зло-
радно переглянулось.

— Так, мамаша, значит, решено ехать? Вы поймете, какую неоценимую услугу вы нам окажете! Нам хорошо известно, вы веруете в бога, а большевики — это антихристы. Они надругались над святыней, они топчут ее грязными ногами. Ваш сын со своим отрядом оттягивает на себя большие силы с фронта. Но он вас любит и для вас все сделает. Вы ручаетесь, что он нас не тронет?

— Я повторяю, что он ко мне выйдет, но не ручаюсь, согласится ли он вернуться. В этом уверять вас не буду, и что будет, — не знаю.

Один из генералитета, повидимому, старший, ска-
зал:

— Ну, хорошо, мы решим, а вы, сударыня, идите домой и будьте покойны. Мы вас известим заблаговременно.

В коридоре мать обступили офицеры, каждый просился на переговоры. Мать отвечала:

— Хорошо, хорошо, с удовольствием всех вас возьму!

В то же время отпустили из-под ареста жену моего замученного брата Владимира.

Переговоры не состоялись; по всей вероятности, беляки пришли к твердому убеждению в бесцельности своей поездки в лес. Они ограничились лишь выпуском очередного воззвания к своим лесным «братьям».

Но все-таки контр-разведка долго изводила мою мать. Около окна ее хибарочки стоял точно почетный караул, тротуары гранило несколько шпиков. На базар, к соседке, — всюду мать шла под охраной нескольких

молодчиков. Самый опытный познакомился через соседей с матушкой и вел «политические» разговоры.

— Вот, мамаша, когда я скрывался, — как трудно было моей матери! Бывало, пришлешь ей письмо, а она, бедная, плачет, плачет! Как ей тяжело было...

Мать притворялась внимательной.

— А вам сынок пишет что-нибудь? — ласково заглядывал в лицо шпик.

— Нет, никаких сведений о нем не имею.

Такая же слежка была установлена за домом, где жила вдова Владимира. Мало того, в соседней комнате поселился служащий «с убеждением против белых».

После ареста Чернова, к невестке пришли два «крестьянина», якобы из леса от меня, и просили провести их в городской подпольный комитет. Мать невестки ответила, что ничего не знает, и попросила о выходе. Спустя несколько минут вернулось уже не два, а пять человек, и заявили о производстве обыска. Тогда мать невестки попросила соседа быть понятым.

— Какие-то неизвестные, приходившие будто бы из леса, теперь хотят произвести у нас обыск.

Сосед отказался, но, когда двое из пришедших сказали через дверь несколько слов, служащий «с убеждением против белых» открыл дверь и дружески с ними поздоровался. Во время производства обыска жилец разговаривал со старшим из группы на французском языке. После выяснилось, что жилец служил в особом отделе морской контр-разведки.

Наступление на деревню Тавель

Разработав план наступления на деревню Тавель, мы в одно утро подошли к экономии, где находился отряд белых. Храбрые партизаны, начальник разведки Лука Гой и командир 1-ой роты Николай, ворвались в здание с криком:

— Руки вверх!

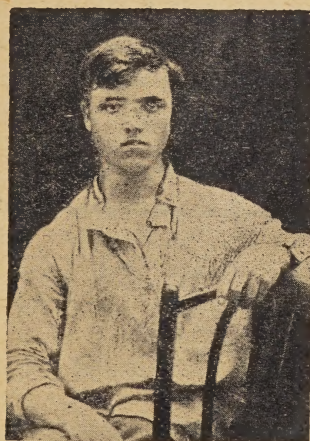
2

1

4

3

**ГРУППА УЧАСТНИКОВ
Крымской повстанческой армии.**

1) Старшая сестра милосердия Повст. армии
т. Макарова Мария Владимировна.

2) Сестра милосердия т. Гой, Аграфена.

3) Начальник разведки 3-го Повст. Симферопольского полка т. Гой, Лука, героически погибший в бою под д. Шавель.

4) Член Рев. штаба Повст. армий активный работник Симферопольской подпольной организации ВКП(б) т. Юсимов (Жорж).

Белые не растерялись, — открыли стрельбу из револьверов; начальник разведки и комроты убиты сразу на месте.

Завязался бой. Пулеметы белых стояли под прикрытием, на цементованных площадках. Нас прямо засыпали пули. Партизаны стреляли залпами. Наши пулеметчики, Штурин и Мельников, сбили пулемет белых и убили пулеметчика, но положение не улучшилось. Бесцельно наступать на каменное здание, жертвовать лучшими партизанами, не имея достаточно взрывчатых веществ. К тому же белые бросили силы из других деревень, с целью отрезать нас от леса. Резерв в двадцать партизанов, конечно, не мог принять бой.

В общем операция оказалась неудачной, вроде сартонской. Правда, всякий нажим на беляка имел большую моральную ценность, агитируя лучше всякого митинга в пользу нашей боеспособности и сплоченности. Но мы потеряли четырех (Луку Гоя, Николая, пулеметчика и санитаря) храбрых и идейных борцов. Двое из наших, Юра Шумхайский и Миркин, ранено. Миркин, стоя на боевом посту, не давал возможности выглядывать белым; был тяжело ранен, находился в сфере сильного пулеметного огня. Уважая его храбрость, партизаны, рискуя жизнью, вынесли Миркина из поля боя. Характерно отметить — в полку были евреи: Вульфсон, Бродский, Гриневич, Меломедов, Хаевский Муля, Шницер, Зеликман, Гриша и много еще активных работников-евреев. Все они были храбры подобно Миркину. Своим героизмом они служили примером для всех красно-зеленых. Белые потеряли несколько убитых и раненых. Белые долго издевались над трупами наших товарищей.

По глубоким балкам, в полном порядке, двигался полк, неся на плечах, на самодельных носилках из шинелей, двух тяжело раненых партизанов. Они страдали молча, кровь сочилась через серое сукно на горные камни: Лица партизанов были хмуры, сердца разгорались еще большей злобой к белякам.

Борьба с антипартизанской агитацией

Партизаны 1-го конного полка Сережка Захарченко и Антон Кубанец повели усиленную агитацию против продолжения операций. Надо вырыть землянки, запастись продовольствием и ждать освобождения Крыма Красной армией.

Военком Григорьев просил наш полк задержать бежавшего Антона Кубанца.

Одновременно мы решили вопрос о заподозренном в провокации Иване Сером. Только Тоня Федорова настаивала на его неприкосновенности. Но все говорило против Серого.

Дело было так. Отряд полковника Козинцева, оперировавший против нас, спохватился, что, пожалуй, Крым скоро падет. Надо было обеспечить себе отступление, и Козинцев предложил мне письменно начать секретные переговоры для передачи пулеметов и оружия. Мокроусов приказал использовать Козинцева, и за ним послали партизана Серого, знавшего полковника в лицо.

Серый вернулся один; Козинцев был-де с отрядом, в Серого стреляли. Я отнесся к сообщению крайне недоверчиво. После выяснилось, что Козинцев пришел в условленное место совершенно один, а Серый выстрелил в него с провокаторской целью. Таким образом, переговоры не состоялись. Вообще, Серый был у нас на подозрении, как досрочно освобожденный из тюрьмы, где в то же время сидели за политику т.т. Донцов (он же Шандель), Донской Марк, Умеров, Апазов и другие; им было известно, что Серый освобожден с целью провокации. После долгих колебаний и споров мы решили расстрелять Серого, но он успел скрыться.

По взятии Крыма, Серый выдавал себя на Украине за начальника снабжения. Провокатора разоблачили и приговорили к десяти годам строгой изоляции с поражением в правах на пять лет лишь в 1926 г.

Григорьев с полком перешел к штабу т. Мокроусова, оттуда получил директиву занять дер. Зуи. В Зуях стоял конный ремонтный полк, состоявший в большинстве из пленных жлобинцев (командир жлобинской группы Ипатов успел убежать из плена к нам).

Среди наших конников замечалась усталость, желание избежать новых боев. Григорьев, учитывая упадок настроения, вернулся на прежнюю стоянку. Здесь пришлось расстрелять одного из своих же, агитировавшего за мирное выжидание.

Тов. Мокроусов назначил командиром полка есаула Сычева.

После отдыха, полк вновь выступил выполнять задание. Подойдя ночью к садам деревни, полк спешил и открыл пулеметную и ружейную стрельбу по Зуям. Белый полк, пристава и стражники разбежались. Наши захватили в Зуях много оружия и провианта.

Как-то, недалеко от Карасубазара, конники увидели три кареты. Григорьев отдал полку распоряжение принять вид отдыхающей части. В следующую минуту партизаны усердно начищали лошадей, бегали с ведрами, ставили заплаты. Все в погонах, все дисциплинированы. Три кареты, мчавшиеся в Шабулды, и не подозревали, что деревня занята красно-зелеными. Экипажи поравнялись с конниками и замедлили свой бег. Высунулся серьезный матерый генерал в ярких погонах.

— Какая часть? — одобрительно спросил он, любясь образцовым порядком.

Григорьев и Ипатов наставили на генерала револьверы. Скомандовали: «Руки вверх!» — а партизаны разоружили конвой.

— Я генерал Сахаров, что вам нужно? — не теряясь, спросил старик.

— Вы нам нужны! — засмеялись партизаны, разоруживая генерала и его офицеров.

Сознание, что он попался в руки своих лютых врагов, все-таки сломило гордость генерала. Он стал та-

ким же жалким, как и все наши пленники. Сахарова и четырех из его спутников наши расстреляли, остальных приняли в свои ряды.

В деревне Чоты бой с белыми шел полтора часа. Конники захватили приставство, расстреляли двух белогвардейцев, захватили около тридцати винтовок, четыре ящика патронов и множество продуктов.

В районе Нового и Старого Аблеша, Моная и Ветуна находился отряд белых в двести человек, при трех пулеметах. Наша кавалерия завязала с ними бой, длившийся два часа. Белые потеряли много раненых и убитых.

В Тугае десять белогвардейцев охраняли имение. В ответ на предложение сдаться, они открыли огонь. Партизаны захватили четверых, а имение сгорело от брошенных бомб.

Из Тугая полк прошел окраиной Карасубазара, произведя в городе панику, и в Сартанах расположился на отдых в том самом здании, откуда в недавнем бою стреляли белогвардейцы. После отдыха в Сартанах партизаны заняли Ени-Салу и Ворон.

2-ой Карасубазарский полк

Главную роль в организации этого полка играл т. Надолинский. В г. Старом Крыму стояла 9-ая кавалерийская дивизия, под командой генерала Драгомирова, и его штаб. Дивизия сформировалась из остатков войск киевского направления и в конце марта 1920 г. должна была выступить на Перекоп. Большинство в ней составляли пленные красноармейцы, а кадр — исключительно офицеры и добровольцы из аристократии и крупных землевладельцев. Генерал Драгомиров прославился оргиями и кутежами, на которых он лично производил добровольцев в офицеры. Жители Старого Крыма отлично помнят, как генерал распоряжался ставить

столы на городской площади. Выкатывались бочки вина и спирта, на огромных вертелах жарились барашки. Под оркестры музыки начиналась повальная пьянка. Провозглашали бесконечные тосты. Генерал Драгомиров, пошатываясь, поднимался и пьяно говорил:

— Господа офицеры! Солдаты! Мы убедились в наших ошибках. Части войск, наступавших по московской дороге, занимались грабежами и плохо относились к населению. Нам дан хороший урок! Теперь этого не будет! Я твердо уверен, что скоро наступит время, когда мы с вами услышим гул московских колоколов и освободим святую Русь от насилия большевиков, которые несут русскому народу нищету и разорение. Я поднимаю высоко бокал и пью за нашу победу! Ура!

— Ура, ура! — подхватили офицера, а солдаты, вместо «ура», протяжно кричали:

— Д-у-рак, д-у-рак!

После пьянки, вся дивизия, от генерала до кашевара, пускалась в пляс. Недавние красноармейцы возмущались строителями «Единой, Неделимой». А офицеры, размякнув от выпивки, всенародно жаловались:

— Чего большевикам нужно? Захватили почти всю Россию и лезут еще в Крым. Хоть бы тут оставили нас в покое!

Недоверие к такому командованию было всеобщее и не только среди населения и солдат: англичане самостоятельно раздавали обмундирование 9-ой кавалерийской дивизии, во избежание спекуляции и произвола.

Среди кавалеристов креп ропот. Они слыхали, что в Феодосии готовится большевистское восстание и возлагали на него большие надежды, но восстание не состоялось.

Три красноармейца: седельник Тимофей Недолинский, бежавший из Джанкойской тюрьмы, слесарь Игнатов и столяр Федоров, разагитировали 80 пленных

красноармейцев и захватили городской арсенал. Перегруженный пулеметами, винтовками и патронами, маленький отряд двинулся в район Кизильташского монастыря. Здесь повстанцы связались с Феодосийской организацией: тт. Николаем Краснобаевым, Алешей Цвалевым, Москатовым и Ганай. После многих злоключений, наиболее слабые отстали от отряда и сдались на милость наступавших беляков.

По распоряжению полковника Грещенко, все «раскаившиеся» были расстреляны на глазах населения.

Этот расстрел подействовал отрезвляюще на отряд: самые малодушные подтянулись, поняв, что возврата нет. Изувеченный белыми труп партизана Ромашко, найденный в лесу, его лицо, искаженное нечеловеческими муками, dokonчили рост отряда в сплоченную боевую единицу.

В девяти верстах от Судака красно-зеленые устроили засаду и захватили белый отряд. То ехал граф Капнист, отправлявшийся за границу для переговоров о дальнейшем снабжении армии. Красно-зеленые расстреляли всех захваченных в том числе двух сотрудников Освага.

С прибытием Мокроусова, партизаны охотно ему подчинились; отряд получил наименование 2-го Карасубазарского полка и встал под команду т. Бородина, а впоследствии — Шулькевича. В районе Шах-Мурза Карасубазарский полк принял бой с 2-ым конным полком белых. Красно-зеленые захватили много оружия, восемь лошадей, обмундирование и пленных. Часть пленных влила в полк.

Спустя некоторое время, полк, по заданию командующего, взял без выстрела кордон Якорной Бухты, в четырех верстах от Феодосии, и взорвал Акмелесскую водокачку, но при наступлении на Шубашскую водокачку партизанов постигла неудача. Белые заставили отойти красно-зеленых; один партизан захвачен в плен и расстрелян.

«Отцы-пустынники»

Как-то в Кизильташский монастырь пришел за продуктами комрот т. Надолинский с десятью партизанами. В соборе шло служение, и монахи предложили партизанам самим поймать пару быков. Партизаны принялись за дело. А монахи бросили службу и сменили кресты на винтовки. Предательский ружейный огонь залпами заставил партизанов бросить быков и рассыпаться в цепь. После перестрелки партизаны, не солоно хлебавши, вернулись в лагерь. Против святых отцов озлобился весь полк. Сильно подмывало осадить и взять монастырь по всем правилам военного искусства. Но специальное совещание полка разъяснило партизанам, что надо считаться с религиозностью крестьянства и разгромом монастыря не давать в руки Врангеля опасного оружия против самих себя. Монахи остались безнаказанными.

Здесь к месту упомянуть об епископе Вениамине. При Врангеле он пользовался большой популярностью среди духовенства и офицерства. В период полного разгула контр-разведки и неудавшейся попытки Врангеля расширить пределы своей территории, епископ Вениамин проповедует «братство и любовь к ближнему»:

— Потоки невинной крови текут по Руси! Их надо остановить. Люди гибнут в нищете. Сколько калек, вдов и сирот!

Покуда епископ объясняется в пламенной любви к нищете, крымская контр-разведка чинит суд и расправу над пролетариатом и его друзьями. Жены некоторых захваченных контр-разведкой были так наивны, что искали у Вениамина заступничества. И епископ обещал помощь, при условии... полной откровенной исповеди всех дел и помышлений своих и мужниных. Многие женщины, по своей религиозности, исповедались до последней тайны. Они уходили домой умилен-

ные, обнадеженные; каково же было их отчаяние, когда иногда выяснялось, что «тайное стало явным», и любимого ждет не заключение, как предполагалось до исповеди, а расстрел. Случалось, что некоторые женщины возбуждали в Вениамине плотские желания. Епископ очень «ухаживал» за женой т. Левченко, но эта темная женщина не поддавалась «святости» епископа. Тогда он раздраженно отмахнулся от всяких просьб за мужа.

— Чего тебе жалеть мужа? Сама еще молода. Скоро выйдешь замуж!

Вениамин держал тесную связь с особым отделом морской контр-разведки; к нему не раз приезжал князь Туманов, а в епископской приемной всегда торчали агенты контр-разведки. Они выслеживали проходящих и «помогали» писать прошения к епископу. Вениамин жил на широкую ногу в Херсонесском монастыре. Заветной мечтой пастыря было устроить крестовый поход в Москву с иконами и хоругвями. Он живо представлял себе форму крестов, которые должны были освящать грудь и руки каждого бойца, на подобие рыцарей-крестоносцев. Но население отказалось от крестов. Обходя на фронте цепи лежавших белогвардейцев, Вениамин приговаривал:

— Большевики — антихристы! Да воскреснет Русь!

Подняв глаза к небу, пастырь благословлял орду на великие подвиги.

Конец белых

Наступил сентябрь. Пехотная и кавалерийская разведка врангелевцев не решалась проникнуть к нашей стоянке. «Здесь каждый куст стреляет», — жаловались белые солдаты. Иногда в воздухе парили аэропланы. Моментально отдавалась команда: «Погасить костры». Красно-зеленые прятались за вековые деревья. Вместо оживленного лагеря, разведчики могли увидеть лишь пустую поляну. Аэропланы убирались, не солоно хлебавши.

Пришли и зимние стужи. В горах выпал снег. Денно и ночью горели большие костры. Чтобы не замерзнуть, приходилось спать между двух костров. Все партизаны ходили с обгоревшими рукавами, фалдами и пр.

Белые находились на Перекопе и у Чонгарского моста. Врангель уже не думал о наступлении и расширении своей территории, а из последних сил сдерживал красных у входа в Крым. Белогвардейская пресса доказывала, что Крым — неприступная крепость. Начальник штаба внутреннего фронта белых писал, что зеленых в горах не больше шестисот человек; всеми ими командуют террорист-матрос Мокроусов и известный Макаров. Борьба затруднительна, вследствие природных условий Крыма: легче найти иголку, чем поймать зеленого...

Начальнику внутреннего фронта, ген. Носовичу, поручалось и формирование тыловой армии. Против нас стали появляться все новые и новые части, но мы боялись не их. Нас страшила суровая зима. Настроение партизан резко упало.

Я уже упоминал об Антоне Кубанце.

Этот парень имел определенный вкус к бандитизму и разлагал некоторых неустойчивых партизан. Он нашептывал о Мокроусове и его командирах:

— У них есть деньги, золото. Они могут уехать в Советскую Россию и бросить нас на произвол судьбы. Против нас появляются большие части белых. Нас легко разобьют, а кому удастся бежать, — тот погибнет от холодов. Не будем подчиняться приказам и разойдемся, кто куда. Поодиночке скрываться будет легче.

Мы собрали обличающий материал и препроводили в штаб командующего.

Смутьяна Кубанца расстреляли, и в полку восстановилось полное спокойствие.

В это время Мокроусов прислал приказ перейти с полком в Малые Казанлы, оставив в лагере небольшую часть партизанов, которая бы скрыла от белых пе-

регруппировку нашей армии. Я оставил восемнадцать бойцов с опытным командиром Енкиным, всех раненых под присмотром старшей сестры милосердия (моей жены) и сестры Груни Гой. В Казанлах я встретил Мокроусова. По сосредоточенному выражению его лица было видно, что командующий наметил серьезную операцию. Действительно, Мокроусов предполагал собрать все тачанки и двинуться в район Евпатории и там, в зависимости от обстановки, нанести удар в тыл Перекопа, с целью открыть фронт. При неудаче мы рисковали потерять 80%.

У партизанов чувствовался большой подъем духа, в особенности, когда они разместились по халупам.

— Мокроусов недаром нас собрал сюда. Лучше идти на верную смерть, чем лазать по горам и в стужу по сугробам.

11 ноября полк занял деревню Боксан. От крестьян мы узнали о движении обозов белых в разных направлениях.

— Что бы это могло быть? — недоумевал командующий, и выслал 1-ый конный полк в деревню Розенталь.

Вскоре Сычев донес: взятые им в плен офицеры сказали, что идет отступление от Перекопа. Мокроусов отдал распоряжение произвести немедленную мобилизацию всех подвод в деревнях; затем мы двинулись по шоссе Симферополь — Карасубазар. В стороне Перекопа слышалась орудийная канонада. От четырех пленных казаков мы узнали, что фронт белых прорван и на Карасубазар двигаются части 1-го Кубанского и 2-го Донского корпусов. Когда мы выехали к шоссе, в сером тумане сплошной черной тучей отступала кавалерия ген. Барбовича.

— С повозок в цепь! — раздалась команда, и партизаны дружными цепями перешли в наступление. Наш 1-ый конный полк находился на левом фланге. Он схватился с кавалерией противника. Завязалась сильная пулеметная и ружейная стрельба. Белые крыли огнем

из тридцати пулеметов, у нас же работало только четыре. Но нам помогли внезапность нападения и туман.

Через полчаса белая конница бежала в панике на Карасубазар. Мы захватили много пленных; кого вливали в нашу семью, кого расстреливали. Среди пленных т. Ипатов узнал тех, кто над ним издевался в дни его плена.

Кроме живой силы, партизаны захватили пятнадцать пулеметов, часть обоза и двуколки с боевыми патронами. В разных местах на шоссе стояла оставленная артиллерия со снарядами. Всюду валялись погоны. Стало ясно, что Крым пал!

— По повозкам садись, рысью ма-а-р-ш!

— Та, та, та, та,—трещали пулеметы, сливаясь с грохотом колес. Наш конный полк бросался с одного фланга на другой, нервируя противника. Барбович выслал эскадрон с белым флагом выяснить, с кем имеет дело.

— Кто вы такие? — кричат беляки.

— Красные буденовцы, вперед! — отвечают из нашего полка, и кавалерия белых бежит, бросая по пути лошадей, пулеметы, артиллерию, обозы, сдаваясь группами в плен. К вечеру был занят с боем Карасубазар.

От начальника связи первого корпуса мы узнали, что в другом направлении на Карасубазар движется кавалерия белых, в составе двух тысяч сабель. Наш 3-ий полк устроил засаду на дороге у окраины города и встретил кавалерию пулеметным огнем. Конница помчалась по проселочным грязным дорогам, бросая по пути все. Пробыв несколько часов в Карасубазаре, мы продолжали преследование конницы Барбовича. Наконец, генерал пробовал задержаться в Бахчи-Эли и дать нам отпор. Но было слишком поздно. Наши полки выросли с шестисот человек при 4-х пулеметах до двух тысяч штыков при тридцати пулеметах. В результате трехчасового боя партизаны захватили множество беляков, в том числе личный конвой Барбовича,

который отличался своим мужественным сопротивлением.

С каждым новым продвижением повстанческая армия обогащалась новыми трофеями.

От конницы Барбовича осталась жалкая группа, которая стала разбегаться по лесам. Часть кавалерии бежала в Феодосию, где не было транспорта и уже образовался городской ревком, и здесь сдалась.

В деревне Салы наши конники захватили пять кавалеристов. Они оказались красными. Их послали на разведку выявить, — что это за части перед ними. Проходя по Карасубазарскому шоссе, конница красных всюду наблюдала картину разгрома. Таким образом, мы связались с регулярной Красной армией, которая шла вслед за нами. В дер. Акмолез восемьдесят три беляка сняли погоны и объявили себя зелеными. По распоряжению Мокроусова, конный полк отправил их «к Колчаку». Затем повстанческая армия заняла Старый Крым и, пробыв там сутки, двинулась на Феодосию. На одной из возвышенностей Феодосии я, осматривая в бинокль окружность, заметил лаву кавалерии. Это двигалась на Керчь конница Буденного, а по всем дорогам к Феодосии тянулись вереницею обозы. На море появился французский крейсер. Мы после узнали, что на нем находился Врангель; он объезжал побережье, наблюдая за ходом эвакуации, и, повидимому, имел намерение подойти к Феодосии, чтобы забрать на крейсер не успевших эвакуироваться генералов. Повстанческая армия привлекла внимание крейсера; его орудия открыли по нас огонь. Но снаряды его делали то недолет, то перелет. Снаряды красной артиллерии тоже рвались вблизи крейсера, но положительных результатов не давали. Крейсер дал полный ход назад и скоро скрылся за горизонтом.

По приказанию командующего, всех пленных, вли-
тых ранее по ходу нашего наступления в полки,
разоружили; красноармейцев, попавших в плен белым,
сдали для регистрации и проверки в особый отдел

Феодосии. Вредный элемент был расстрелян, а девятьсот семьдесят три человека, исключительно красноармейцев, сданы коменданту города.

Буржуазия и белогвардейцы, не успевшие эвакуироваться за неимением транспорта, впали прямо в отчаяние.

— Красные еще ничего, — наивно говорили белляки: — а зеленые — это звери.

Действительно, годичное пребывание в горах Крыма, потеря лучших борцов, погибших в борьбе с белыми, обострили классовую ненависть партизанов. Кто не был в горах и не вел непрерывную борьбу в невероятных крымских условиях, кто не испытал жизнь в лесах, сопряженную с мучительными опасностями и лишениями (тыла — нет, кругом фронт), тот никогда не поймет нравственное состояние повстанцев после взятия Крыма.

Тов. Мокроусов отдал распоряжение слить все полки, кроме конного, в один. Сам командующий уехал в Симферополь, оставив меня с частями в Феодосии. По предписанию начальника гарнизона города и с ведома реввоенсовета, части повстанческой армии перешли в район Карасубазара и Старого Крыма. Здесь меня назначили начальником гарнизона. Нас посетили члены реввоенсовета 4-ой армии тт. Анучин, Шубин и командующий армией т. Лазаревич. Они взяли у меня все интересующие их сведения о повстанческой армии и уехали в Симферополь. По распоряжению реввоенсовета югзапфронта, наши части влились в 3-ью дивизию 4-ой армии.

На первом параде в Феодосии начальник 3-ей дивизии К. И. Калнин повторял в восторге:

— С такими молодцами можно было воевать с Врангелем! Все, как один!

Наш конный полк на параде прошел рысью, шашки на-голо, с партизанским визгом. Многие из партизанов были назначены на командные и ответственные долж-

ности, а я отбыл в распоряжение реввоенсовета 4-ой армии.

По взятии Крыма, многие удалые головушки, склонные к бандитизму, никак не могли найти себе места в рядах Красной армии. Нам приходилось строить армию и бороться с бандитизмом. Сергей Захарченко, о котором много упоминается в этих записках, как о храбром, но беспринципном партизане, после взятия Крыма ушел в горы.

Конец бандитизма

За короткое время Захарченко собрал банду в шестьдесят человек и занялся грабежами. Из-за личных счетов с начальником особого отдела V армии Михельсоном, Сережка возненавидел всех коммунистов и ответственных работников. Он их ловил и расстреливал с особым сладострастием. В те дни с гор стали спускаться банды Мамуладзе, Глазаря, Спаи. Признанию бандами советской власти очень способствовал авторитет полномоченного ВЦИК'а т. Вели Ибраимова. Всем бандитам объявлялась амнистия. Только Захарченко не сдался, а пригласил меня к себе в лес.

С Донцовым (уполн. К. Р.), Шатовым (нач. разведки), Пионтковским (уполн. агент.), Тимошенко и Золотаревым (сотрудн. поручения), мы выехали на машине в деревню Мангуши, откуда на повозках поехали в лес. У родника адъютант Захарченки ткнул пальцем на одну из возвышенностей и буркнул:

— За этой горкой Сережка с отрядом.

На горке мы увидели человек шестьдесят. Среди них выделялся ростом и манерой гордо держаться Сергей Захарченко. Он стоял, опершись руками в бока. За поясом торчали два револьвера и бомба.

Я крикнул:

— Эй, бандит! Командуй, — смирно! Разве не видишь Макарова?

Он, повернувшись к своим, заорал:

— Банда, смирно! Равнение на Макарова! Ха-ха-ха!

— Здорово, Сережка!

— Здорово, Макаров!

Мы пожали друг другу руки.

— Ну, садитесь, дорогие гости.

— Эй, тащи сюда барашка и вина.

Я было пробовал заговорить с ним по существу поездки, но Сережка перебил.

— Об этом после, а сейчас давайте выпьем и закусим.

Прикатали двухведерную бочку с вином и на больших сковородках подали жареную баранину. Захарченко налил чарки и чокнулся с нами. Опрокинув чарочку, я стал уговаривать Захарченко:

— Мы приехали на машине, оставили ее в Мангушах. Поедем сейчас с нами в Симферополь. Твой отряд придет завтра.

Сережка хлопнул себя по груди:

— Что ты (выругался) порешь?! Я здесь чекист и солдат: казню и амнистирую. Ты думаешь, что мне ничего не будет за то, что я расстрелял коммунистов? Сегодня я сдался, а вы меня завтра направите в Харьков, а там шлепнете! Нет, я никогда не сдамся!

Банда окружила нас кольцом, лица у всех суровые. Глаза горели бешеными огоньками. Обросшие волосами, полуоборванные, вооруженные с ног до головы, они молча смотрели на атамана, а он, истерически заливаясь смехом, повторял:

— Нет, нет! Я не поеду!

— Так зачем же ты меня звал? — спросил я Сережку.

— Давно я с тобой не виделся, — пояснил бандит, — и слышал, что ты назначаешься командиром отрядов по ликвидации бандитизма. Правда ли это?

— Да!

— Так, значит, ты будешь бороться против меня? — удивился Сережка.

— Да!

— И будешь тикать от меня? — уже смеясь проговорил он.

— Я еще не знаю, кто от кого будет бежать. Я думаю, что ты от меня: у меня будет пятьсот человек, а у тебя шестьдесят.

— Но это неважно. С тобой может случиться, как с летотрядом...

Я встал и прервал беседу:

— Вижу, что мне делать здесь нечего. Пойдемте, друзья, — обратился я к товарищам, которые уговаривали Захарченко поехать с нами.

Сережка категорически отказался, а мне предложил:

— Подожди, успеешь. Давай, выпьем на прощанье, — и протянул чарку вина.

— Давай!

И мы выпили. Банда расступилась, пропуская нас вперед. Мы стали усаживаться на подводу. Ко мне подошел Сережка и, давая большую сумму денег, дружески проговорил:

— На тебе, Макаров. Ты все равно на пайке живешь!

Я отказался:

— Брось, Сережка, дурака валять! Подумай хорошенько. Завтра я тебя с отрядом жду в Симферополе.

— Я в своих словах тверд: что сказал, то и будет, — громко ответил Сергей: — до свиданья!

Едва мы тронулись в путь, как Захарченко грубым серьезным голосом скомандовал:

— Банда, пальба!

Все взяли винтовки на изготовку и направили на нас, а Сережка, выждав паузу, крикнул:

— Вверх пли! — раздался залп.

— Вверх пли! — продолжал он.

И мы не твердыми руками вытащили свои револьверы и стали ответно салютовать. Но тут же, нагнувшись, поторопили извозчика, сказали:

— Скорей, скорей езжай. Может раздумать!

Спустя некоторое время, мне пришлось выдержать с недавним товарищем пять боев. В результате банда его была разбита, захвачено почти все ими награбленное. Сам же Сережка с тремя бандитами скрылся. По слухам, он был убит своими же, а по другой версии, — во время ночлега, у костра взорвалась бомба и погубила Сережку.

Кончилась лесная жизнь Сергея Захарченко.

Кончились тяжелые и светлые приключения партизанов.

Начался новый этап Советской России — мирное строительство!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	Стр 3
-----------------------	----------

Часть первая.

Из организатора Красной армии в адъютанты белого командарма	13
Организационный вопрос улажен как нельзя лучше	16
Белые генералы	17
Генерал-бандит и танки	25
Немного о Махно	29
Дни белых побед	30
Шкуро производит себя в генерал-лейтенанты	32
В «освобожденном» Киеве	37
Установление связи со своими	41
Генерал в компании и на работе	48
Хитрая механика	58
Май-Маевский недоволен	60
Начало конца	64
Май-Маевский в опале	66
Провал подпольного комитета	72
Побег из крепости	81
Именем Орлова	84
Попали к друзьям!	89
Через экспроприацию к формированию партизанов	92
Новый провал и рост рабочего движения	96
Как формировать партизанские отряды	102
Две встречи	104
Наше первое воззвание	107
Опять в гостях!	110
Смерть «барона» Мацкерле	113
Дела рук провокаторских	118
Наши удачи и испытания	121
Начало 3-го Повстанческого полка	129

Часть вторая.

	Стр.
Эпизод с Марией	138
О неудачном наскоке белых и о татарах	139
Белая и партизанская пресса	141
Встречи, аресты и смерти	145
Приезд т. Мокроусова	148
Алеша Буланов	153
Штурм шахт	155
Повседневность партизанская	158
Набег на Судак	161
После нескольких дней отдыха	164
Есаул Сычев	171
Несколько слов об Аратуке	172
Моя мать и контр-разведка	173
Наступление на деревню Тавель	176
Борьба с антипартизанской агитацией	180
2-ой Карасубазарский полк	182
«Отцы-пустынники»	185
Конец белых	186
Конец бандитизма	192

Рабочее Издательство «ПРИБОЙ»

Ленинград, ул. Герцена, 15. Тел. 217-79.
Москва, Лубянский пассаж, 46—49. Тел. 2-24-09.

Гапон, Г. — История моей жизни. Ред. и вступ. статья и примеч. А. А. Шилова. Изд. 2-ое, дополн. Стр. 184. Ц. 75 к.

Краснов, П., ген. — На внутреннем фронте. С предислов. и пояснит. примеч. С. Пионтковского. («Библиотека для всех» №№ 307—312). Стр. 163. Ц. 35 к.

Мстиславский, С. — Гибель царизма. Стр. 134. Ц. 70 к.

Родзянко, М. В. — Крушение империи. С предисл. и примеч. С. Пионтковского. Стр. 280. Ц. 1 р.

Сверчков, Д. — Керенский. Изд. 2-ое. Стр. 135. Ц. 80 к.

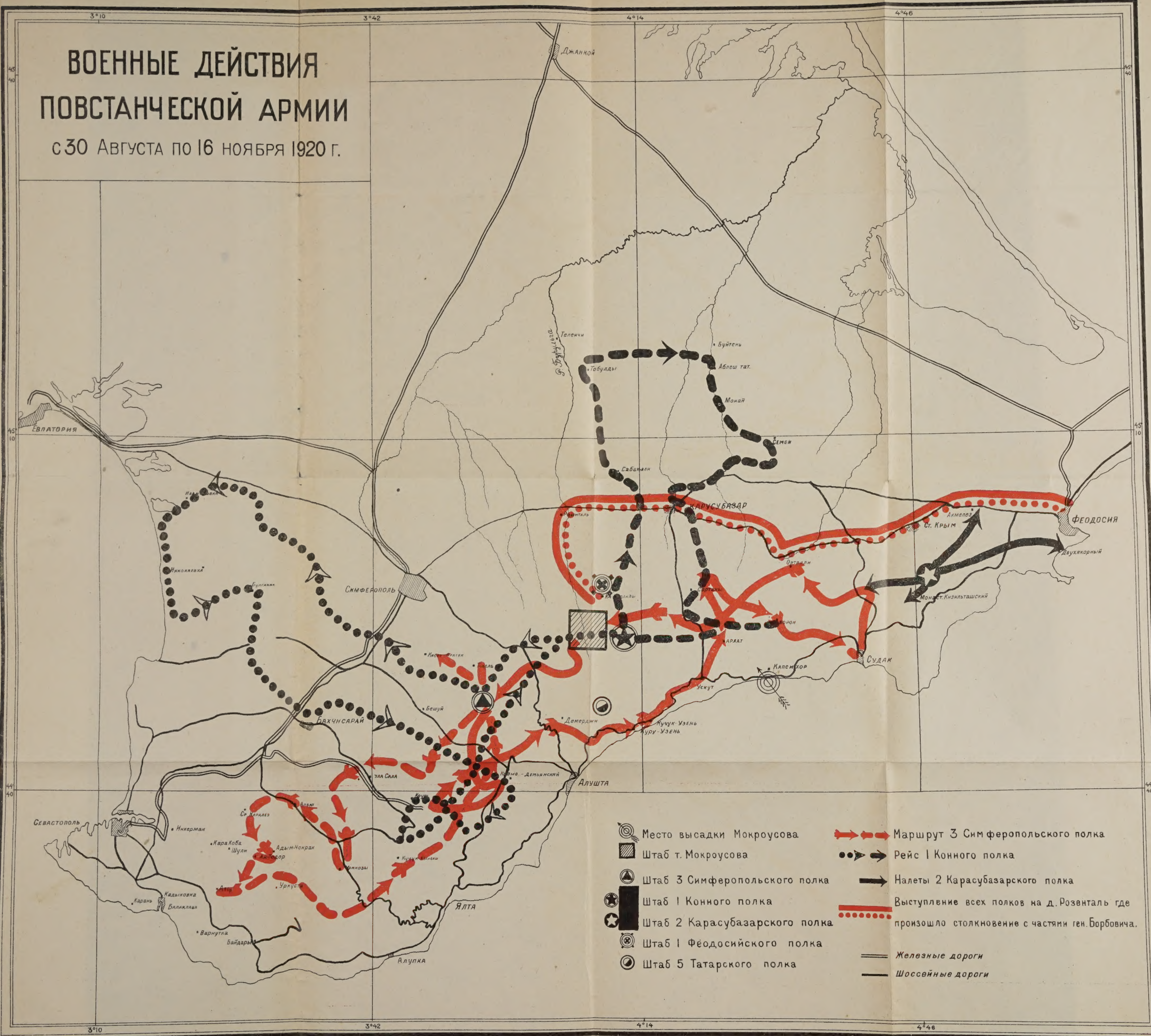
Его же. — Три метеора. (Г. Гапон, Г. Носарь, А. Керенский). Стр. 253. Ц. 1 р. 60 к.

Станкевич, В. Б. — Воспоминания 1914 — 1919 гг. Стр. 194. Ц. 1 р. 25 к.

Шульгин, В. — Дни. Со вступит. статьею и поясн. прим. С. Пионтковского. («Библиотека для всех» №№ 288—296). Стр. 281. Ц. 45 к.

EYE KLASP-8 $\frac{3}{4}$ X 11 $\frac{1}{4}$
ON ENVELOPE DIVISION
Y-CLARK CORPORATION
RROLLTON, OHIO NO. 87

с 30 АВГУСТА по 16 НОЯБРЯ 1920 г.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00031401705